МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

Ярышкин Кирилл Игоревич

МИРОВЫЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ДЕРЖАВЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
Мчедлова Мария Мирановна

Москва
2026

СОДЕРЖАНИЕ

Введение ... 3

Глава I. Теоретико-методологические основания исследования мировых энергетических держав в современной системе международных отношений ... 31

§1. Энергетический фактор в теориях международных отношений: пределы классических парадигм и поиск синтеза ... 31

§2. Концептуализация категорий «энергетическая держава» и «энергетический суверенитет» в условиях многополярности ... 43

§3. Методология анализа энергетического миропорядка: от статичных моделей к динамике конкурентной фрагментации ... 58

Глава II. Генезис и институциональная архитектура глобального энергетического порядка в условиях геополитической конкуренции ... 64

§1. Сущность и генезис энергетических центров политического влияния в системе международных отношений ... 64

§2. Многополярность как политический проект: борьба за переустройство энергетического миропорядка ... 74

§3. Международные институты энергетической политики как арена геополитического соперничества ... 86

Глава III. Углеводородный фактор в геополитическом противостоянии держав: субъекты, инструменты и последствия ... 100

§1. Транснациональные энергетические корпорации как субъекты внешней политики государств ... 100

§2. «Зеленая» повестка как политический конструкт: декларируемые цели и реальные интересы ... 121

§3. Санкционное давление на Россию как элемент геополитической стратегии Запада: политические последствия и ответные меры ... 134

Глава IV. Трансформация энергетических центров политического влияния в условиях геополитической турбулентности: сценарии и стратегические перспективы ... 146

§1. Трансформация геополитических позиций ключевых акторов в мировом энергетическом пространстве ... 146

§2. Энергетический суверенитет России в условиях реконфигурации мирового порядка ... 165

Заключение ... 182

Список использованных источников ... 190

Введение

Актуальность исследования. В условиях нарастающего геополитического противостояния энергетический фактор приобрел значение одной из центральных переменных международной политики. Контроль над энергетическими ресурсами, маршрутами их транспортировки, технологиями добычи и переработки превратился в самостоятельный инструмент внешнеполитического давления и даже вооруженного противостояния[1], тогда как энергетическая взаимозависимость государств обнаруживает двойственную природу – выступая одновременно основой для сотрудничества и источником межгосударственных конфликтов.

Глобальная энергетическая система пережила за последние годы череду глубоких структурных потрясений: распад устоявшихся торговых связей между Россией и Европейским союзом[2], введение механизма ценового потолка на нефть[3], перебои в функционировании стратегических транспортных коридоров[4], становление альтернативных расчетных механизмов за пределами долларовой системы[5]. Совокупным результатом этих процессов стала фрагментация некогда единого мирового энергетического пространства на конкурирующие контуры – условно западный и незападный, – каждый из которых функционирует в соответствии с собственной нормативной и институциональной логикой.

Наряду с этим разворачивается политическая борьба за технологическое лидерство в контексте глобального энергетического перехода. Климатическая повестка, первоначально концептуализировавшаяся как универсальный

[1] Сысоев, И. США атаковали, Иран ответил. Что известно о новом обострении в Ормузском проливе / И. Сысоев // Российская газета. – 2026. – 27 июня. – URL: https://rg.ru/2026/06/27/ssha-i-iran-vpervye-posle-podpisaniia-memoranduma-obmenialis-atakami.html (дата обращения: 09.09.2026).

[2] ЕС принял предварительное соглашение по запрету импорта газа из России // ТАСС. – 2025. – 3 декабря. – URL: https://tass.ru/ekonomika/25800197 (дата обращения: 09.09.2026).

[3] ЕС опубликовал решение о введении потолка цен на нефть из России в $60 // ТАСС. – 2022. – 4 декабря. – URL: https://tass.ru/ekonomika/16495575 (дата обращения: 09.09.2026).

[4] Six months into Iran war, Hormuz traffic way down, sailors stranded // Daily Mail. – 2026. – 25 August. – URL: https://www.dailymail.com/wires/afp/article-16077407/Six-months-Iran-war-Hormuz-traffic-way-sailors-stranded.html (дата обращения: 09.09.2026).

[5] Тренд на дедолларизацию // Компания. – 2026. – 26 января. – URL: https://ko.ru/articles/trend-na-dedollarizatsiyu/ (дата обращения: 09.09.2026).

декарбонизационный проект, все явственнее обнаруживает политическое измерение: инструменты углеродного регулирования применяются в протекционистских целях, а контроль над цепочками поставок критически важных минералов – лития, кобальта, редкоземельных элементов – превращается в самостоятельное измерение геополитической конкуренции[6].

В сложившихся условиях традиционные аналитические модели – либеральная рыночная модель, опирающаяся на положения неолиберального институционализма (Р. Кеохейн[7], Дж. Най[8]), модель гегемонистской стабильности (Р. Гилпин[9]), упрощенные схемы многополярности (Д. Лесаж[10]) – утрачивают достаточную объяснительную силу. Адекватное описание поведения энергетических держав[11] в условиях конкурентной фрагментации глобального энергетического пространства требует выработки нового концептуального инструментария. Особую актуальность исследованию придает положение Российской Федерации – одного из крупнейших мировых экспортеров энергетического сырья, столкнувшегося с беспрецедентным по масштабу санкционным давлением и вынужденного осуществлять масштабную перестройку географии экспорта, расчетных механизмов и технологических цепочек, переформатируя в том числе геополитические модели мировой политики[12]. Анализ политических последствий адаптационных стратегий российского ТЭК и их влияние на глобальную

---

[6] Хлопов, О. А. Стратегическое значение минеральных ресурсов для обеспечения национальной безопасности / О. А. Хлопов // Общество: политика, экономика, право. – 2026. – № 3. – С. 35–41. – DOI 10.24158/pep.2026.3.4.

[7] Keohane, R. O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy / R. O. Keohane. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1984. – ix, 290 p. – ISBN 978-0-691-07676-8.

[8] Nye, J. S. The Future of Power / J. S. Nye. – New York : PublicAffairs, 2011. – xviii, 300 p. – ISBN 978-1-58648-892-5.

[9] Gilpin, R. War and Change in World Politics / R. Gilpin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – xiv, 272 p. – ISBN 978-0-521-27376-3.

[10] Lesage, D. Global Energy Governance in a Multipolar World / D. Lesage, T. Van de Graaf, K. Westphal. – London : Routledge, 2016. – 234 p. – ISBN 978-1-315-58480-5.

[11] В настоящей работе под энергетическими державами понимаются государства, способные оказывать структурное воздействие на мировую политику посредством контроля над ресурсами, инфраструктурой, технологиями или нормами регулирования энергетических рынков. К их числу относятся как традиционные экспортеры углеводородов – Россия и Саудовская Аравия, – так и государства, чье влияние основано на технологическом доминировании – США и Китай, – или на нормотворческом потенциале – Европейский союз.

[12] В Тбилиси обсудили интеграцию энергосистем стран Южного Кавказа и Турции // ТАСС. – 2026. – 23 сентября. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/28143937 (дата обращения: 23.09.2026).

энергетическую архитектуру мировой экономики составляет центральный сюжет диссертации и определяет ее практическую значимость.

Степень разработанности темы исследования. Проблематика позиционирования мировых энергетических держав в условиях геополитического противостояния располагается на пересечении нескольких субдисциплин политической науки, что обусловливает необходимость систематизации обширного корпуса научной литературы и выявления исследовательских лакун, определяющих актуальность настоящей диссертационной работы.

Теоретико-методологические основания исследования энергетического фактора в международных отношениях заложены в классических трудах представителей ведущих парадигм теории международных отношений. В рамках политического реализма и неореализма энергетические ресурсы концептуализируются как материальная основа государственной мощи и объект силового противоборства в анархической международной среде. Фундаментальные работы Г. Моргентау[13], К. Уолтца[14] и Дж. Миршаймера[15] создали теоретический фундамент для понимания логики борьбы государств за контроль над стратегическими ресурсами. Применительно к энергетической проблематике этот подход развит в исследованиях Р. Гилпина[16], концептуализировавшего феномен гегемонистской стабильности, а также в работах З. Бжезинского[17], рассматривавшего контроль над евразийскими энергетическими ресурсами как ключевой элемент глобального лидерства.

Неолиберальный институционализм предложил альтернативную интерпретацию энергетических отношений, акцентируя роль международных

[13] Моргентау, Г. Система международных отношений. Нации в борьбе за власть / Г. Моргентау ; пер. с англ. – Москва : Родина, 2023. – 526, [1] с. – (Документальный триллер). – ISBN 978-5-00222-227-8.
[14] Waltz, K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – Long Grove, IL : Waveland Press, 2010. – 251 p. – ISBN 978-1-57766-670-7.
[15] Mearsheimer, J. J. The Tragedy of Great Power Politics / J. J. Mearsheimer. – Updated ed. – New York : W. W. Norton & Company, 2014. – xxi, 561 p. – ISBN 978-0-393-34927-6.
[16] Gilpin, R. War and Change in World Politics / R. Gilpin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – xiv, 272 p. – ISBN 978-0-521-27376-3.
[17] Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский ; пер. с англ. О. Уральской. – Москва : АСТ, 2021. – 254 с. – (Мировой порядок). – ISBN 978-5-17-135174-8.

институтов и режимов в снижении конфликтного потенциала. Классические труды Р. Кеохейна[18] по теории комплексной взаимозависимости создали концептуальную основу для анализа энергетической взаимозависимости как феномена, способного выступать одновременно источником сотрудничества и инструментом асимметричного влияния. Дж. Най[19] в своих работах по «мягкой силе» и «умной силе» разработал инструментарий, позволяющий анализировать энергетическую взаимозависимость не только как уязвимость, но и как рычаг политического влияния.

Институциональное измерение глобального энергетического управления получило развитие в трудах С. Краснера[20], заложившего основы теории международных режимов. Социальный конструктивизм и критическая геополитика дополнили теоретическую картину, введя в анализ дискурсивное и нормативное измерения энергетических отношений. А. Вендт[21] обосновал роль интерсубъективных смыслов и идентичностей в конституировании международной реальности, а Б. Бузан, О. Уэйвер и Я. де Вильде[22] разработали теорию секьюритизации, позволившую анализировать «энергетическую безопасность» не как объективную данность, а как дискурсивный конструкт, формируемый политическими акторами. А. Кутелева[23] применила конструктивистский подход к анализу эволюции энергетических парадигм.

Геополитика энергетических ресурсов и энергетическая безопасность как самостоятельные исследовательские направления представлены широким кругом работ. Д. Ергин[24] в своих фундаментальных трудах проследил

---

[18] Keohane, R. O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy / R. O. Keohane. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1984. – ix, 290 p. – ISBN 978-0-691-07676-8.

[19] Nye, J. S. The Future of Power / J. S. Nye. – New York : PublicAffairs, 2011. – xviii, 300 p. – ISBN 978-1-58648-892-5.

[20] International Regimes / ed. by S. D. Krasner. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 1983. – x, 372 p. – ISBN 978-0-8014-9250-1.

[21] Wendt, A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – xv, 429 p. – ISBN 978-0-521-46557-1.

[22] Buzan, B. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Wæver, J. de Wilde. – Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 1998. – viii, 239 p. – ISBN 978-1-55587-784-2.

[23] Kuteleva, A. Discursive politics of energy and energy paradigms / A. Kuteleva // Kuteleva, A. China's Energy Security and Relations with Petrostates: Oil as an Idea. – London : Routledge, 2021. – P. 8–23. – ISBN 978-1-003-12804-5. – DOI 10.4324/9781003128045-2.

[24] Ергин, Д. В поисках энергии: ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики / Д. Ергин ; пер. с англ. И. Евстигнеевой, О. Мацак. – Москва : Альпина Паблишер, 2017. – 718 с. – ISBN 978-5-9614-4379-0.

историческую эволюцию мировой энергетики от зарождения нефтяной индустрии до современных геополитических коллизий, введя в научный оборот понятие «энергетическая безопасность» в его современном понимании. Г. Луфт и Э. Корин[25] систематизировали вызовы энергетической безопасности XXI века в комплексном справочном издании.

А. Голдтау и Я. Витт[26] рассмотрели логику трансформации управленческих структур в мировой энергетике, выделив новые нормативные закономерности, складывающиеся под воздействием изменений в расстановке сил между ключевыми игроками. Д. Лесаж, Т. Ван де Грааф и К. Вестфаль[27] обратились к проблеме многополярности в сфере энергетического управления: в их работе показано, как конкуренция различных нормативных порядков ведет к нарастающей фрагментации международных режимов – понимаемых, следуя классическому политологическому определению С. Краснера, как совокупность явных или неявных политических принципов, норм, правил и процедур принятия решений, вокруг которых сходятся ожидания государств и иных акторов международных отношений.

Политические и экономические последствия ресурсной зависимости систематически исследованы в работах Р. Аути[28] и Т.Л. Карл[29]. Оба автора фиксируют один и тот же парадокс: государства, располагающие значительными запасами природных ресурсов, нередко демонстрируют замедление экономического роста, ослабление институтов и хроническую политическую нестабильность – явление, получившее в научной литературе устойчивое обозначение «ресурсного проклятия».

---

[25] Energy Security Challenges for the 21st Century: A Reference Handbook / ed. by G. Luft, A. Korin. – Santa Barbara, CA : Praeger Security International, 2009. – xv, 372 p. – ISBN 978-0-275-99997-1.

[26] Global Energy Governance: The New Rules of the Game / ed. by A. Goldthau, J. M. Witte. – Berlin : Global Public Policy Institute ; Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2010. – xi, 372 p. – ISBN 978-0-8157-0343-3.

[27] Lesage, D. Global Energy Governance in a Multipolar World / D. Lesage, T. Van de Graaf, K. Westphal. – London : Routledge, 2016. – 234 p. – ISBN 978-1-315-58480-5.

[28] Auty, R. M. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis / R. M. Auty. – London ; New York : Routledge, 1993. – ix, 272 p. – ISBN 978-0-415-09482-5.

[29] Karl, T. L. The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States / T. L. Karl. – Berkeley : University of California Press, 1997. – xviii, 342 p. – ISBN 978-0-520-20772-1.

В отечественной политической науке проблематику энергетической дипломатии и геополитического измерения углеводородных ресурсов последовательно разрабатывал С.З. Жизнин[30]. В его трудах энергетическая дипломатия рассматривается как самостоятельное направление внешнеполитической деятельности государства, а энергетический фактор – как один из определяющих элементов современных международных отношений. Ю.В. Боровский[31] систематически исследует политизацию мировой энергетики и политические риски в энергетической сфере, анализируя механизмы использования энергетических ресурсов в качестве инструментов внешнеполитического давления. К.В. Трачук[32] провел обстоятельный анализ современных теоретических подходов к исследованию проблем энергетической безопасности, выявив основные направления эволюции данной категории в политической науке.

Воздействие энергетического фактора на геополитические конфигурации, в том числе посредством пространственных коридоров, рассмотрено в работах В.С. Давтяна[33], проблемы политического доминирования посредством использования энергетического ресурса в различных геополитически и геостратегически значимых регионах – в работах А.К. Магомедова и С.Н. Гриняева[34]. Трансформация глобальной энергетической системы и энергетический переход исследуются в комплексных работах, выполненных под руководством ведущих российских

---

[30] Жизнин, С. З. Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика / С. З. Жизнин. – Москва : Ист Брук, 2005. – 637, [1] с. – ISBN 5-903000-01-0.

[31] Боровский, Ю. В. Политизация мировой энергетики: исторический и современный контекст / Ю. В. Боровский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 45–55. – DOI 10.22363/2313-0660-2025-25-1-45-55.

[32] Трачук, К. В. Современные исследования проблем энергетической безопасности: теоретические аспекты / К. В. Трачук // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 4 (31). – С. 219–226. – DOI 10.24833/2071-8160-2013-4-31-219-226.

[33] Давтян, В. С. Узел высокого напряжения: «Электроэнергетические войны» на Южном Кавказе / В. С. Давтян // Россия в глобальной политике. – 2025. – Т. 23, № 4. – С. 108–124. – DOI 10.31278/1810-6439-2025-23-4-108-124.

[34] Магомедов, А. К. Энергетический аспект современной российской внешней политики на Ближнем Востоке / А. К. Магомедов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2020. – Т. 20, вып. 1. – С. 75–79. – DOI 10.18500/1818-9601-2020-20-1-75-79; Grinyaev, S. N. Evolution of Russian Strategic Planning in the Arctic and Enhancing of Integrated Security of the Fuel and Energy Complexes / S. N. Grinyaev, D. A. Medvedev, J. Zafar // International Studies. – 2023. – Vol. 60, No. 4. – P. 417–430. – DOI 10.1177/00208817231210236.

ученых. Коллективная монография под редакцией А.А. Макарова, Л.М. Григорьева и Т.А. Митровой[35] представляет собой одно из наиболее полных исследований эволюции мировых энергетических рынков и их последствий для России, интегрирующее экономический и политологический анализ. И.А. Гулиев и И.И. Литвинюк[36] разработали комплексный подход к анализу мировых энергетических рынков, раскрывающий взаимосвязь рыночных механизмов и политических стратегий государств. А.А. Конопляник[37] разработал оригинальную периодизацию эволюции нефтяного рынка, в центре которой – процессы «коммодитизации» и «финансиализации»; данная концептуализация представляет самостоятельную ценность для понимания современных механизмов ценообразования и их политических последствий. Региональное и интеграционное измерения энергетической политики исследуются в работе А. Садыковой, К. Шерьяздановой и О. Барнашова[38], обратившихся к специфике энергетической дипломатии в условиях глобального энергетического перехода.

Особое место в отечественной политической науке занимают исследования Центра энергетических исследований ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова[39], где разрабатывается политико-экономическая рамка анализа современного энергоперехода. Принципиально важным для настоящей работы является вывод ИМЭМО РАН о том, что энергопереход представляет собой не столько технологический, сколько политический процесс, являющийся результатом целенаправленных решений, принимаемых в странах-

---

[35] Эволюция мировых энергетических рынков и ее последствия для России / под ред. А. А. Макарова, Л. М. Григорьева, Т. А. Митровой. – Москва : ИНЭИ РАН ; АЦ при Правительстве РФ, 2015. – 400 с. – ISBN 978-5-91438-019-6.

[36] Литвинюк, И. И. Россия на биржевом рынке жидких углеводородов / И. И. Литвинюк, И. А. Гулиев // Энергетический вестник. – 2016. – № 1. – С. 87–107. – DOI 10.7256/2453-8892.2016.1.21450; Гулиев, И. А. Мировая энергетика. Интересы России : монография / И. А. Гулиев. – Москва : Аспект Пресс, 2026. – 170, [1] с. – ISBN 978-5-7567-1411-1.

[37] Конопляник, А. А. Россия на формирующемся евроазиатском энергетическом пространстве: проблемы конкурентоспособности / А. А. Конопляник. – Москва : Nestor Academic Publishers, 2004. – 589, [1] с. – ISBN 5-901074-30-0.

[38] Sadykova, A. Energy Diplomacy in the Context of the Global Energy Transition / A. Sadykova, K. Sheryazdanova, O. Barnashov // Public Administration and Civil Service. – 2025. – No. 4 (95). – P. 160–168. – DOI 10.52123/1994-2370-2025-1556.

[39] Центр энергетических исследований ИМЭМО РАН : [сайт]. – URL: https://www.imemo.ru/energyeconomics/ (дата обращения: 09.09.2026).

потребителях. В статье И.А. Копытина и Н.И. Иллерицкого раскрывается политический механизм метанового регулирования ЕС, которое, под предлогом климатической повестки, фактически перераспределяет прибыль от экспортеров СПГ к импортерам, выступая инструментом нормативного протекционизма[40]. Сборник статей под редакцией С.В. Жукова «Трансформация мировой энергетики: главные тенденции, экзогенные шоки и кризисы, климатическая повестка»[41] систематизирует политические механизмы адаптации национальных энергетических стратегий к условиям турбулентности. Постоянная площадка Форума «Глобальный энергетический диалог» ИМЭМО РАН[42] формирует научную рамку для анализа российско-китайского энергетического сотрудничества, энергобезопасности ЕС и углеродного регулирования как арены геополитического соперничества.

Отдельного внимания заслуживает вклад К.В. Симонова – генерального директора Фонда национальной энергетической безопасности (ФНЭБ), разработавшего категории «энергетический консерватизм» как альтернативную политическую доктрину[43], противопоставляемую европейскому энергопереходу, концепцию «энергетическая сверхдержава 2.0»[44] и «ресурсный национализм»[45] как политическую стратегию использования энергетических ресурсов для укрепления государственного суверенитета. В работах К.В. Симонова также проанализирована санкционная

---

[40] Копытин, И. А. Метановое регулирование как фактор конкурентоспособности на рынке СПГ / И. А. Копытин, Н. И. Иллерицкий // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2025. – № 3. – С. 14–24. – DOI 10.20542/afij-2025-3-14-24.

[41] Трансформация мировой энергетики: главные тенденции, экзогенные шоки и кризисы, климатическая повестка : сборник статей / под ред. С. В. Жукова. – Москва : ИМЭМО РАН, 2024. – 99 с. – ISBN 978-5-9535-0630-4.

[42] Форум «Глобальный энергетический диалог» // ИМЭМО РАН : [сайт]. – URL: https://www.imemo.ru/activities/global-energy-dialogue (дата обращения: 09.09.2026).

[43] Симонов, К. В. Энергетическое измерение консерватизма / К. В. Симонов // Власть. – 2023. – Т. 31, № 1. – С. 17–23. – DOI 10.31171/vlast.v31i1.9456.

[44] Симонов, К. В. Энергетическая сверхдержава 2.0 / К. В. Симонов // Энергетическая политика. – 2024. – № 7 (198). – URL: https://energypolicy.ru/energeticheskaya-sverhderzhava-2-0/neft/2024/17/13/ (дата обращения: 09.09.2026).

[45] Симонов, К. В. Политические риски для мировой энергетики: от ресурсного национализма до «молекул свободы» и климатического оружия / К. В. Симонов, А. И. Гривач ; отв. ред. И. Тимофеев. – Москва : Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020. – 24 с. – (Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»). – ISBN 978-5-907318-09-0.

адаптация российского ТЭК как политический процесс, выходящий за рамки экономической реорганизации.

Рассмотренная литература выявляет устойчивый исследовательский пробел: проблема позиционирования ведущих энергетических держав в условиях обострившегося геополитического противостояния пока не получила систематической научной разработки. Существующие исследования либо фокусируются на технологических и экономических аспектах энергетического перехода без должного учета геополитического контекста, либо анализируют геополитические измерения энергетической безопасности без систематического рассмотрения фундаментальной трансформации позиций и типологии самих энергетических держав. Отсутствует объяснительная модель, адекватно описывающая текущую трансформацию глобального энергетического порядка.

Настоящее диссертационное исследование призвано восполнить указанные лакуны посредством разработки синтетической теоретической рамки, интегрирующей сильные стороны классических парадигм теории международных отношений и мировой политики, введения и операционализации авторского категориального аппарата, а также построения объяснительной модели конкурентной фрагментации глобального энергетического пространства, позволяющей анализировать и прогнозировать процессы трансформации роли мировых энергетических держав в условиях современного геополитического противостояния.

Объектом исследования являются мировые энергетические державы как субъекты международных отношений и мировой политики.

Предметом исследования являются механизмы позиционирования мировых энергетических держав в условиях современного геополитического противостояния.

Цель исследования – выявить закономерности трансформации политического статуса мировых энергетических держав и обусловленных ею изменений геополитических конфигураций в условиях конкурентной

фрагментации глобального энергетического пространства, а также определить сценарные перспективы этой трансформации и их значение для энергетического суверенитета России.

Задачи исследования:

- провести критический анализ классических парадигм теории международных отношений и мировой политики применительно к энергетическому фактору и обосновать необходимость синтетической аналитической рамки;
- концептуализировать категории «энергетическая держава» и «энергетический суверенитет» и разработать типологию энергетических держав по доминирующему политическому источнику структурного влияния;
- разработать методологию анализа энергетического миропорядка на основе авторской концепции «конкурентной фрагментации» и сценарного прогнозирования;
- исследовать сущность и генезис энергетических центров политического влияния;
- проанализировать многополярность как политический проект и выявить предпосылки переустройства энергетического миропорядка;
- рассмотреть международные институты энергетической политики как арену геополитического соперничества;
- исследовать транснациональные энергетические корпорации как субъекты внешней политики государств;
- раскрыть «зеленую» повестку как политический конструкт и выявить противоречия между декларируемыми целями и реальными интересами;
- определить санкционное давление на Россию в качестве элемента геополитической стратегии Запада и оценить его политические последствия и ответные меры;
- оценить трансформацию геополитических позиций ключевых акторов в мировом энергетическом пространстве и разработать сценарный прогноз;

– определить перспективы укрепления энергетического суверенитета России в условиях реконфигурации мирового порядка.

Гипотеза исследования. Фрагментация глобального энергетического пространства на конкурирующие нормативно-институциональные контуры влечет за собой содержательную трансформацию самого понятия «энергетическая держава»: определяющим критерием выступает уже не ресурсная обеспеченность, а политическая способность государства контролировать инфраструктуру, технологии и нормы регулирования энергетических рынков как ключевого ресурса в мировой политике, а также противостоять политическому давлению.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2020 по 2026 год – этап наиболее интенсивной трансформации глобального энергетического пространства. Решение ряда исследовательских задач потребовало расширения этих границ в обоих направлениях: анализ генезиса энергетических центров политического влияния предполагает обращение к материалу начиная с доиндустриального этапа, тогда как сценарное прогнозирование реализуется с горизонтом до 2035 года.

Научная новизна исследования состоит в следующих положениях:

1. На основе критического анализа классических парадигм теории международных отношений и мировой политики (реализм, неолиберальный институционализм, социальный конструктивизм) применительно к энергетической проблематике обоснована необходимость синтетической аналитической рамки, интегрирующей элементы всех трех подходов, и показано, что энергетический фактор в современных международных отношениях является политико-многомерным одновременно в материальной, институциональной и нормативно-дискурсивной плоскостях.

2. Предложено структурно-политическое определение энергетической державы, преодолевающее ограниченность количественно-ресурсного подхода: энергетическая держава определяется не через объемы добычи или экспорта, а через политическую способность государства навязывать другим

акторам правила энергетического взаимодействия и противостоять попыткам изменить эти правила извне, используя контроль над ресурсами, инфраструктурой, технологиями или нормативными режимами как инструмент политического влияния. На этой основе разработана оригинальная типология по доминирующему источнику политического влияния (ресурсные, инфраструктурные, технологические, нормативные державы); обосновано, что в условиях геополитического противостояния ведущие акторы реализуют гибридные стратегии, комбинируя инструменты разных типов.

3. Введена в научный оборот и операционализирована авторская концептуальная модель «конкурентной фрагментации» глобального энергетического пространства, характеризующая текущую трансформацию как политический процесс структурного расслоения на параллельные нормативно-институциональные и инфраструктурные контуры, которые создаются конкурирующими центрами политического влияния и ведут борьбу за универсализацию своих правил и норм регулирования энергетических рынков, как следствия создания желаемых правил мировой политики.

4. Разработана авторская периодизация генезиса энергетических центров политического влияния, включающая восемь этапов и интегрирующая в единой аналитической схеме технологические, институциональные и геополитические измерения эволюции энергетических систем – в отличие от существующих периодизаций, ограниченных рамками одного энергоносителя (А.А. Конопляник) либо не учитывающих институциональную динамику (ИНЭИ РАН). Выделены следующие этапы: доиндустриальный, первичной индустриализации, нефтяной экспансии, послевоенной стабилизации, энергетических кризисов, глобализации и либерализации, технологических революций и геополитизации и современный этап многополярного энергетического мира. На основе данной периодизации конкретизирована применительно к энергетической сфере закономерность перераспределения государственной мощи при смене доминирующего энергоносителя и зафиксирована уникальность современного

этапа: отсутствие единственного доминирующего энергоносителя порождает множественность центров политического влияния, реализующих гибридные стратегии влияния.

5. Выявлены и систематизированы шесть групп предпосылок становления многополярности мировой энергетики (геополитические, экономические, ресурсно-технологические, экологические, институциональные и структурные) и разработана интегральная модель, фиксирующая синергетический эффект от их пересечения и взаимоусиления. Установлен и обоснован асинхронный характер воздействия данных предпосылок: геополитические и экономические факторы выступают триггерами краткосрочных и среднесрочных изменений, тогда как экологические и институциональные детерминируют долгосрочные траектории трансформации, что в совокупности порождает нелинейную динамику реконфигурации глобального порядка.

6. Проведен сравнительный анализ институциональной архитектуры глобального энергетического регулирования и выявлен феномен «институциональной дивергенции» – политического процесса расхождения нормативных стандартов и ценностных приоритетов между западными (МЭА, ЕС) и незападными (ОПЕК+, БРИКС, ШОС) институтами, в рамках которого конкурирующие центры политического влияния целенаправленно противопоставляют свои правила регулирования энергетических рынков западноцентричным нормам. Установлено, что фрагментация энергетического регулирования в 2022–2026 гг. приобрела новое качество, трансформировавшись из стихийного следствия рыночных и нормативных расхождений в целенаправленно воспроизводимое политическое состояние, используемое конкурирующими державами для продвижения собственных норм. На примере России раскрыта специфика «форумной политики» в условиях санкционного давления, приводящей к формированию новой институциональной конфигурации.

7. Концептуализирован системный характер противоречий «зеленой» энергетической повестки и разработана циклическая модель воспроизводства разрыва между декларируемыми климатическими целями и фактической политической практикой государств, включающая шесть фаз: (1) декларация амбициозных целей декарбонизации; (2) принятие протекционистских мер под климатическим предлогом; (3) социальное сопротивление и рост политических издержек; (4) корректировка курса и откат от заявленных обязательств; (5) нарастание противоречий и дисбаланса; (6) новая декларация целей для легитимации следующего цикла. На эмпирическом материале показано, что климатическая политика функционирует как инструмент нормативной державности и политического протекционизма.

8. Предложена авторская трактовка «санкционного парадокса»: ограничительные меры против российского ТЭК непреднамеренно ускорили политическую реконфигурацию глобального энергетического порядка – дедолларизацию расчетов как инструмент ослабления долларовой гегемонии, переориентацию экспорта на азиатские рынки как формирование новых политических коалиций и создание альтернативной институциональной архитектуры как легитимации незападного энергетического порядка, обеспечение политической автономии и формирование альтернативных институциональных механизмов как инструмента переустройства мирового порядка. В отличие от «санкционного парадокса» в трактовке Д. Дрезнера[46], описывающего низкую результативность санкций против оппонентов, в настоящей работе это понятие обозначает обратный системный эффект ограничительных мер: ускорение тех процессов, которые санкции призваны были предотвратить.

9. Установлено, что укрепление энергетического суверенитета России в условиях конкурентной фрагментации требует конвергенции политических и

[46] Drezner, D. W. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations / D. W. Drezner. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1999. – xvi, 342 p. – (Cambridge Studies in International Relations ; 65). – ISBN 978-0-521-64415-0. – DOI 10.1017/CBO9780511549366.

экономических механизмов: способности самостоятельно определять параметры национальной энергетической политики, целенаправленно влиять на изменение геополитических конфигураций, укреплять технологический суверенитет как основу политической автономии и конвертировать текущие экспортные доходы в институциональное укрепление альтернативных механизмов сотрудничества, снижающих зависимость от западноцентричной регуляции.

Теоретико-методологическую основу исследования образует совокупность взаимодополняющих концептуальных традиций в области теории международных отношений, геополитики и энергетической безопасности. Классический и структурный реализм задают исходную объяснительную рамку: в их логике энергетические ресурсы выступают материальным субстратом государственной мощи, а борьба за контроль над ними составляет ядро силовой конкуренции, в которой соображения безопасности превалируют над мотивами сотрудничества. Исследование отталкивается от методологического утверждения об инверсии экономики и политики в эпоху глобализации (У. Бек[47]), когда политическим становится то, что ранее в эту сферу не попадало, а также от гносеологического посыла о политической роли энергетического фактора и энергетического ресурса как одного из ключевых политических ресурсов государства и геополитики.

Теория гегемонистской стабильности (Р. Гилпин[48]) привлекается для объяснения трансформации международных режимов (в указанном выше значении): ослабление державы-гегемона закономерно влечет за собой переустройство нормативной архитектуры, на которую та опиралась. Институциональное измерение исследуемых процессов анализируется посредством неолиберального институционализма и теории комплексной

[47] Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек ; пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. – Москва : Прогресс-Традиция, 2007. – 459, [1] с. – ISBN 5-89826-286-5.

[48] Gilpin, R. War and Change in World Politics / R. Gilpin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – xiv, 272 p. – ISBN 978-0-521-27376-3.

взаимозависимости (Р. Кеохейн, Дж. Най[49]), в центре которых – роль международных институтов и асимметричного распределения уязвимостей в энергетических отношениях. Для изучения дискурсивных и нормативных аспектов энергетической политики задействованы социальный конструктивизм (А. Вендт[50]) и теория секьюритизации (Б. Бузан, О. Уэйвер и Я. де Вильде[51]). Наконец, теория международных режимов (С. Краснер[52]) служит инструментом анализа институциональной архитектуры глобального энергетического управления.

Соединение перечисленных подходов послужило основой для выработки авторской концепции «конкурентной фрагментации» глобального энергетического пространства. Концепция объединяет реалистское понимание межгосударственного соперничества за ресурсы, институциональный анализ механизмов формирования параллельных нормативных контуров, а также конструктивистское внимание к борьбе за смысловое наполнение ключевых категорий энергетической политики. Кроме того, работа опирается на концепцию энергетической безопасности в ее многомерной интерпретации, теорию энергетического перехода, а также подходы, рассматривающие экономические инструменты как средство достижения геополитических целей.

В работе используется комплекс общенаучных и специальных методов познания. Системный подход применяется для анализа глобальной энергетической системы как политического порядка, в рамках которого взаимодействуют конкурирующие центры политического влияния, формируются и оспариваются правила регулирования, а энергетические ресурсы выступают инструментом политического влияния. Структурно-

[49] Keohane, R. O. Power and Interdependence / R. O. Keohane, J. S. Nye. – 4th ed. – Boston : Longman, 2012. – xxxiv, 330 p. – ISBN 978-0-205-08291-9.
[50] Wendt, A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – xv, 429 p. – ISBN 978-0-521-46557-1.
[51] Buzan, B. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Wæver, J. de Wilde. – Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 1998. – viii, 239 p. – ISBN 978-1-55587-784-2.
[52] International Regimes / ed. by S. D. Krasner. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 1983. – x, 372 p. – ISBN 978-0-8014-9250-1.

функциональный метод используется для выявления политических функций различных акторов (государств, международных институтов, ТНК) в воспроизводстве и трансформации этого порядка. Сравнительно-исторический метод позволяет проследить эволюцию политических конфигураций энергетического порядка (от колониальных режимов до современных форм конкурентной фрагментации) и идентифицировать закономерности смены гегемоний и нормативных моделей. Геополитический анализ применяется для исследования механизмов использования энергетического фактора в международной конкуренции.

Политико-текстологический анализ применяется для исследования ценностно-доктринальных внешнеполитических документов, в которых конституируется идентичность государства в качестве энергетической державы определенного типа и легитимируются его внешнеполитические притязания. Институциональный подход используется для изучения роли международных организаций и регуляторных механизмов в управлении глобальными политико-энергетическими процессами. Сценарный метод применяется для прогнозирования политических траекторий развития мировой энергетики в условиях политической и экономической неопределенности.

Эмпирическую базу исследования представляет широкий спектр источников, систему которых можно разделить на две группы. Первую группу составляют международные договоры, конвенции и соглашения в области энергетики и климатической политики, включая Рамочную конвенцию ООН об изменении климата[53], Киотский протокол[54], Парижское соглашение[55],

[53] Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата : [принята 9 мая 1992 года] // ООН : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 09.09.2026).

[54] Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата : [принят в г. Киото 11 декабря 1997 года] // ООН : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения: 09.09.2026).

[55] Парижское соглашение : [принято в г. Париже 12 декабря 2015 года] // ООН : [сайт]. – URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

Договор к Энергетической хартии[56], Конвенцию о ядерной безопасности[57], документы Европейского союза, включая Европейский зеленый курс и пакет мер «Fit for 55»[58], решения конференций сторон РКИК ООН, включая Консенсус ОАЭ[59], а также национальные нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие энергетическую политику и энергетическую безопасность, включая Конституцию Российской Федерации[60], Доктрину энергетической безопасности[61], Климатическую доктрину[62], Энергетическую стратегию на период до 2050 года[63], Концепцию развития водородной энергетики[64], Стратегию социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года[65].

Вторую группу составляют статистические данные и аналитические материалы Международного энергетического агентства (МЭА)[66], статистические бюллетени и ежемесячные отчеты о состоянии нефтяного

---

[56] Договор к Энергетической хартии : [подписан в г. Лиссабоне 17 декабря 1994 года] // Energy Charter Secretariat : [сайт]. – URL: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECT-ru.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[57] Конвенция о ядерной безопасности : [принята в г. Вене 17 июня 1994 года] // МАГАТЭ. – INFCIRC/449. – 5 июля 1994 г. – URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/infcirc449_rus.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[58] 'Fit for 55': delivering the EU's 2030 Climate Target on the way to climate neutrality : Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions : COM(2021) 550 final. – Brussels, 14.7.2021 // EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021DC0550 (дата обращения: 09.09.2026).

[59] Результаты первого глобального подведения итогов : решение 1/CMA.5 [«Консенсус ОАЭ»] // Доклад Конференции Сторон, действующей в качестве совещания Сторон Парижского соглашения, о работе ее пятой сессии, состоявшейся в Объединенных Арабских Эмиратах с 30 ноября по 13 декабря 2023 года. Добавление. – FCCC/PA/CMA/2023/16/Add.1. – 2024. – С. 2–26. – URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma2023_16a01R.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[60] Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

[61] Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2019 № 216 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

[62] Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2023 № 812 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

[63] Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.04.2025 № 908-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

[64] Об утверждении Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации : распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.08.2021 № 2162-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

[65] Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.10.2021 № 3052-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

[66] International Energy Agency (IEA) : [site]. – URL: https://www.iea.org/ (дата обращения: 09.09.2026).

рынка Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК)[67], ежегодные статистические обзоры мировой энергетики Института энергетики (Energy Institute; до 2023 г. обзор Statistical Review of World Energy издавался компанией BP)[68], статистические отчеты о динамике установленных мощностей возобновляемой энергетики и аналитические доклады Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (IRENA)[69], данные о добыче, потреблении, экспорте и импорте энергоресурсов Управления энергетической информации США (EIA)[70], макроэкономические показатели и оценки субсидирования ископаемого топлива Международного валютного фонда (МВФ)[71], а также иные официальные документы, отчетность, экспертные оценки, аналитические доклады и информационные материалы по вопросам энергетической политики и геополитических процессов в энергетической сфере.

Положения, выносимые на защиту

1. Энергетический фактор в современной мировой политике представляет собой многомерное явление, разворачивающееся одновременно в трех плоскостях: как борьба государств за ресурсы и контроль над стратегической инфраструктурой, как институциональное взаимодействие и как нормативно-дискурсивная конкуренция за определение ключевых категорий энергетической политики. Ни одна из классических парадигм теории международных отношений (реализм, неолиберальный институционализм, социальный конструктивизм) в отдельности не обеспечивает целостного охвата всех трех измерений, что обусловливает необходимость синтетической аналитической рамки, интегрирующей

[67] Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC) : [site]. – URL: https://www.opec.org/ (дата обращения: 09.09.2026).
[68] Statistical Review of World Energy 2026 / Energy Institute. – 75th ed. – 2026. – URL: https://www.energyinst.org/statistical-review (дата обращения: 09.09.2026).
[69] International Renewable Energy Agency (IRENA) : [site]. – URL: https://www.irena.org/ (дата обращения: 09.09.2026).
[70] U.S. Energy Information Administration (EIA) : [site]. – URL: https://www.eia.gov/ (дата обращения: 09.09.2026).
[71] International Monetary Fund (IMF) : [site]. – URL: https://www.imf.org/ (дата обращения: 09.09.2026).

элементы указанных подходов для анализа позиционирования мировых энергетических держав в условиях геополитического противостояния.

2. Политические коннотации определения энергетической державы должны основываться не на количественных параметрах присутствия на мировой арене и рынке, а на способности государства оказывать политическое влияние на геополитические конфигурации через контроль над ресурсами, инфраструктурой, технологиями или нормами. Разработанная типология (ресурсные, инфраструктурные, технологические и нормативные державы) отражает множественность источников энергетического могущества, причем в условиях геополитического противостояния ведущие акторы реализуют гибридные стратегии, комбинируя инструменты разных типов. Энергетический суверенитет понимается не как полная политическая и экономическая автономия, а как политическая способность государства самостоятельно выстраивать параметры национальной энергетической политики и удерживать их под давлением конкурирующих центров политического влияния, прибегающих к санкционным и регуляторным инструментам экстерриториального характера.

3. Современное состояние глобального энергетического пространства характеризуется конкурентной фрагментацией – политическим процессом расслоения на параллельные нормативно-институциональные и инфраструктурные контуры. Эти контуры создаются конкурирующими центрами политического влияния как инструменты закрепления своего доминирования и политической гегемонии: каждый ведет борьбу за универсализацию своих правил – за право определять стандарты торговли, условия доступа к рынкам, а также политические конфигурации и критерии легитимности. Границы между контурами проницаемы, что превращает эти контуры в арену соперничества за периферийные государства; векторы нормативного развития самих контуров разнонаправлены, что делает политико-нормативный конфликт неизбежным. Эмпирически фрагментация проявляется в пяти политических измерениях: институциональном – борьба

ОПЕК+ и МЭА за право определять правила энергетического рынка; нормативно-регуляторном – конкуренция CBAM и национальных углеродных рынков за политическое право устанавливать климатические стандарты; инфраструктурном – борьба за контроль над маршрутами транспортировки как инструмент геополитического давления; валютно-финансовом – дедолларизация расчетов как инструмент подрыва финансовой гегемонии; и технологическом – борьба за технологический суверенитет как основу политической автономии, – каждое из которых представляет собой отдельную арену геополитического соперничества. Эволюция системы определяется политическим выбором ведущих держав и может идти по трем сценариям – углубление фрагментации («Энергетический раскол»), стабилизация фрагментированной системы («Конкурентное сосуществование») и частичная реинтеграция («Прагматический поворот»).

4. Генезис энергетических центров политического влияния прослеживается через восемь последовательных этапов – от доиндустриального до современного этапа многополярного энергетического мира, – каждый из которых характеризуется специфической конфигурацией доминирующих энергоносителей, политико-институциональной архитектуры и геополитического соперничества. Разработанная автором аналитическая схема, интегрирующая технологическое, институциональное и геополитическое измерения, позволяет зафиксировать качественную специфику текущего этапа: впервые со времен промышленной революции структура глобального энергопотребления приобретает политическое измерение и не имеет выраженного доминирования одного энергоносителя, что порождает множественность центров политического влияния и их гибридных стратегий, согласующихся с предлагаемой логикой конкурентной фрагментации.

5. Формирование многополярной модели мировой энергетики представляет собой не стихийное перераспределение рыночных позиций, а политический проект, закрепленный в доктринальных документах ведущих

держав и реализуемый через формирование параллельных институциональных механизмов (ОПЕК+, энергоплатформа БРИКС) при переформатировании финансовой инфраструктуры расчетов и целенаправленном оспаривании западноцентричных правил регулирования энергетических рынков. Движущими силами данного процесса выступают шесть групп предпосылок – геополитические, экономические, ресурсно-технологические, экологические, институциональные и структурные, – воздействие которых носит асинхронный характер, что обусловливает нелинейность и многовекторность трансформации глобального энергетического порядка и доминирование политического целеполагания.

6. Мировая институциональная архитектура глобального энергетического управления в 2010–2020-е годы вступила в полосу конкурентной фрагментации: конкурирующие центры влияния создают параллельные политико-институциональные структуры и формируют собственные нормативные стандарты регулирования энергетических рынков. Западные институты (МЭА, механизмы ЕС) реализуют стратегию нормативной державности, продвигая политику радикальной декарбонизации и экстерриториального применения климатических стандартов как политического средства. Незападные институты и иные политические интеграционные форматы (ОПЕК+, БРИКС, ШОС) ориентированы на прагматичное сочетание традиционной и возобновляемой энергетики при сохранении государственного суверенитета над ресурсной политикой. Россия в этих условиях реализует многосоставную стратегию, в том числе стратегию выбора «форумной политики», переориентируясь с западных институтов на альтернативные коалиции.

7. Ведущие транснациональные энергетические корпорации, по мнению автора, выступают в качестве инструментов внешней политики государств базирования, имплементируя различные модели державности, обусловленные соотношением государственных и корпоративных интересов: Saudi Aramco (Саудовская Аравия) – ресурсной, CNPC (Китай) – технологической,

ExxonMobil (США) – нормативно-технологической, Equinor (Норвегия) – нормативной. На примере российских ТНК показано, что в условиях санкционного давления адаптационная стратегия включает четыре ключевых вектора: географическую переориентацию экспорта, обусловленную политическими приоритетами, дедолларизацию расчетов как политический механизм, технологическое импортозамещение в рамках обеспечения стратегии технологического суверенитета и формирование альтернативных политических институциональных механизмов сотрудничества, – что в совокупности ведет к становлению обособленного евразийского энергетического пространства как одного из проявлений конкурентной фрагментации.

8. «Зеленая» повестка в современных международных отношениях функционирует не как универсальный консенсусный проект, а как политический конструкт, внутренне противоречивый по своей природе. Разрыв между декларируемыми целями декарбонизации и реальной политической практикой государств носит системный характер и воспроизводится на трех уровнях: макроэкономическом (сохранение субсидий на ископаемое топливо в объеме 7,4 трлн долл. против 0,5 трлн долл. на возобновляемые источники энергии), регуляторном (использование климатических стандартов как инструментов протекционизма – в частности, европейского механизма трансграничного углеродного регулирования CBAM) и социально-политическом (сопротивление населения мерам декарбонизации). Данные противоречия превращают климатическую повестку в арену геополитического соперничества, где экологическая риторика маскирует борьбу за политическое и технологическое лидерство, а также контроль над цепочками поставок критических минералов, что обеспечивает преимущества в геополитических конфигурациях.

9. Санкционное давление на российский энергетический сектор в 2022–2026 гг., эволюционировавшее от точечных ограничений к системному механизму, охватывающему все сегменты энергетической цепочки – от

добычи до сбыта, – и основанному на политических императивах, привело к структурной трансформации российского ТЭК, выходящей за рамки тактической реорганизации экспортных потоков. Сформировалась двухскоростная модель экономической адаптации: относительно успешная переориентация нефтяного экспорта на азиатские рынки и структурная стагнация газового сектора (сокращение экспорта на 55,4% к 2021 г.). Политическая адаптация и легитимация основаны на стремлении к переформатированию мирового порядка от однополярного к более справедливому многополярному.

10. Сравнительный анализ обнаруживает фундаментальную политическую асимметрию глобальной энергетической системы: три центра политического влияния – США, Ближний Восток и Россия – конвертируют совокупный экспортный профицит энергетических ресурсов (+81,0 ЭДж) в инструмент внешнеполитического давления и рычаг геополитического торга, тогда как Китай, АТР и ЕС, несущие совокупный импортный дефицит (–99,2 ЭДж), вынуждены компенсировать структурную зависимость наращиванием политического влияния через диверсификацию поставщиков, технологическое опережение и нормативное лидерство. Сложившаяся конфигурация воспроизводит условия для конкурентной фрагментации и задает различную политическую чувствительность регионов к трем макросценариям – «Энергетический раскол», «Конкурентное сосуществование» и «Прагматический поворот», – реализация каждого из которых определяется политическим выбором ведущих держав.

11. Укрепление энергетического суверенитета России в условиях конкурентной фрагментации глобального энергетического пространства требует политической стратегии, дифференцированной по временным горизонтам: институциональное измерение обеспечивается углублением интеграции в рамках ЕАЭС, БРИКС и ШОС как инструмента коллективного политического противодействия внешнему давлению, а технологическое – развитием специализированных ниш (малая модульная атомная энергетика,

арктические технологии), где лидерство России конвертируется в политический инструмент проецирования влияния и укрепления переговорных позиций в незападных институциональных форматах.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в развитие теории международных отношений и геополитики. Предложенная концепция «конкурентной фрагментации» позволяет преодолеть ограниченность двух доминирующих объяснительных моделей – либеральной рыночной конвергенции и упрощенной многополярности, – которые не схватывают качественную специфику современного этапа: сосуществование параллельных нормативных порядков при сохранении высокой степени взаимозависимости. Введенное структурно-политическое определение энергетической державы расширяет понятийный аппарат политической науки, смещая аналитический фокус с количественных параметров (объемы добычи, экспорта) на политическую способность навязывать правила и противостоять внешнему давлению. Разработанная типология (ресурсные, инфраструктурные, технологические, нормативные державы) позволяет анализировать гибридные стратегии, которые реализуют ведущие акторы в условиях геополитического противостояния. Концептуализация «энергетического суверенитета» как относительной политической способности уточняет содержание данного понятия применительно к условиям экстерриториального санкционного давления. Предложенная авторская трактовка «санкционного парадокса» вносит вклад в понимание механизмов обратного эффекта ограничительных мер – феномен, который до настоящего времени не получил систематической теоретической интерпретации в отечественной политической науке.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов при разработке и реализации энергетической политики Российской Федерации, а также стратегического планирования деятельности российских энергетических компаний в условиях трансформирующейся мировой политической архитектуры. Разработанная

дифференцированная стратегия адаптации российского топливно-энергетического комплекса может быть использована при подготовке стратегических документов в области энергетической политики, включая актуализацию Энергетической стратегии Российской Федерации, а также выработки политических стратегий позиционирования и влияния в пространстве мировой политики. Все это служит практической цели обеспечения энергетического и технологического суверенитета.

Результаты анализа деятельности ведущих энергетических компаний и механизмов их использования в качестве инструментов внешней политики могут применяться при разработке корпоративных стратегий российских энергетических компаний, определении приоритетов международной экспансии и формировании подходов к управлению геополитическими рисками. Материалы и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в образовательном процессе при разработке и преподавании учебных курсов по направлениям подготовки «Политология», «Международные отношения», «Регионоведение», «Политическая экономия».

Соответствие паспорту специальности. Диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности 5.5.4 – Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)[72].

[72] Соответствие паспорту специальности по следующим направлениям: п. 1 (разработана синтетическая аналитическая рамка, интегрирующая реалистский, институциональный и конструктивистский подходы; предложена авторская концепция «конкурентной фрагментации» глобального энергетического пространства; концептуализированы категории «энергетическая держава» и «энергетический суверенитет»); п. 2 (исследованы энергетические державы как субъекты международных отношений, проанализированы их внешнеполитические стратегии и доктринальные документы; рассмотрены транснациональные энергетические корпорации как негосударственные акторы, выступающие инструментами внешней политики государств базирования); п. 4 (раскрыто столкновение ценностей и интересов в энергетической сфере, проанализирована «зеленая» повестка как политический конструкт, за которым стоят интересы конкурирующих центров политического влияния); п. 5 (исследован генезис энергетических центров политического влияния, разработана восьмиэтапная периодизация, проанализирована трансформация глобального энергетического порядка от однополярной модели к конкурентной фрагментации); п. 7 (рассмотрены вызовы, риски и угрозы энергетической безопасности, связанные с санкционным давлением, блокированием транспортных артерий и технологическими ограничениями); п. 9 (исследована роль энергетического фактора в геополитическом противостоянии, проанализирована конкуренция за контроль над ресурсами, транспортными коридорами и технологическими цепочками); п. 11 (проведен сравнительный анализ международных институтов энергетической политики как арены геополитического соперничества, раскрыта стратегия выбора институциональных площадок); п. 12 (рассмотрены энергетическая дипломатия и использование транснациональных энергетических корпораций как инструментов внешней политики

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения, аналитические выводы и практические рекомендации, сформулированные в рамках диссертационного исследования, прошли необходимую научную апробацию в форме публикаций в ведущих рецензируемых научных изданиях и докладов на международных и всероссийских научно-практических конференциях. По теме диссертационного исследования соискателем опубликовано 3 научные статьи общим объемом 2,1 печатного листа в журналах, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК РФ и входящих в перечень РУДН[73].

Ключевые выводы и отдельные положения диссертационного исследования были представлены в ходе выступлений и дискуссий на следующих профильных мероприятиях:

1. Научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов и студентов «БРИКС: вызовы и перспективы в условиях глобальной трансформации» (2025 г.). Доклад на тему: «БРИКС и нефтегазовый сектор в трансформирующемся мире».

2. Ежегодная Всероссийская конференция Российской ассоциации политической науки (РАПН) «Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск» (2023 г.).

3. Пленарная дискуссия Экспертного клуба «Дигория» в честь 30-летия Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему: «Роль молодежного парламентаризма в развитии лидерского потенциала

государств); п. 13 (проанализированы механизмы ценообразования, валютно-финансовая фрагментация, дедолларизация расчетов в энергетической торговле как проявления международной политической экономии); п. 14 («зеленая» повестка и климатическое регулирование проанализированы как экологическое измерение мировой политики и арена соперничества); п. 19 (исследованы позиции Российской Федерации в системе международных отношений как энергетической державы, проанализированы адаптационные стратегии российского ТЭК в условиях санкций и перспективы укрепления энергетического суверенитета).

[73] 1. Ярышкин К.И. Стратегические противоречия энергетической политики Европейского союза: глобальные климатические цели и обеспечение энергобезопасности // Вестник Поволжского института управления. – 2025. – Т. 25. – № 6. – С. 116–128. (0,8 п.л.).

2. Ярышкин К.И. Роль международных организаций в формировании курса энергетической политики // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 9. – С. 367–371. (0,6 п.л.).

3. Ярышкин К.И. Энергетические державы в эпоху геополитической турбулентности: новые лидеры и аутсайдеры // Свободная мысль. – 2025. – № 5 (1713). – С. 82–94. (0,7 п.л.).

молодежи: акторы, инструменты, практики». Участие в качестве эксперта-международника в рамках анализа роли внешнеполитических и энергетических факторов в формировании государственной молодежной политики и парламентской дипломатии.

Структура и объем диссертации. Структура работы подчинена логике решения поставленных исследовательских задач. Диссертация состоит из введения, четырех глав, объединяющих 11 параграфов, заключения и библиографического списка использованной литературы.

Глава I. Теоретико-методологические основания исследования мировых энергетических держав в современной системе международных отношений

§1. Энергетический фактор в теориях международных отношений: пределы классических парадигм и поиск синтеза

Анализ трансформации роли мировых энергетических держав требует предварительного обращения к теоретико-методологическому основанию исследования – к вопросу о том, как ведущие парадигмы теории международных отношений концептуализируют энергетический фактор и в какой мере их объяснительный аппарат применим к современным трансформационным процессам. Сложность данной задачи усугубляется тем обстоятельством, что энергетическая проблематика на протяжении длительного времени находилась на периферии теоретической рефлексии в рамках политологии, будучи отнесенной к предметному полю экономических наук, инженерно-технических дисциплин и отраслевого анализа. Между тем выбор теоретической оптики имеет конститутивное значение для всего последующего исследования, поскольку он предопределяет не только интерпретацию эмпирического материала, но и саму постановку исследовательских вопросов[74].

В современной политической науке сложился консенсус относительно того, что исследования энергетической проблематики в международных отношениях развиваются преимущественно в рамках трех магистральных теоретических традиций: политического реализма (и его неореалистической версии), неолиберального институционализма и социального конструктивизма. Каждая из этих парадигм предлагает собственную концептуализацию роли энергетики в международных отношениях,

[74] Жизнин, С. З. Российская энергетическая дипломатия и международная энергетическая безопасность (геополитика и экономика) / С. З. Жизнин // Балтийский регион. – 2010. – № 1. – С. 8–21. – DOI 10.5922/2074-9848-2010-1-2.

высвечивая одни аспекты реальности и оставляя в тени другие. Последовательный критический анализ этих подходов позволяет не только картографировать теоретическое поле, но и выявить лакуны, обусловливающие необходимость синтетической методологической рамки для исследования реконфигурации энергетических держав в условиях геополитического противостояния[75].

Реалистская традиция, восходящая к классическим работам Г. Моргентау и получившая структурное оформление в трудах К. Уолтца, рассматривает международные отношения как арену непрекращающейся борьбы суверенных государств за власть и влияние в условиях анархической среды, лишенной верховного арбитра. В рамках данной парадигмы энергетические ресурсы интерпретируются как один из ключевых материальных компонентов совокупной государственной мощи, наряду с территорией, населением, экономическим потенциалом и военной силой. Контроль над добычей, транспортировкой и распределением энергоресурсов обеспечивает государству не только внутреннюю экономическую стабильность, но и структурные преимущества в международной конкуренции[76,77].

Неореалистическая версия, акцентирующая внимание на системных детерминантах поведения государств, постулирует, что стремление к контролю над энергетическими ресурсами и маршрутами их транспортировки является не проявлением специфических национальных характеристик или идеологических предпочтений, а структурно обусловленной реакцией на анархический характер международной среды. В этом смысле энергетическая политика любого достаточно мощного государства будет неизбежно ориентирована на максимизацию контроля над критическими ресурсами и

[75] Трачук, К. В. Современные исследования проблем энергетической безопасности: теоретические аспекты / К. В. Трачук // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 4 (31). – С. 219–226. – DOI 10.24833/2071-8160-2013-4-31-219-226.
[76] Моргентау, Г. Система международных отношений. Нации в борьбе за власть / Г. Моргентау ; пер. с англ. – Москва : Родина, 2023. – 526, [1] с. – (Документальный триллер). – ISBN 978-5-00222-227-8.
[77] Waltz, K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – Long Grove, IL : Waveland Press, 2010. – 251 p. – ISBN 978-1-57766-670-7.

минимизацию уязвимости перед внешними поставщиками. С позиций реализма убедительное объяснение получает и феномен «ресурсного национализма» – стремления государств-производителей к установлению суверенного контроля над национальными энергетическими ресурсами и ограничению доступа иностранного капитала к стратегическим активам; циклический характер этого феномена в отношениях национальных и международных нефтяных компаний показан П. Стивенсом[78].

Важным теоретическим вкладом реалистской школы в осмысление энергетической проблематики является концептуализация феномена политизации энергетики. С реалистской точки зрения, политизация представляет собой процесс перемещения энергетических отношений из сугубо экономической (рыночной) сферы в область политического противоборства, где энергоресурсы начинают использоваться в качестве инструмента принуждения или «оружия». Крайние формы политизации энергетики, предполагающие сознательное использование поставок энергоресурсов или доступа к технологиям для достижения политических целей, квалифицируются исследователями как «энергетические войны» – ограниченные или полномасштабные, односторонние или двусторонние. Показательно, что в рамках реалистской парадигмы подобное использование энергетического инструментария рассматривается не как девиация, а как закономерное проявление логики силовой политики в анархической международной среде[79].

Вместе с тем реалистская парадигма обнаруживает существенные ограничения применительно к анализу современной энергетической реконфигурации. Во-первых, она не дает удовлетворительного объяснения феномену добровольного делегирования государствами части суверенных

[78] Stevens, P. National oil companies and international oil companies in the Middle East: Under the shadow of government and the resource nationalism cycle / P. Stevens // Journal of World Energy Law & Business. – 2008. – Vol. 1, No. 1. – P. 5–30. – DOI 10.1093/jwelb/jwn004.

[79] Боровский, Ю. В. Политизация мировой энергетики: исторический и современный контекст / Ю. В. Боровский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 45–55. – DOI 10.22363/2313-0660-2025-25-1-45-55.

полномочий международным энергетическим институтам (ОПЕК, МЭА, Энергетическая хартия), равно как и длительным периодам стабильного деполитизированного сотрудничества между геополитическими противниками. Во-вторых, реализм, фокусируясь на государстве как унитарном рациональном акторе, оставляет за рамками анализа роль негосударственных игроков – транснациональных корпораций, международных организаций, эпистемических сообществ, – чье влияние на формирование глобальной энергетической повестки неуклонно возрастает. В-третьих, реалистская парадигма оказывается нечувствительной к нормативному измерению энергетической политики, в частности к роли климатической повестки и дискурса «зеленого перехода» в трансформации глобального энергетического порядка.

Неолиберальный институционализм, развитый в работах Р. Кеохейна и Дж. Ная, предлагает принципиально иную интерпретацию роли энергетического фактора в международных отношениях. Не отрицая базовой посылки реализма об анархическом характере международной среды, неолибералы акцентируют внимание на способности государств преодолевать конфликтный потенциал через создание международных институтов и режимов, снижающих транзакционные издержки сотрудничества и обеспечивающих предсказуемость поведения контрагентов. Применительно к энергетической сфере это означает, что стабильность глобального энергетического порядка обеспечивается не столько балансом сил, сколько эффективностью рыночных механизмов и институциональных структур, регулирующих взаимодействие производителей, потребителей и транзитных государств[80,81].

Ключевым концептуальным вкладом неолиберальной традиции в осмысление энергетической проблематики является теория комплексной

[80] Keohane, R. O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy / R. O. Keohane. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1984. – ix, 290 p. – ISBN 978-0-691-07676-8.
[81] Nye, J. S. The Future of Power / J. S. Nye. – New York : PublicAffairs, 2011. – xviii, 300 p. – ISBN 978-1-58648-892-5.

взаимозависимости. Как показывает Дж. Най, развивая положения этой теории, сформулированной им совместно с Р. Кеохейном, в условиях плотной сети трансграничных энергетических связей формируются структуры асимметричной взаимозависимости, которые могут использоваться государствами в качестве источников политического влияния. При этом уязвимость перед прерыванием поставок является более значимым фактором, чем простая чувствительность к ценовым колебаниям: государство, располагающее альтернативными источниками снабжения или стратегическими резервами, менее подвержено внешнему давлению, даже если его экономика в целом чувствительна к изменению энергетических цен[82,83].

С неолиберальных позиций формирование и эволюция международных энергетических институтов – от ОПЕК (1960) и МЭА (1974) до Энергетической хартии и климатических режимов – рассматриваются как закономерный ответ государств на объективную потребность в управлении растущей взаимозависимостью. Институты в этой логике выполняют функции агрегации и артикуляции интересов, снижения неопределенности, мониторинга соблюдения обязательств и, в конечном счете, трансформации предпочтений государств в направлении большей кооперативности. Исследователи, работающие в данной парадигме, склонны интерпретировать кризисные явления в глобальной энергетике не как свидетельство принципиальной конфликтности энергетических отношений, а как проявление несовершенства существующих институциональных механизмов, нуждающихся в реформировании[84].

Однако неолиберальный институционализм также сталкивается с серьезными ограничениями при объяснении современных процессов

[82] Там же.

[83] Трачук, К. В. Современные исследования проблем энергетической безопасности: теоретические аспекты / К. В. Трачук // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 4 (31). – С. 219–226. – DOI 10.24833/2071-8160-2013-4-31-219-226.

[84] Договор к Энергетической хартии : [подписан в г. Лиссабоне 17 декабря 1994 года] // Energy Charter Secretariat : [сайт]. – URL: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECT-ru.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

энергетической реконфигурации. Наиболее очевидное из них – неспособность объяснить, почему в периоды острых геополитических кризисов тщательно выстроенные институциональные механизмы демонстрируют недееспособность, а государства стремительно возвращаются к силовой логике взаимодействия. Распад энергетического диалога Россия – ЕС, массовый выход европейских государств, а затем и самого ЕС из Договора к Энергетической хартии, ограниченность возможностей МЭА по стабилизации рынка в условиях ценовых шоков 2022 г. (несмотря на рекордные скоординированные выпуски стратегических запасов) – все это свидетельствует о том, что институциональная архитектура глобальной энергетики оказывается хрупкой перед лицом фундаментальных политических разногласий. Кроме того, неолиберальная парадигма недооценивает конфликтный потенциал, заложенный в самой структуре энергетической взаимозависимости, которая в определенных условиях может становиться не фактором стабилизации, а источником обострения межгосударственных противоречий.

Конструктивистская традиция, представленная прежде всего работами А. Вендта, а также исследованиями Копенгагенской школы в области секьюритизации, предлагает третий угол зрения на энергетическую проблематику в международных отношениях. В отличие от реализма и либерализма, фокусирующихся на материальных факторах (ресурсы, институты, рыночные механизмы), конструктивизм акцентирует внимание на интерсубъективных смыслах, идеях и нормах, которые конституируют саму реальность международной политики. С этой точки зрения «энергетическая безопасность», «энергетический суверенитет», «зеленый переход» являются не объективными данностями, а социальными конструктами, содержание которых определяется доминирующими дискурсами и может существенно варьироваться в зависимости от исторического и политического контекста[85].

[85] Wendt, A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – xv, 429 p. – ISBN 978-0-521-46557-1.

Особую значимость в рамках конструктивистской парадигмы приобретает теория секьюритизации, разработанная Б. Бузаном и О. Уэйвером. Под секьюритизацией понимается дискурсивный процесс, посредством которого определенный вопрос (в данном случае – энергетический) представляется в качестве экзистенциальной угрозы, требующей чрезвычайных мер, выходящих за рамки обычных политических процедур. Успешная секьюритизация энергетической проблематики легитимирует использование экстраординарных инструментов – от создания стратегических резервов до военного присутствия в зонах добычи и транзита[86].

Конструктивистский подход позволяет объяснить существенные различия в восприятии энергетических угроз государствами, находящимися в схожих объективных условиях. Почему, например, Польша воспринимает зависимость от российского газа как неприемлемую угрозу национальной безопасности, тогда как Словакия, сопоставимая по уровню зависимости, демонстрирует значительно более спокойное отношение к этой проблеме? С конструктивистской точки зрения ответ лежит не в материальной сфере, а в различии нормативных структур и исторически сложившихся представлений о «значимом Другом», формирующих национальную идентичность и внешнеполитическую культуру[87].

Конструктивизм также предоставляет продуктивный инструментарий для анализа «зеленой» повестки и климатической политики как нормативных конструктов. Дискурс энергетического перехода, продвигаемый западными элитами, может быть деконструирован как попытка установления нового нормативного порядка, в котором доступ к рынкам и технологиям обусловливается принятием определенных экологических стандартов и углеродных ограничений. При этом, как будет показано в § 2 главы III, реальная практика реализации климатической политики обнаруживает

[86] Buzan, B. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Wæver, J. de Wilde. – Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 1998. – viii, 239 p. – ISBN 978-1-55587-784-2.
[87] Understanding Energy Security in Central and Eastern Europe: Russia, Transition and National Interest / ed. by W. Ostrowski, E. Butler. – London : Routledge, 2018. – 256 p. – ISBN 978-0-367-43851-7.

существенные расхождения с декларируемыми целями, что свидетельствует о политической, а не сугубо экологической природе данного дискурса.

Вместе с тем конструктивистская парадигма, при всей ее эвристической ценности, имеет собственные ограничения. Фокусируясь на дискурсивных и нормативных аспектах энергетических отношений, она склонна недооценивать значение материальных факторов – географической локализации месторождений, физической инфраструктуры, технологических ограничений, – которые накладывают объективные пределы на возможности дискурсивного конструирования реальности. Кроме того, конструктивизм испытывает методологические трудности при объяснении причин смены доминирующих дискурсов[88].

Для систематизации проведенного анализа целесообразно представить сравнительные характеристики трех теоретических парадигм (табл. 1).

Таблица 1 – Сравнительный анализ теоретических парадигм в исследовании энергетического фактора международных отношений[89]

Критерий сравнения	Реализм / Неореализм	Неолиберальный институционализм	Социальный конструктивизм
Базовый актор	Государство как унитарный рациональный актор	Государства и международные институты	Государства, эпистемические сообщества, дискурсивные элиты
Природа энергетических отношений	Борьба за власть и ресурсы в анархической среде	Сотрудничество на основе институтов и рыночных механизмов	Социальное конструирование смыслов и угроз
Ключевые концепты	Государственная мощь, ресурсный национализм, политизация, энергетические войны	Комплексная взаимозависимость, международные режимы, институциональное управление	Секьюритизация, дискурс, нормативное конструирование, идентичность
Интерпретация энергетической безопасности	Контроль над ресурсами и маршрутами как условие выживания	Диверсификация поставок и эффективность институтов	Дискурсивный конструкт, результат секьюритизации
Объяснение кризисов	Закономерное проявление борьбы за власть	Следствие несовершенства институтов	Результат смены доминирующих дискурсов

[88] Трачук, К. В. Современные исследования проблем энергетической безопасности: теоретические аспекты / К. В. Трачук // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 4 (31). – С. 219–226. – DOI 10.24833/2071-8160-2013-4-31-219-226.
[89] Источник: составлено автором.

Основные ограничения	Не объясняет институциональное сотрудничество и роль негосударственных акторов	Не объясняет коллапс институтов в периоды острых кризисов	Недооценивает материальные и структурные ограничения
Аналитический фокус в предметном поле международных отношений	Позволяет анализировать стратегии государств по контролю над ресурсами и маршрутами как инструмент геополитической конкуренции	Дает инструментарий для анализа эволюции и кризисов международных энергетических институтов (ОПЕК+, МЭА, Энергохартия)	Раскрывает механизмы секьюритизации энергозависимости и конструирования нормативных барьеров в мировой энергополитике

Проведенный сравнительный анализ позволяет сформулировать принципиальный вывод: ни одна из классических парадигм политологии и теории международных отношений не обладает достаточным объяснительным потенциалом для целостного осмысления феномена реконфигурации мировых энергетических держав в условиях современного геополитического противостояния. Трансформация глобальной энергетической системы затрагивает несколько взаимообусловленных уровней: материальный, институциональный и дискурсивный.

На материальном уровне речь идет о перераспределении контроля над ресурсами, инфраструктурой и технологическими цепочками. Институциональный уровень охватывает трансформацию механизмов глобального энергетического управления и складывание параллельных нормативных контуров. Наконец, дискурсивный уровень представляет собой борьбу за право определять смысл ключевых категорий – «энергетическая безопасность», «устойчивое развитие», «справедливый переход» – и тем самым легитимировать те или иные политические стратегии. Реалистская парадигма адекватно схватывает материальное измерение, но оставляет без должного внимания институциональную динамику и нормативные трансформации. Неолиберальный институционализм, напротив, продуктивен при анализе институциональной архитектуры, но недооценивает конфликтный потенциал энергетических отношений и склонность государств к силовым стратегиям в кризисных ситуациях. Конструктивизм высвечивает

дискурсивное измерение, но рискует упустить из виду «твердую» материальную основу энергетической политики[90].

Синтез данных концепций может быть осуществлен в рамках аналитического эклектизма, обоснованного Р. Силом и П. Катценстайном и получившего активное развитие в современной политологии[91]. Его суть состоит в прагматичном соединении инструментов из различных, нередко конкурирующих теоретических традиций – там, где ни одна из них не обеспечивает исчерпывающего объяснения изучаемых явлений. В энергетической сфере подобный синтез диктуется самой природой объекта: энергетические отношения одновременно существуют как борьба за ресурсы, как институциональное взаимодействие и как нормативное соперничество, что исключает их сведение к логике единственной парадигмы.

Так, в трудах Д. Ергина, Г. Луфта, С.З. Жизнина, Ю.В. Боровского реалистские представления о государственной мощи как определяющем факторе международной политики органично сочетаются с неолиберальным вниманием к институциональным механизмам регулирования и конструктивистским интересом к роли идей и смысловых рамок в формировании энергетической политики. Подобный синтез представляет собой не механическое смешение подходов, а осознанную методологическую стратегию, обусловленную сложностью самого объекта исследования. Таким образом, теоретико-методологическая задача настоящей диссертации заключается не в выборе одной из конкурирующих парадигм, а в построении синтетической аналитической рамки, интегрирующей сильные стороны реалистского, институционального и конструктивистского подходов. Контуры данной синтетической рамки будут развернуты в последующих параграфах главы, где уточняются ключевые категории исследования и

[90] Goldthau, A. Back to the future or forward to the past? Strengthening markets and rules for effective global energy governance / A. Goldthau, J. M. Witte // International Affairs. – 2009. – Vol. 85, No. 2. – P. 373–390. – DOI 10.1111/j.1468-2346.2009.00798.x.

[91] Sil, R. Beyond Paradigms: Analytic Eclecticism in the Study of World Politics / R. Sil, P. J. Katzenstein. – Basingstoke ; New York : Palgrave Macmillan, 2010. – 263 p. – ISBN 978-0-230-20796-7. – DOI 10.1007/978-1-137-01359-0.

предлагается объяснительная модель, применимая к эмпирическому анализу поведения ведущих энергетических акторов в современной системе международных отношений[92,93,94,95].

По результатам критического анализа теоретических парадигм применительно к исследованию энергетического фактора в международных отношениях можно сделать следующие **выводы**:

Во-первых, установлено, что энергетический фактор в современных международных отношениях представляет собой многомерное явление, разворачивающееся одновременно в трех плоскостях: как борьба государств за ресурсы и контроль над стратегической инфраструктурой (что фиксируется реалистской оптикой); как институциональное взаимодействие в рамках международных режимов и организаций (неолиберальный ракурс, продуктивный для анализа механизмов управления взаимозависимостью); и как нормативно-дискурсивная конкуренция за определение смыслов «энергетической безопасности» и «устойчивого развития» (конструктивистское измерение, раскрывающее столкновение ценностей и интересов в мировой политике). Ни одна из классических парадигм в отдельности не обеспечивает целостного охвата всех трех измерений.

Во-вторых, обоснована необходимость синтетической аналитической рамки, интегрирующей элементы указанных подходов. Необходимость синтеза продиктована не стремлением к механическому соединению теорий, а многомерной природой геополитического противостояния, в котором ведущие акторы одновременно конкурируют за ресурсы, переформатируют институциональные механизмы и ведут борьбу за универсализацию собственных нормативных моделей. Применение такой рамки позволяет

---

[92] Ергин, Д. В поисках энергии: ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики / Д. Ергин ; пер. с англ. И. Евстигнеевой, О. Мацак. – Москва : Альпина Паблишер, 2017. – 718 с. – ISBN 978-5-9614-4379-0.

[93] Energy Security Challenges for the 21st Century: A Reference Handbook / ed. by G. Luft, A. Korin. – Santa Barbara, CA : Praeger Security International, 2009. – xv, 372 p. – ISBN 978-0-275-99997-1.

[94] Жизнин, С. З. Технологические аспекты энергетической дипломатии России / С. З. Жизнин, В. М. Тимохов // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 3 (48). – С. 43–53. – DOI 10.24833/2071-8160-2016-3-48-43-53.

[95] Боровский, Ю. В. Политизация мировой энергетики: исторический и современный контекст / Ю. В. Боровский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 45–55. – DOI 10.22363/2313-0660-2025-25-1-45-55.

рассматривать реконфигурацию мировых энергетических держав не как экономико-отраслевой процесс, а как политический феномен, разворачивающийся в системе международных отношений и затрагивающий распределение мощи, архитектуру институтов и нормативный порядок.

В-третьих, проведенный анализ создает теоретико-методологический фундамент для эмпирического исследования, в фокусе которого – государства как ключевые субъекты международных отношений, их внешнеполитические стратегии в энергетической сфере, трансформация глобальной и региональной систем, а также геополитические процессы, определяющие позиционирование мировых энергетических держав в условиях современного противостояния.

§2. Концептуализация категорий «энергетическая держава» и «энергетический суверенитет» в условиях многополярности

Формирование целостной теоретической рамки исследования реконфигурации мировых энергетических держав предполагает строгую концептуализацию базовых категорий, выступающих в качестве аналитического инструментария. Между тем обзор научной литературы свидетельствует о том, что ключевые понятия – «энергетическая держава», «энергетический суверенитет», «энергетическая безопасность» – отличаются высокой степенью терминологической размытости и нередко функционируют как элементы политического дискурса, а не как строгие научные категории. Подобная концептуальная неопределенность не только затрудняет компаративный анализ, но и создает риск подмены аналитического описания нормативными суждениями. Преодоление этой неопределенности возможно лишь через переход от операциональных клише к категориям, фиксирующим политическое содержание изучаемых явлений.

В современном политическом и экспертном дискурсе термин «*энергетическая держава*» (energy power) используется чрезвычайно широко при явном дефиците его рефлексивного осмысления. Наиболее распространенный подход к определению данного понятия может быть квалифицирован как *количественно-ресурсный*: энергетической державой признается государство, занимающее лидирующие позиции по объемам добычи, экспорта и/или запасов энергоресурсов. В рамках этой логики соответствующий статус автоматически приписывается России, Саудовской Аравии, США, а в последние годы – также Катару, Австралии и ряду других государств со значимыми количественными показателями присутствия на глобальных энергетических рынках[96].

[96] Черненко, Е. Ф. Энергетическая дипломатия : учебник для вузов / Е. Ф. Черненко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2025. – 131 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-13950-1.

Вместе с тем ограниченность количественно-ресурсного подхода обнаруживается при обращении к сравнительному материалу. Индонезия, до 2006 г. являвшаяся крупнейшим в мире экспортером сжиженного природного газа, не воспринималась ни экспертным сообществом, ни политическими элитами в качестве энергетической державы. Норвегия, крупнейший поставщик трубопроводного газа в Европу, значительно реже фигурирует в дискуссиях о конфигурации глобальных центров энергетической силы, чем Катар, сопоставимый с ней по общему объему экспорта газа. Эти расхождения указывают на то, что количественные рыночные параметры сами по себе не объясняют политического веса государства в энергетической сфере. Следовательно, адекватное определение понятия «энергетическая держава» требует перехода от ресурсного к *структурно-политическому подходу*, фиксирующему способность государства конвертировать энергетические позиции в реальное влияние на международную систему.

Классик геополитической мысли З. Бжезинский, концептуализируя феномен глобального лидерства, подчеркивал, что подлинное могущество определяется не столько обладанием ресурсами, сколько способностью структурировать международное пространство в соответствии с собственными интересами. Применительно к энергетической сфере данный тезис приобретает особую аналитическую значимость: энергетическая держава – это не просто крупный производитель или экспортер, но государство, способное через контроль над добычей, транзитом или технологиями использования энергоресурсов оказывать структурное воздействие на поведение других акторов международной системы и на складывающиеся правила глобального энергетического порядка. В этом смысле энергетическая держава представляет собой не экономическую, а политическую категорию, отражающую положение государства в иерархии международных отношений[97].

[97] Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский ; пер. с англ. О. Уральской. – Москва : АСТ, 2021. – 254 с. – (Мировой порядок). – ISBN 978-5-17-135174-8.

От предложенного определения необходимо отличать близкий, но не тождественный термин *«энергетическая сверхдержава»* (energy superpower), получивший распространение в политическом и экспертном дискурсе 2000-х годов. Данное понятие несет выраженную идеологическую нагрузку: оно активно использовалось как в российском политическом дискурсе – для обоснования новой международной роли страны, так и в западном – аналитическими центрами и политическими деятелями для описания возросшей роли Российской Федерации на глобальных энергетических рынках в период высоких цен на углеводороды. Концепт «энергетической сверхдержавы» подразумевал, что контроль над колоссальными запасами нефти и газа позволяет государству не просто влиять на отдельные сегменты энергетического рынка, но претендовать на статус одного из полюсов мирового порядка, сопоставимого по весу с военными сверхдержавами эпохи холодной войны[98].

Временно́й анализ употребления данного термина обнаруживает его отчетливую конъюнктурную природу. Период активного использования «энергетической сверхдержавы» в западном дискурсе (2003–2008 гг.) совпал с резким ростом цен на нефть и усилением геополитических позиций России, что порождало в экспертной среде алармистские настроения относительно «энергетического оружия» Москвы. После обвала нефтяных цен 2008–2009 гг., а тем более после 2014 г. и введения первых санкционных ограничений, частота употребления данного термина заметно снизилась, что указывает на его инструментальный характер: «энергетическая сверхдержава» была не столько аналитической категорией, сколько элементом политического дискурса, обслуживавшим задачу секьюритизации энергетической зависимости от России. С научной точки зрения термин представляет ограниченную ценность в силу своей гиперболичности и идеологической

[98] Bouzarovski, S. Energy and Identity: Imagining Russia as a Hydrocarbon Superpower / S. Bouzarovski, M. Bassin // Annals of the Association of American Geographers. – 2011. – Vol. 101, No. 4. – P. 783–794. – DOI 10.1080/00045608.2011.567942.

нагруженности, уступая место более строгой категории «энергетическая держава», содержание которой раскрывается через конкретные измерения структурного влияния.

Предложенное определение энергетической державы требует операционализации через выделение конкретных измерений, в которых структурное влияние энергетической державы находит свое выражение:

1) Способность влиять на ценообразование на глобальных и региональных энергетических рынках – не только посредством рыночных механизмов, но и через политические решения: участие в картельных соглашениях, координацию уровней добычи, формирование альтернативных ценовых бенчмарков;

2) Контроль над критической инфраструктурой – трубопроводными системами, терминалами СПГ, узловыми транзитными точками, – открывающий возможность определять направления и условия транспортировки энергоресурсов;

3) Участие в формировании нормативной базы глобального энергетического управления, включая стандарты технологической безопасности, экологические требования и правила трансграничной торговли;

4) Способность проецировать энергетическое влияние за пределы непосредственных рынков сбыта – через инвестиции, технологическое сотрудничество, выстраивание альянсов и коалиций;

5) Устойчивость к внешнему давлению – способность сохранять суверенный контроль над энергетической политикой в условиях санкционных ограничений, технологических эмбарго и политического противодействия со стороны конкурирующих держав[99].

Принятие структурно-политического определения энергетической державы открывает возможность построения *содержательной типологии*, отражающей различные основания энергетического могущества в

[99] Гулиев, И. А. Мировая энергетика. Интересы России : монография / И. А. Гулиев. – Москва : Аспект Пресс, 2026. – 170, [1] с. – ISBN 978-5-7567-1411-1.

современной международной системе. Существующие классификации, как правило, ограничиваются дихотомическим делением на производителей и потребителей либо на экспортеров и импортеров, что не схватывает качественного разнообразия стратегий и источников влияния. В настоящем исследовании предлагается более дифференцированная типология, построенная на основании доминирующего источника структурного влияния государства в энергетической сфере (табл. 2)[100,101].

Таблица 2 – Типология энергетических держав по доминирующему источнику структурного влияния[102]

Тип энергетической державы	Источник влияния	Примеры государств	Основные уязвимости	Ключевые инструменты влияния
Ресурсная держава	Контроль над запасами и добычей углеводородов	Российская Федерация, Саудовская Аравия, Иран, Венесуэла	Зависимость от ценовой конъюнктуры; «ресурсное проклятие»; уязвимость перед технологическими сдвигами	Координация добычи (ОПЕК+); долгосрочные контракты; энергетическая дипломатия
Инфраструктурная держава-хаб	Контроль над транзитными узлами, трубопроводами, терминалами	Турция, Египет, Греция, Болгария	Зависимость от стабильности транзитных потоков; уязвимость перед обходными маршрутами	Предоставление/ блокирование доступа к инфраструктуре; тарифная политика
Технологическая держава	Контроль над технологиями добычи, переработки, ВИЭ	США, Китай, Япония, Германия	Быстрое устаревание технологий; зависимость от цепочек поставок материалов	Патентная политика; технологические альянсы; экспортный контроль
Нормативная держава	Способность формировать стандарты и нормы	Европейский союз	Зависимость от консенсуса внутри объединения; риск оспаривания норм другими центрами силы	Углеродное регулирование; «зеленая» таксономия; обусловленность доступа к рынку

[100] Ергин, Д. В поисках энергии: ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики / Д. Ергин ; пер. с англ. И. Евстигнеевой, О. Мацак. – Москва : Альпина Паблишер, 2017. – 718 с. – ISBN 978-5-9614-4379-0.
[101] Бойко, А. А. Глобальная энергетика: история и политика : учебник / А. А. Бойко ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Факультет глобальных процессов. – Москва : МАКС Пресс, 2023. – 362 с. – ISBN 978-5-317-07092-2. – DOI 10.29003/m3679.978-5-317-07092-2.
[102] Источник: составлено автором.

Влияние *ресурсных держав* на мировую геополитику базируется на контроле над значительными запасами традиционных энергоресурсов и/или крупными объемами их добычи и экспорта. Классическими примерами ресурсных держав являются Российская Федерация, Саудовская Аравия, а также Иран, Ирак, Венесуэла. Стратегический потенциал ресурсных держав определяется их способностью влиять на баланс спроса и предложения на глобальных рынках, а в кризисных ситуациях – использовать поставки энергоресурсов в качестве инструмента политического давления. Вместе с тем ресурсная державность сопряжена с фундаментальной уязвимостью, известной в литературе как «ресурсное проклятие»: зависимость экономики и государственного бюджета от экспорта сырья делает такие государства чувствительными к ценовым шокам и технологическим сдвигам, способным обесценить их основное стратегическое преимущество.

Как показывает российский исследователь Ю.В. Боровский, ресурсный потенциал сам по себе не гарантирует политического влияния: он создает лишь возможность, реализация которой зависит от качества государственного управления и внешнеполитической стратегии[103]. Показательным примером здесь выступает Россия, которая при сохранении ресурсной базы как основы влияния в ответ на санкционное давление 2022–2024 гг. активно задействовала инфраструктурные (альтернативная танкерная логистика, переориентация потоков), технологические (импортозамещение, атомный экспорт) и нормативные (расчеты в рублях, платежная система СПФС) инструменты, что позволяет характеризовать ее как ресурсную державу с выраженными элементами гибридной стратегии.

Источником влияния *инфраструктурных держав-хабов* выступает не обладание ресурсами, а контроль над узловыми точками транзита, хранения и

[103] Боровский, Ю. В. Проблема энергетической безопасности в отношениях России с внешним миром: сотрудничество, конкуренция и соперничество (1991–2021 гг.) : специальность 07.00.15 : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Боровский Юрий Викторович ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Москва, 2022. – 535 с.

конверсии энергии. Турция, последовательно реализующая стратегию превращения в «газовый хаб» на пересечении маршрутов из России, Азербайджана, Ирана и Восточного Средиземноморья, являет собой наиболее показательный пример инфраструктурной державы. Аналогичные стратегии реализуют Египет, стремящийся монетизировать контроль над Суэцким каналом и развивающий мощности по сжижению газа, а также Греция и Болгария, позиционирующие себя в качестве «ворот» для поставок газа в Юго-Восточную Европу. Политический вес инфраструктурных держав-хабов основан на их способности предоставлять или блокировать доступ к транспортным коридорам, что в условиях фрагментации глобального энергетического пространства приобретает растущее стратегическое значение. Развивая представление Дж. Ная об асимметричной взаимозависимости как источнике власти[104], Г. Фаррелл и А. Ньюман показали, что контроль над «узкими местами» (chokepoints) глобальных сетей может быть не менее значимым источником принуждения, чем обладание ресурсами[105].

Технологические державы осуществляют контроль над критическими технологиями добычи, переработки и использования энергоресурсов. Соединенные Штаты Америки, сохраняющие лидерство в технологиях гидроразрыва пласта, горизонтального бурения и глубоководной добычи, а также Китайская Народная Республика, доминирующая в производстве оборудования для возобновляемой энергетики и контролирующая значительную часть глобальных цепочек поставок критических материалов, представляют собой наиболее яркие примеры технологических держав. К этой же категории могут быть отнесены Япония и Германия, чье влияние в энергетической сфере определяется не ресурсной обеспеченностью, а технологическими компетенциями и способностью формировать стандарты

[104] Nye, J. S. The Future of Power / J. S. Nye. – New York : PublicAffairs, 2011. – xviii, 300 p. – ISBN 978-1-58648-892-5.
[105] Farrell, H. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion / H. Farrell, A. L. Newman // International Security. – 2019. – Vol. 44, No. 1. – P. 42–79. – DOI 10.1162/isec_a_00351.

энергоэффективности и экологической безопасности. Особенность технологических держав состоит в том, что их влияние имеет тенденцию к возрастанию по мере ускорения энергетического перехода: в низкоуглеродной энергетике будущего контроль над технологиями будет значить больше, чем контроль над месторождениями.

Нормативные державы характеризуются способностью формировать нормативную повестку глобальной энергетики, определяя критерии «устойчивости», «экологичности», «справедливости» энергетических отношений. Так, среди ведущих акторов глобальной энергетической системы Европейский союз занимает положение, принципиально отличное от ресурсных и технологических держав: его политический вес основан не на контроле над добычей или инфраструктурой, а на нормотворческом потенциале. Его влияние строится на способности устанавливать стандарты – систему торговли квотами на выбросы и механизм трансграничного углеродного регулирования, «зеленую» таксономию, требования к энергоэффективности, – соблюдение которых становится для внешних акторов условием сохранения доступа к европейскому рынку. Механизм такого воздействия описывается в научной литературе как «Брюссельский эффект»: регуляторные нормы ЕС распространяются за пределы его формальной юрисдикции, приобретая де-факто экстерриториальный характер. По наблюдению А. Голдтау и Я. Витта, именно нормативное измерение превращается в одну из ключевых арен межгосударственного соперничества в условиях, когда традиционные силовые инструменты демонстрируют ограниченную результативность[106,107].

Предложенная типология не предполагает жесткого разграничения: одно и то же государство может одновременно обладать признаками нескольких типов энергетических держав, причем соотношение различных

[106] Bradford, A. The Brussels Effect: How the European Union Rules the World / A. Bradford. – New York : Oxford University Press, 2020. – xix, 404 p. – ISBN 978-0-19-008858-3.
[107] Global Energy Governance: The New Rules of the Game / ed. by A. Goldthau, J. M. Witte. – Berlin : Global Public Policy Institute ; Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2010. – xi, 372 p. – ISBN 978-0-8157-0343-3.

источников влияния способно меняться с течением времени. Так, Российская Федерация, традиционно классифицируемая как ресурсная держава, последовательно наращивает технологические компетенции (развитие СПГ-технологий, атомная энергетика) и инфраструктурные позиции (контроль над трубопроводной системой в Евразии). Китай, начинавший как преимущественно импортер энергоресурсов, трансформировался в технологическую державу с растущими амбициями в нормативной сфере. Соединенные Штаты после «сланцевой революции» совмещают ресурсную, технологическую и нормативную державность. Именно эта множественность источников влияния и их динамическая рекомбинация составляют суть процесса реконфигурации мировых энергетических держав, анализу которого посвящена настоящая диссертация.

Тенденция к гибридизации энергетической державности не является случайной. Она обусловлена тремя взаимосвязанными факторами: во-первых, растущей уязвимостью моноспециализированных государств перед внешними шоками (ценовыми, технологическими, санкционными); во-вторых, усложнением инструментария межгосударственной конкуренции, в которой наряду с военной силой и экономическими рычагами все большую роль играют нормативные и технологические барьеры; в-третьих, ускорением энергетического перехода, размывающего границы между традиционной и возобновляемой энергетикой и вынуждающего даже классические ресурсные державы осваивать новые компетенции.

Концептуализация энергетической державы как политической, а не экономической категории ставит вопрос о методе выявления тех смыслов, которые государства вкладывают в собственное позиционирование. Официальные внешнеполитические документы – доктрины, стратегии, концепции – представляют собой форму политической речи, в которой артикулируются и закрепляются определенные представления о роли государства в энергетической сфере. Для анализа таких текстов продуктивным инструментом выступает политико-текстологический подход, восходящий к

методологии Кембриджской школы (К. Скиннер, Дж. Покок) и сопряженный с отечественными исследованиями политической культуры и символической политики (О.В. Гаман-Голутвина, О.Ю. Малинова)[108,109,110,111].

В рамках данного подхода политический текст рассматривается не как источник объективных данных о состоянии отрасли, а как речевое действие, посредством которого государство конституирует собственную идентичность в качестве энергетической державы определенного типа, формулирует статусные притязания и легитимирует внешнеполитические действия. Сопоставление текстов разных периодов и разных государств позволяет фиксировать трансформацию дискурсивных стратегий и изменение позиционирования энергетических держав в динамике. Политико-текстологический анализ доктринальных документов составляет одну из методологических опор эмпирической части исследования, позволяя проследить, как реконфигурация мировых энергетических держав отражается и одновременно конструируется в политическом дискурсе ведущих акторов.

Понятие «*энергетический суверенитет*» (energy sovereignty) вошло в политический лексикон сравнительно недавно и до сих пор не получило устойчивой концептуализации в академической литературе. В публицистическом дискурсе оно нередко употребляется как синоним энергетической независимости или автаркии, что с аналитической точки зрения является грубым упрощением. Полная энергетическая независимость в условиях глобализированной экономики недостижима ни для одного государства, включая крупнейших производителей энергоресурсов: даже

---

[108] Skinner, Q. Visions of Politics. Vol. 1 : Regarding Method / Q. Skinner. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – xvi, 209 p. – ISBN 978-0-521-58926-0.

[109] Pocock, J. G. A. Political Thought and History: Essays on Theory and Method / J. G. A. Pocock. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 278 p. – ISBN 978-0-521-71406-8.

[110] Гаман-Голутвина, О. В. Реальность и мифы современной отечественной политической культуры / О. В. Гаман-Голутвина // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 153–159. – DOI 10.17976/jpps/2016.03.12.

[111] Символическая политика : сборник научных трудов. Вып. 1 : Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / РАН, ИНИОН, Центр социальных научно-информационных исследований, Отдел политической науки ; отв. ред. О. Ю. Малинова. – Москва : ИНИОН РАН, 2012. – 333 с. – (Политология). – ISBN 978-5-248-00639-7.

Россия и Саудовская Аравия зависят от импорта технологий, оборудования и доступа к рынкам сбыта[112].

С опорой на предложенное С. Краснером разграничение различных измерений суверенитета, показывающее, что на практике он никогда не был абсолютным[113], а также на его анализ международных режимов как ограничителей автономии государств[114] энергетический суверенитет понимается в настоящей работе не как абсолютная автономия, а как относительная политическая способность государства самостоятельно определять параметры функционирования национальной энергетической системы и противостоять внешнему давлению. Следовательно, ключевым признаком энергетического суверенитета государства является его способность:

1) Противостоять экстерриториальному применению санкционных режимов – сохранять возможность экспорта/импорта энергоресурсов, доступа к технологиям и финансовым рынкам в условиях введенных другими государствами ограничений;

2) Контролировать критическую энергетическую инфраструктуру – не допускать перехода стратегических активов (месторождений, трубопроводов, НПЗ, терминалов) под контроль иностранных государств или корпораций, действующих в их интересах;

3) Диверсифицировать внешнеэнергетические связи – снижать асимметричную зависимость от ограниченного круга поставщиков и потребителей, формируя альтернативные каналы сотрудничества;

4) Участвовать в формировании глобальных правил игры – не просто адаптироваться к нормам, установленным другими центрами силы, но активно

[112] Garcia Sanchez, G. J. In the Name of Energy Sovereignty / G. J. Garcia Sanchez // Boston College Law Review. – 2022. – Vol. 63, No. 8. – P. 2475–2538.
[113] Krasner, S. D. Sovereignty: Organized Hypocrisy / S. D. Krasner. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1999. – 264 p. – ISBN 978-0-691-00711-3.
[114] International Regimes / ed. by S. D. Krasner. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 1983. – x, 372 p. – ISBN 978-0-8014-9250-1.

влиять на их содержание, продвигая собственное видение справедливого энергетического порядка;

5) Обеспечивать технологический суверенитет – располагать собственными компетенциями и производственными мощностями в критически важных областях энергетических технологий, снижающими уязвимость перед технологическими эмбарго.

Таким образом, энергетический суверенитет – это относительная политическая способность государства самостоятельно определять параметры функционирования национальной энергетической системы (структуру энергобаланса, направления экспорта и импорта энергоресурсов, условия доступа иностранного капитала и технологий к стратегическим активам) и противостоять экстерриториальному применению санкционных и регуляторных режимов конкурирующих центров силы.

Сформулированное понимание позволяет преодолеть дихотомию «суверенитет vs взаимозависимость», характерную для ранних этапов теоретической дискуссии. Энергетический суверенитет в современных условиях не противостоит участию в международном энергетическом сотрудничестве, а, напротив, предполагает активное вовлечение в формирование его институциональной архитектуры. Иными словами, энергетический суверенитет в XXI веке означает не изоляцию от глобальных энергетических рынков, а способность государства проводить самостоятельную энергетическую политику, опираясь на диверсифицированные внешние связи и участие в профильных международных организациях[115].

Проведенная концептуализация позволяет установить логическое соотношение между двумя центральными категориями исследования. Понятия «энергетическая держава» и «энергетический суверенитет»

[115] См. также: Жизнин, С. З. Технологические аспекты энергетической дипломатии России / С. З. Жизнин, В. М. Тимохов // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 3 (48). – С. 43–53. – DOI 10.24833/2071-8160-2016-3-48-43-53.

фиксируют разные аспекты положения государства в глобальной энергетической системе. Первое из них – статусная характеристика, отражающая место государства в международной иерархии и его способность оказывать структурное влияние на энергетическую сферу. Второе – характеристика качества государственной политики, указывающая на то, в какой мере государство самостоятельно определяет параметры функционирования собственной энергетической системы.

Статус энергетической державы формирует благоприятные условия для высокого уровня энергетического суверенитета, однако не влечет за собой его автоматически. Государство может занимать весомые позиции на мировых рынках по объемам добычи или экспорта и вместе с тем обнаруживать существенную зависимость – технологическую, институциональную или внешнеполитическую, – которая ограничивает его реальную самостоятельность в принятии энергетических решений. И напротив, государство, не являющееся энергетической державой в принятом здесь смысле, может обеспечивать достаточно высокий уровень энергетического суверенитета за счет продуманной политики диверсификации, технологического развития и институционального позиционирования.

По результатам концептуализации ключевых категорий исследования можно сделать следующие **выводы**:

Во-первых, предложено и обосновано структурно-политическое определение энергетической державы, преодолевающее ограниченность распространенного количественно-ресурсного подхода. Энергетическая держава определяется не через объемы добычи или экспорта, а через способность государства оказывать структурное воздействие на поведение других акторов международной системы и на формирование правил глобального энергетического порядка посредством контроля над ресурсами, инфраструктурой, технологиями или нормами. В этом смысле данная категория является не экономической, а политической, отражающей положение государства в иерархии международных отношений. Показано, что

смежный термин «энергетическая сверхдержава» несет выраженную идеологическую нагрузку, отличается конъюнктурной природой и не может рассматриваться в качестве строгой научной категории.

Во-вторых, разработана оригинальная типология энергетических держав по доминирующему источнику структурного влияния, включающая четыре типа: ресурсные державы (влияние основано на контроле над запасами и добычей углеводородов), инфраструктурные державы-хабы (контроль над узловыми точками транзита, хранения и конверсии энергии), технологические державы (контроль над критическими технологиями добычи, переработки и энергоперехода) и нормативные державы (способность формировать нормативную повестку и стандарты глобальной энергетики). Показано, что одно и то же государство может одновременно обладать признаками нескольких типов, причем соотношение различных источников влияния способно меняться с течением времени, что и составляет суть процесса реконфигурации. На примере Российской Федерации обосновано, что в условиях геополитического противостояния ведущие акторы реализуют гибридные стратегии, комбинируя ресурсные, инфраструктурные, технологические и нормативные инструменты структурного влияния.

В-третьих, уточнено содержание категории «энергетический суверенитет» применительно к условиям геополитического противостояния. В отличие от традиционных трактовок, отождествляющих суверенитет с автаркией или полной энергетической независимостью, предложено понимание энергетического суверенитета как относительной политической способности государства самостоятельно определять параметры функционирования национальной энергетической системы и противостоять экстерриториальному применению санкционных и регуляторных режимов конкурирующих центров силы. Установлено логическое соотношение между двумя центральными категориями: энергетическая держава есть статусная характеристика государства в международной системе, тогда как энергетический суверенитет – качественная характеристика государственной

политики, отражающая способность сохранять самостоятельность в принятии стратегических решений.

В-четвертых, обоснована релевантность политико-текстологического подхода для эмпирического анализа позиционирования энергетических держав. Данный подход позволяет рассматривать доктринальные внешнеполитические документы не как источник объективных данных, а как форму политической речи, в которой конституируется идентичность государства в качестве энергетической державы определенного типа и легитимируются его внешнеполитические притязания.

§3. Методология анализа энергетического миропорядка: от статичных моделей к динамике конкурентной фрагментации

В академической литературе и экспертно-аналитическом дискурсе сложилось несколько конкурирующих моделей описания глобального энергетического порядка, каждая из которых схватывает определенные аспекты реальности, но ни одна не дает удовлетворительного объяснения трансформационным процессам, разворачивающимся на современном этапе.

Либеральная рыночная модель, институционализированная в Договоре к Энергетической хартии и правилах Всемирной торговой организации[116,117], интерпретирует энергетическую систему как совокупность взаимосвязанных рынков, развивающихся по универсальным законам конкуренции и недискриминационного доступа. Между тем целенаправленное разрушение трансграничной инфраструктуры, санкционные режимы и политически мотивированные ограничения на торговлю энергоресурсами, ставшие реальностью 2020-х годов, прямо противоречат базовым допущениям этой модели. Д. Лесаж и Т. Ван де Грааф указывают, что глобальное энергетическое управление развивается не в сторону сближения вокруг либеральных норм, а в сторону фрагментации и конкуренции различных нормативных порядков[118].

Модель гегемонистской стабильности, разработанная Р. Гилпином, объясняет относительную упорядоченность энергетической системы послевоенного периода наличием доминирующей державы, обеспечивающей безопасность коммуникаций и стабильность рынков. Вместе с тем данная модель исходит из предпосылки линейной динамики: ослабление гегемона должно влечь за собой либо выдвижение державы-преемника, либо

---

[116] Договор к Энергетической хартии : [подписан в г. Лиссабоне 17 декабря 1994 года] // Energy Charter Secretariat : [сайт]. – URL: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECT-ru.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[117] Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации : [заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 года] // World Trade Organization : [сайт]. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/04-wto_e.htm (дата обращения: 09.09.2026).

[118] Lesage, D. Global Energy Governance in a Multipolar World / D. Lesage, T. Van de Graaf, K. Westphal. – London : Routledge, 2016. – 234 p. – ISBN 978-1-315-58480-5.

хаотизацию международного порядка. Эмпирическая реальность описывает более сложную траекторию. Относительное ослабление американского доминирования не привело ни к установлению китайской гегемонии – Пекин не демонстрирует готовности принять на себя сопряженные с ней глобальные издержки, – ни к коллапсу существующего порядка. Вместо этого складывается полицентричная структура, в которой различные центры силы ориентированы не на глобальный контроль, а на закрепление собственных региональных и функциональных сегментов влияния[119].

Упрощенная модель многополярности, в свою очередь, трактует ее как простое умножение числа центров силы при сохранении единых правил игры – и именно в этом обнаруживается ее аналитическая недостаточность. Принципиальная особенность нынешнего момента состоит в том, что плюрализация затрагивает не только состав субъектов, но и сами принципы организации энергетических отношений: конкурирующие центры продвигают альтернативные механизмы ценообразования, расходящиеся подходы к климатическому регулированию и альтернативные платежно-расчетные системы.

Синтез критического анализа существующих моделей позволяет сформулировать авторскую концепцию «конкурентной фрагментации» применительно к глобальному энергетическому пространству.

Конкурентная фрагментация глобального энергетического пространства представляет собой такое состояние международной энергетической системы, при котором она структурно расслаивается на несколько параллельно существующих нормативно-институциональных и инфраструктурных контуров, каждый из которых функционирует на основе собственных принципов, правил и стандартов, воспроизводит внутреннюю нормативную согласованность и находится в состоянии активного соперничества с другими контурами за расширение своего нормативного

[119] Gilpin, R. War and Change in World Politics / R. Gilpin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – xiv, 272 p. – ISBN 978-0-521-27376-3.

ареала и за право устанавливать универсальные правила функционирования энергетических рынков. В отличие от жесткой биполярности эпохи холодной войны, границы между контурами в модели конкурентной фрагментации остаются проницаемыми и подвижными, что позволяет государствам проводить многовекторную энергетическую политику и извлекать выгоды из институциональной конкуренции. В отличие от глобализационной конвергенции 1990–2000-х годов, конкурентная фрагментация характеризуется не сближением, а расхождением нормативных порядков и формированием устойчивых институциональных альтернатив западноцентричной модели глобального энергетического управления.

Ключевое отличие предлагаемой концепции от традиционных представлений о фрагментации состоит в акценте на конкурентном характере этого процесса. Фрагментация не является простым распадом некогда единой системы на изолированные сегменты; напротив, формирующиеся контуры находятся в состоянии активного соперничества за влияние в «серой зоне» – государствах и регионах, еще не сделавших окончательного выбора в пользу той или иной модели энергетического порядка. Более того, каждый из контуров претендует на универсальность продвигаемых им норм и правил, стремясь не к сосуществованию, а к расширению собственного нормативного ареала. В этом смысле конкурентная фрагментация представляет собой не временное отклонение от нормы глобализации, а новую системную реальность международных отношений в энергетической сфере.

Концепция конкурентной фрагментации позволяет интегрировать объяснительные возможности различных теоретических парадигм. Реалистская традиция дает понимание того, почему государства стремятся к формированию автономных контуров: в анархической международной среде контроль над энергетической инфраструктурой и нормами ее регулирования является слишком важным инструментом выживания, чтобы делегировать его наднациональным институтам, контролируемым конкурирующими державами. Неолиберальный институционализм объясняет, как именно

формируются и функционируют эти контуры: через создание параллельных институтов, установление специфических правил ценообразования и расчетов, формирование устойчивых ожиданий участников. Конструктивизм, в свою очередь, высвечивает нормативное измерение конкуренции – борьбу за право определять смысл ключевых категорий («энергетическая безопасность», «устойчивое развитие», «справедливый переход»).

Эмпирическими проявлениями конкурентной фрагментации глобального энергетического пространства выступают следующие взаимосвязанные процессы (табл. 3).

Таблица 3 – Эмпирические проявления конкурентной фрагментации глобального энергетического пространства[120]

Проявления конкурентной фрагментации	**Западный контур**	**Незападный контур(ы)**	**Критерии принадлежности к контуру**
Институциональная дивергенция	МЭА, Энергетическая хартия, G7, «Климатический клуб»	ОПЕК+, Платформа энергетических исследований БРИКС, ШОС, Африканская организация производителей нефти (АРПО)	Членство в ключевых институтах контура и/или участие в его интеграционных проектах
Инфраструктурная бифуркация	СПГ-терминалы Европы, трубопроводы из Норвегии и Северной Африки	«Сила Сибири», ВСТО, «Пакистанский поток» (проект), инфраструктура «Пояса и пути»	Подключенность к трубопроводным системам, терминалам СПГ и электрическим сетям, контролируемым соответствующим контуром
Валютно-финансовая фрагментация	Долларовое ценообразование, SWIFT, западные страховые компании	Расчеты в нацвалютах, альтернативные платежные системы, национальные страховщики	Доля расчетов в валютах соответствующего контура и использование его платежно-расчетной инфраструктуры
Нормативно-регуляторная конкуренция	CBAM, «Зеленая таксономия» ЕС, стандарты МЭА	Национальные углеродные рынки Китая и Индии; альтернативные стандарты устойчивости	Принятие регуляторных стандартов соответствующего контура в качестве основы национального законодательства
Технологическое размежевание	Западные патенты на ВИЭ-технологии,	Китайское производство солнечных панелей и	Ориентация на технологические стандарты и поставщиков

[120] Источник: составлено автором.

	альянсы корпораций США – ЕС – Япония	аккумуляторов, контроль редкоземов	оборудования из соответствующего контура

В отличие от биполярной эпохи, когда принадлежность к одному из блоков носила относительно однозначный характер (членство в НАТО/ОВД, участие в плане Маршалла/СЭВ), современная конкурентная фрагментация характеризуется более размытыми границами. Государства могут одновременно участвовать в институтах различных контуров, диверсифицируя энергетические связи и избегая жесткого выбора. При этом на основе комбинации критериев принадлежности может быть построена типология государств по степени вовлеченности в тот или иной контур: «ядерные» участники (полностью интегрированные), «периферийные» участники (частично интегрированные), «колеблющиеся» (диверсифицирующие связи) и «нейтральные» (минимизирующие вовлеченность в любой из контуров).

Для учета неопределенности дальнейшей эволюции фрагментированной системы в диссертации используется метод сценарного прогнозирования. Временной горизонт прогноза – среднесрочный (до 2035 г.), что обусловлено, с одной стороны, глубиной структурных сдвигов, уже приведенных в движение, с другой – принципиальной невозможностью надежного прогнозирования за пределами данного периода в условиях высокой турбулентности международной среды. Оценка вероятности реализации каждого из сценариев базируется на качественном анализе доминирующих тенденций и экспертной оценке факторов неопределенности – метод, широко применяемый в современном энергетическом прогнозировании для работы с трудноформализуемыми геополитическими рисками. Конкретные сценарии, их индикаторы и вероятностная оценка применительно к эмпирическому материалу 2020–2025 гг. разработаны в заключительной главе диссертации.

По результатам разработки методологического инструментария и авторской объяснительной модели можно сделать следующие **выводы**:

Во-первых, проведенный критический анализ существующих моделей глобального энергетического порядка – либеральной рыночной, гегемонистской стабильности и упрощенной многополярности – продемонстрировал их ограниченную релевантность для объяснения современных трансформационных процессов. Либеральная модель не учитывает политически мотивированную фрагментацию рынков; модель гегемонистской стабильности предполагает линейную динамику, не схватывая формирование полицентричной структуры с конкурирующими нормативными порядками; упрощенная многополярность игнорирует качественное изменение самих принципов организации энергетических отношений.

Во-вторых, предложена авторская концепция «конкурентной фрагментации» глобального энергетического пространства, под которой понимается такое состояние международной энергетической системы, при котором она структурно расслаивается на несколько параллельно существующих нормативно-институциональных и инфраструктурных контуров, каждый из которых функционирует по собственным правилам и конкурирует с другими за право устанавливать универсальные стандарты. Ключевое отличие данной концепции от традиционных представлений о фрагментации состоит в акценте на конкурентном характере процесса и проницаемости границ между контурами.

В-третьих, выделены и охарактеризованы пять эмпирических измерений конкурентной фрагментации: институциональное, валютно-финансовое, инфраструктурное, нормативно-регуляторное и технологическое. Разработана система критериев принадлежности государств к контурам и типология участников по степени вовлеченности («ядерные», «периферийные», «колеблющиеся», «нейтральные»), позволяющая операционализировать предложенную концепцию для эмпирического анализа.

Глава II. Генезис и институциональная архитектура глобального энергетического порядка в условиях геополитической конкуренции

§1. Сущность и генезис энергетических центров политического влияния в системе международных отношений

Понятие «центр силы» в теории международных отношений обозначает государство или коалицию государств, обладающих достаточным совокупным потенциалом для самостоятельного влияния на структуру международной системы и поведение других акторов. В классической трактовке Г. Моргентау государственная мощь складывается из совокупности материальных и нематериальных ресурсов – территории, населения, экономического потенциала, военной силы и качества дипломатии, – однако контроль над стратегическими ресурсами, прежде всего энергетическими, занимает в этом перечне особое место как условие воспроизводства всех прочих компонентов мощи[121,122].

Применительно к энергетической сфере понятие центра силы требует уточнения. Энергетический центр силы – это государство или устойчивая коалиция государств, способные через контроль над производством, транспортировкой или технологиями использования энергоресурсов оказывать структурное воздействие на поведение других акторов международной системы. Данное определение принципиально отличает энергетический центр силы от просто крупного производителя или потребителя энергоресурсов: речь идет не о количественных параметрах присутствия на рынке, а о политической способности конвертировать энергетические позиции во влияние на международную повестку, институциональные нормы и стратегические решения других государств. В этом смысле энергетический центр силы является политической, а не

[121] Лобанова, Д. А. Концептуальные подходы к определению понятия силы в международных отношениях / Д. А. Лобанова // Международные процессы. – 2017. – Т. 15, № 2. – С. 77–88.
[122] Моргентау, Г. Система международных отношений. Нации в борьбе за власть / Г. Моргентау ; пер. с англ. – Москва : Родина, 2023. – 526, [1] с. – (Документальный триллер). – ISBN 978-5-00222-227-8.

экономической категорией, что корреспондирует с предложенным в теоретической части данной работы определением энергетической державы[123].

Генезис энергетических центров силы неразрывно связан с процессом индустриализации, превратившим доступ к источникам энергии из локальной хозяйственной проблемы в вопрос государственного выживания и великодержавного статуса. К. Уолтц в своей структурной теории международной системы указывал, что распределение возможностей между государствами определяет характер системы в целом: переход от биполярности к многополярности или обратно есть прежде всего следствие изменения этого распределения. Применение данного тезиса к энергетической сфере позволяет сформулировать ключевое теоретическое положение: смена доминирующего энергоносителя, как правило, влечет за собой перераспределение государственной мощи и реконфигурацию иерархии международных отношений[124].

Анализ исторической динамики структуры мирового энергетического баланса позволяет идентифицировать ключевые этапы трансформации энергетической парадигмы человечества. Доиндустриальный период и начало XIX века характеризовались абсолютным преобладанием биомассы (около 90% энергобаланса). Период с середины XIX века до середины XX века – это «эпоха угля», с середины XX столетия – «нефтяная эра», символом которой стало господство крупнейших международных нефтяных компаний[125] (к началу 1970-х годов доля нефти в мировом потреблении коммерческих энергоносителей превысила 45%[126]). Современный период характеризуется беспрецедентной диверсификацией: впервые со времен промышленной революции структура

[123] Goldthau, A. Back to the future or forward to the past? Strengthening markets and rules for effective global energy governance / A. Goldthau, J. M. Witte // International Affairs. – 2009. – Vol. 85, No. 2. – P. 373–390. – DOI 10.1111/j.1468-2346.2009.00798.x.
[124] Waltz, K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – Long Grove, IL : Waveland Press, 2010. – 251 p. – ISBN 978-1-57766-670-7.
[125] Sampson, A. The Seven Sisters: The Great Oil Companies and the World They Made / A. Sampson. – New ed. – Sevenoaks : Coronet Books, 1988. – 368 p. – ISBN 978-0-340-48614-6.
[126] Ritchie, H. Energy Mix / H. Ritchie, P. Rosado // Our World in Data. – 2020. – URL: https://ourworldindata.org/energy-mix (дата обращения: 09.09.2026).

глобального энергопотребления не имеет выраженного доминирования одного энергоносителя, что свидетельствует о формировании полицентричной энергетической системы.

Прослеживаемая динамика свидетельствует о том, что каждая смена доминирующего энергоносителя сопровождалась перераспределением государственной мощи и реконфигурацией глобальных центров силы. Систематизация этих закономерностей требует концептуальной модели, интегрирующей технологическое, институциональное и геополитическое измерения трансформации энергетических систем.

В масштабном научном труде «Эволюция мировых энергетических рынков и ее последствия для России» Института энергетических исследований РАН и Аналитического центра при Правительстве РФ описывается трехэтапная периодизация развития мировой энергетики. Первый этап (1800–1933) – рост потребления в 4,3 раза, замещение дров углем, появление ДВС. Второй этап (до 1980) – доминирование нефти, развитие газовых турбин и прогресс в разведке углеводородов. Третий этап (1980–2010) – становление постиндустриального общества, коммерциализация нетрадиционных ресурсов. Однако данная периодизация оставляет в тени институциональное измерение – финансовые инновации, эволюцию регуляторных режимов и политические механизмы управления[127].

Российский исследователь А.А. Конопляник предлагает шестиэтапную периодизацию эволюции мирового нефтяного рынка и механизмов ценообразования, отражающую трансформацию нефти от физического товара к сложному финансовому инструменту. Вместе с тем данная концепция, сфокусированная исключительно на нефти, не охватывает межсекторальную конвергенцию энергетических рынков и оставляет за рамками анализа политическое измерение ценообразования – роль санкционных режимов,

[127] Эволюция мировых энергетических рынков и ее последствия для России / под ред. А. А. Макарова, Л. М. Григорьева, Т. А. Митровой. – Москва : ИНЭИ РАН ; АЦ при Правительстве РФ, 2015. – 400 с. – ISBN 978-5-91438-019-6.

государственных стратегий и соперничества великих держав в формировании рыночной конъюнктуры[128].

Таким образом, при всей эвристической ценности обе периодизации демонстрируют общее ограничение: ни одна из них не интегрирует в единую аналитическую схему технологическое, институциональное и геополитическое измерения эволюции энергетических систем. Это обусловливает необходимость разработки комплексной классификации этапов, в которой динамика энергобаланса, трансформация механизмов управления и конфигурация межгосударственного соперничества рассматриваются как взаимосвязанные процессы (рис. 1).

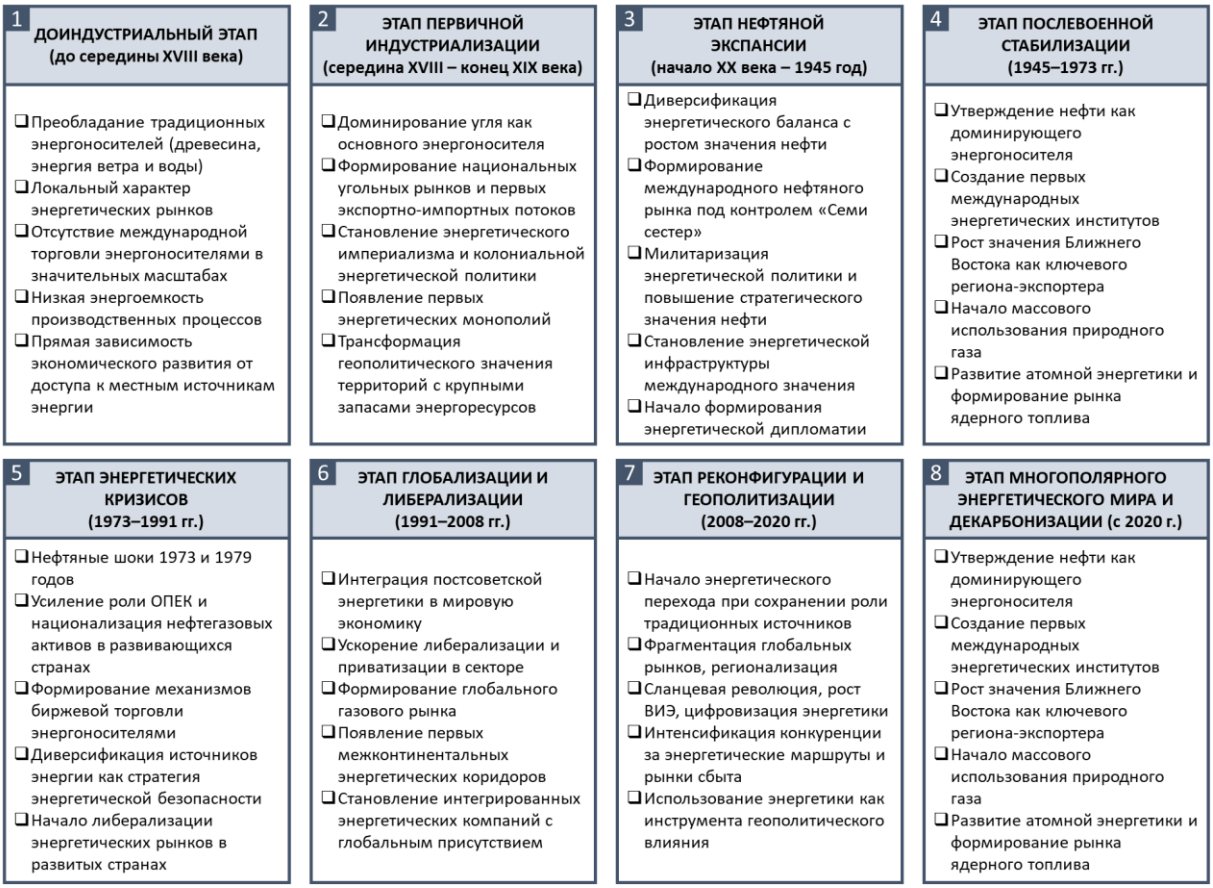

Рисунок 1 – Этапы формирования ключевых энергетических рынков[129]

[128] Биржевая торговля энергоресурсами: истоки и развитие : монография / под ред. Н. А. Иванова. – Москва : РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, 2022. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-5-91961-459-3.

[129] Источник: составлено автором.

На *доиндустриальном этапе* (до середины XVIII века) основу энергетического баланса составляла биомасса; энергетические системы носили сугубо локальный характер, а международные рынки энергоносителей отсутствовали как таковые. К исходу периода нараставший дефицит древесины подтолкнул к поиску альтернатив и обусловил постепенный переход к ископаемому топливу.

Этап первичной индустриализации (середина XVIII – конец XIX века) ознаменовался последовательным вытеснением биомассы углем в качестве главного энергоносителя. Транспортная революция заложила инфраструктурные основы трансграничного перемещения энергоресурсов и впервые обозначила устойчивое структурное разграничение между государствами-производителями и государствами-потребителями. На протяжении большей части периода лидирующее положение удерживала Великобритания, однако к концу XIX века угольный рынок приобрел многополярный характер: весомые позиции на нем заняли Германия и США, причем США к 1900 г. опередили Великобританию по объему добычи угля.

Этап нефтяной экспансии (начало XX века – 1945 год) характеризуется радикальным изменением энергобаланса в пользу нефти. Открытие месторождений на Ближнем Востоке заложило основы для превращения региона в ключевой центр нефтедобычи. Концессионная система и картельные механизмы привели к олигополии «Семи сестер», которые приобрели права на разведку и добычу углеводородов, в то время как принимающие государства фактически отстранялись от какого-либо участия в управлении собственными ресурсами. Мировые войны придали нефти принципиально иное измерение: боеспособность армий обнаружила прямую зависимость от бесперебойного снабжения жидким топливом, и с этого момента нефть перестала быть предметом исключительно коммерческих интересов, войдя в число стратегических приоритетов государственной политики[130].

[130] Sampson, A. The Seven Sisters: The Great Oil Companies and the World They Made / A. Sampson. – New ed. – Sevenoaks : Coronet Books, 1988. – 368 p. – ISBN 978-0-340-48614-6.

Этап послевоенной стабилизации (1945–1973) закрепил нефть на позиции безусловно доминирующего энергоносителя. Рост ее доли в мировом потреблении коммерческих энергоносителей примерно с четверти до более чем 45%[131],[132] питался двумя взаимосвязанными процессами: массовой автомобилизацией в развитых странах и ускоренным строительством нефтехимических производств. В этих условиях возросло и структурное значение ближневосточных производителей – государств, сочетавших крупнейшие разведанные запасы с одной из самых низких в мире себестоимостью добычи (это преимущество регион сохраняет и сегодня[133]). Учреждение ОПЕК в 1960 году стало поворотным институциональным событием периода: организация впервые предоставила добывающим странам механизм координации, позволявший противостоять ценовому диктату западных компаний и постепенно отвоевывать контроль над собственными ресурсами[134].

Отправной точкой *этапа энергетических кризисов (1973–1991)* стало нефтяное эмбарго, объявленное Организацией арабских стран – экспортеров нефти (ОАПЕК), поднявшее цены с 3 до 12 USD за баррель. Продемонстрированная эффективность «нефтяного оружия» дала импульс к расширению государственного контроля над ресурсами и обозначила пределы рыночной саморегуляции. Институциональным ответом на кризис стало учреждение МЭА в 1974 году. Второй ценовой шок 1979–1980 годов, поднявший стоимость барреля почти до 40 USD, ускорил диверсификацию энергетического баланса потребляющих стран: удельный вес нефти в нем сократился, тогда как позиции природного газа и атомной энергетики заметно укрепились. Становление биржевого ценообразования (открытие торгов

[131] Smil, V. Energy Transitions: Global and National Perspectives / V. Smil. – 2nd ed. – Santa Barbara, CA : Praeger, 2017. – xi, 282 p. – ISBN 978-1-4408-5324-1.
[132] Ritchie, H. Energy Mix / H. Ritchie, P. Rosado // Our World in Data. – 2020. – URL: https://ourworldindata.org/energy-mix (дата обращения: 09.09.2026).
[133] World Energy Outlook 2025 / International Energy Agency. – Paris : IEA, 2025. – URL: https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2025 (дата обращения: 09.09.2026).
[134] Yergin, D. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power / D. Yergin. – New York : Simon & Schuster, 1991. – xxxii, 877 p. – ISBN 978-0-671-50248-5.

фьючерсами в 1983 году) переместило центр формирования цен на финансовые рынки[135].

Этап глобализации и либерализации (1991–2008) открылся распадом СССР и превращением Каспийского региона в арену геополитического соперничества. Трубопроводные проекты этого периода – Баку – Тбилиси – Джейхан, «Голубой поток», ВСТО (строительство начато в 2006 г.) – служили не столько коммерческой инфраструктурой, сколько инструментом закрепления сфер влияния: каждый новый маршрут отражал соотношение сил между конкурирующими державами. Волна консолидации в западном нефтяном секторе породила энергетических супергигантов, однако одновременно разворачивался встречный процесс – государственные компании развивающихся стран наращивали международное присутствие, предвещая будущее рассредоточение рыночной власти.

Отправной точкой *этапа технологических революций и геополитизации* (2008–2020) стал глобальный финансовый кризис, обнаживший пределы устойчивости сложившейся модели энергетических рынков. Технологический прорыв в добыче сланцевых углеводородов перевернул американскую позицию на рынке: многолетний крупнейший импортер нефти к 2019 г. превратился в нетто-экспортера энергоресурсов, что лишило традиционных производителей части их переговорного веса. После 2014 года энергетика окончательно приобрела политическое измерение: санкционные инструменты, споры вокруг трубопроводных маршрутов и борьба за транзитные коридоры утвердились в качестве стандартных элементов межгосударственного взаимодействия.

Современный этап (с 2020 года) определяется ускорением декарбонизации, фрагментацией глобального энергетического пространства и нарастанием геополитической турбулентности. Пандемия COVID-19 и последовавший за ней энергетический кризис 2021–2022 годов обнажили

[135] Яковлев, А. И. Нефтяной кризис 1973 г.: взгляд спустя полвека / А. И. Яковлев // Россия и мир: научный диалог. – 2024. – № 2 (12). – С. 197–221. – DOI 10.53658/RW2024-4-2(12)-197-221.

пределы рыночной интеграции и подтолкнули государства к переосмыслению приоритетов энергетической безопасности. «Зеленая» повестка все отчетливее обнаруживает геополитическую природу: контроль над цепочками поставок критических материалов и формирование климатических норм превращаются в новое поле соперничества держав. Параллельно идет становление многополярной энергетической архитектуры – форматы ОПЕК+, энергетический диалог БРИКС и механизмы ШОС формируются в противовес западноцентричным структурам, что полностью соответствует логике конкурентной фрагментации, концептуализированной в теоретической главе данного диссертационного исследования.

Этапы формирования и развития энергетических центров силы в системе международных отношений систематизированы в табл. 4.

Таблица 4 – Этапы формирования и развития энергетических центров силы в системе международных отношений[136]

Исторический этап	Доминирующие энергоносители	Характер межгосударственных энергетических отношений	Геополитические центры силы	Институциональная архитектура
Доиндустриальный этап (до сер. XVIII века)	Древесина, гужевая сила, энергия ветра и воды	Автономные локальные системы; трансграничные энергетические отношения носят эпизодический характер	Аграрные империи (Китай, Османская империя, европейские державы)	Местные гильдии, цеха, городские власти
Этап первичной индустриализации сер. XVIII – кон. XIX в.)	Уголь как основа промышленной революции	Формирование межгосударственной энергетической торговли в рамках колониальных отношений; энергоресурсы как инструмент колониальной экспансии	Великобритания как индустриальный лидер, растущая роль Германии и США	Первые национальные монополии, колониальные компании, имперское право
Этап нефтяной экспансии (нач. XX в. – 1945 г.)	Уголь с быстрорастущей долей нефти	Межгосударственное соперничество за концессии и месторождения; нефть как стратегический ресурс военного времени	США, Великобритания, нарастающая роль СССР	Концессионная система, картельные соглашения («Ачнакаррский договор»), колониальное право
Этап послевоенной стабилизации (1945–1973 гг.)	Нефть как доминирующий энергоноситель, рост атомной энергетики	Биполярная структура энергетических отношений с разделением на западный и восточный блоки	Биполярный мир: США и СССР с сателлитами	ОПЕК (1960), национальные регуляторы, энергетические системы СЭВ

[136] Источник: составлено автором.

Исторический этап	Доминирующие энергоносители	Характер межгосударственных энергетических отношений	Геополитические центры силы	Институциональная архитектура
Этап энергетических кризисов (1973–1991 гг.)	Нефть при растущей диверсификации (газ, атомная энергия)	Геополитизация энергетики; использование нефти как инструмента политического давления; усиление роли государства в управлении ресурсами	Усиление ОПЕК, биполярная система с растущей ролью новых центров	ОПЕК, МЭА (1974), первые энергетические биржи, национальные регуляторы
Этап глобализации и либерализации (1991–2008 гг.)	Диверсифицированный баланс с преобладанием углеводородов	Однополярный порядок с доминированием западных институтов; либерализация как инструмент распространения западной модели управления	США как единственная сверхдержава, интеграция постсоветского пространства	ВТО, Энергетическая хартия, интегрированные глобальные компании
Этап технологических революций и геополитизации (2008–2020 гг.)	Углеводороды с растущей долей ВИЭ	Нарастающая фрагментация глобального порядка; обострение соперничества великих держав за энергетические маршруты и рынки сбыта	Многополярный мир: США, Китай, Россия, ЕС	ОПЕК+, региональные энергетические союзы, санкционные режимы
Этап многополярного энергетического мира и декарбонизации (с 2020 г.)	Растущая роль ВИЭ при сохранении значимости углеводородов	Формирование конкурирующих региональных энергетических блоков; обострение конфликта за контроль над стратегическими проливами и цепочками поставок	Фрагментированный мир с конкурирующими блоками; обострение геополитического противостояния на Ближнем Востоке	«Зеленые» альянсы, параллельные институты БРИКС и ШОС, санкционные режимы, механизмы военно-энергетического давления

По результатам исследования можно сделать следующие **выводы:**

Во-первых, в работе выделено восемь этапов генезиса энергетических центров силы в системе международных отношений: доиндустриальный (до середины XVIII века), первичной индустриализации (середина XVIII – конец XIX века), нефтяной экспансии (начало XX века – 1945 год), послевоенной стабилизации (1945–1973 гг.), энергетических кризисов (1973–1991 гг.), глобализации и либерализации (1991–2008 гг.), технологических революций и геополитизации (2008–2020 гг.) и современный этап многополярного энергетического мира (с 2020 года). В отличие от существующих периодизаций (трехэтапная модель ИНЭИ РАН, шестиэтапная модель А.А. Конопляника), предлагаемая автором классификация интегрирует технологическое, институциональное и геополитическое измерения в единую аналитическую схему, что позволяет проследить не только эволюцию энергобаланса, но и параллельную трансформацию механизмов управления и конфигурации межгосударственного соперничества на каждом из этапов.

Во-вторых, на основе разработанной аналитической схемы подтверждена и конкретизирована применительно к энергетической сфере

известная в теории международных отношений закономерность: каждая смена доминирующего энергоносителя или технологического уклада сопровождалась перераспределением государственной мощи и сдвигами в иерархии ведущих держав. Авторский вклад состоит в том, что данная закономерность прослежена на всем протяжении выделенных восьми этапов – от доиндустриального периода до современного этапа конкурентной фрагментации, – что позволило зафиксировать специфику текущего момента: впервые со времен промышленной революции структура глобального энергопотребления не имеет выраженного доминирования одного энергоносителя, а множественность источников энергии порождает множественность центров силы и их гибридных стратегий, концептуализированных в теоретической главе диссертации.

§2. Многополярность как политический проект: борьба за переустройство энергетического миропорядка

Формирование многополярной модели мировой энергетики представляет собой не стихийное перераспределение рыночных позиций, а результат целенаправленных политических стратегий государств, стремящихся закрепить собственное влияние в противовес западноцентричной системе управления[137]. Внешнеполитические доктрины, энергетические стратегии и официальные заявления руководства ведущих держав фиксируют эту борьбу с нарастающей отчетливостью. Так, Концепция внешней политики Российской Федерации прямо провозглашает курс на формирование «справедливого и устойчивого мироустройства» и в числе задач называет обеспечение справедливого доступа всех государств к благам мировой экономики, а также решение проблем глобальной энергетической безопасности[138]. Энергетическая стратегия РФ на период до 2050 года конкретизирует эту линию, закрепляя диверсификацию экспорта в пользу стран АТР и развитие СПГ-инфраструктуры как инструменты укрепления суверенных позиций[139]. В свою очередь, Китай через инициативу «Пояс и путь» и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций методично финансирует строительство транспортной и энергетической инфраструктуры, встраивая страны-партнеры в орбиту своего технологического и нормативного влияния.

Теоретическое осмысление данного феномена требует синтеза нескольких традиций. Реалистская перспектива объясняет, почему усиление новых держав неизбежно ведет к их стремлению конвертировать

[137] Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский ; пер. с англ. О. Уральской. – Москва : АСТ, 2021. – 254 с. – (Мировой порядок). – ISBN 978-5-17-135174-8.
[138] Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).
[139] Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.04.2025 № 908-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

экономический потенциал в политическое влияние на энергетических рынках и оспорить правила, установленные прежним гегемоном. Неолиберальный институционализм акцентирует роль международных режимов и асимметричной взаимозависимости, которая может использоваться как инструмент давления. Геоэкономический подход открывает возможность рассматривать санкционные режимы, инфраструктурные проекты и климатическую повестку не как разрозненные явления, а как элементы связных геополитических стратегий, направленных на укрепление позиций в межгосударственном соперничестве. Необходимость синтетической теоретической рамки продиктована самой природой изучаемого объекта: реконфигурация энергетических держав разворачивается одновременно в плоскости силового противостояния, институциональной конкуренции и борьбы за нормативное доминирование, и ни одна из существующих парадигм не перекрывает в полной мере все три измерения[140,141,142].

Переход глобального энергетического миропорядка к многополярности не был единовременным событием – он стал итогом длительного накопления разнородных сдвигов, последовательно подтачивавших основания однополярной модели, утвердившейся после распада СССР. Систематизация этих сдвигов позволяет выделить шесть взаимосвязанных групп предпосылок, в совокупности обусловливающих трансформацию глобальной энергетической архитектуры: геополитические, экономические, ресурсно-технологические, экологические, институциональные и структурные.

Геополитические предпосылки связаны с изменением баланса сил на международной арене и формированием новых центров политического влияния. Ключевую роль здесь сыграло возвышение Китая, который на протяжении двух десятилетий методично конвертировал экономический рост

[140] Ikenberry, G. J. The Rise of China and the Future of the West: Can the Liberal System Survive? / G. J. Ikenberry // Foreign Affairs. – 2008. – Vol. 87, No. 1. – P. 23–37.
[141] Keohane, R. O. Power and Interdependence / R. O. Keohane, J. S. Nye. – 4th ed. – Boston : Longman, 2012. – xxxiv, 330 p. – ISBN 978-0-205-08291-9.
[142] Overland, I. The geopolitics of renewable energy: Debunking four emerging myths / I. Overland // Energy Research & Social Science. – 2019. – Vol. 49. – P. 36–40. – DOI 10.1016/j.erss.2018.10.018.

в политическое влияние, в том числе в энергетической сфере. Россия укрепляла позиции ресурсной державы, используя контроль над углеводородными потоками как инструмент внешней политики. Индия, Бразилия и страны Персидского залива формировали собственные стратегии, все менее согласующиеся с западноцентричной моделью управления[143].

Важным аспектом изменения баланса сил является относительное ослабление позиций США в определении правил игры на мировых энергетических рынках. Наиболее отчетливо это проявилось в снижении эффективности односторонних санкций и формировании альтернативных финансовых механизмов для обслуживания международной торговли энергоресурсами. Данные Банка России фиксируют кардинальный сдвиг: если в 2021 г. доля доллара и евро в расчетах за экспорт составляла 84,6%, то в 2025 г. она сократилась до 14,4%, а доля рубля выросла с 14% до 53,7%. Совокупная доля рубля и валют дружественных стран в расчетах за экспорт и импорт впервые превысила 85%[144]. Санкционный режим не привел к устойчивому сокращению доходов российского бюджета (хотя в 2023 и 2025 гг. нефтегазовые доходы снижались почти на четверть[145],[146]), но запустил процессы формирования параллельной финансовой и логистической инфраструктуры, к которой постепенно подключаются и другие государства, стремящиеся минимизировать риски зависимости от долларовой системы.

Самостоятельным измерением геополитического соперничества стал контроль над транспортными коридорами. Конфликт вокруг Ирана (с конца февраля 2026 г.) наглядно подтвердил этот тезис: блокирование Ормузского пролива, через который ежедневно проходило более 20 млн барр. нефти и

[143] Raydan, N. A New Energy Order in the UAE and Saudi Arabia / N. Raydan // The Washington Institute for Near East Policy. – 2025. – 19 May. – URL: https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/new-energy-order-uae-and-saudi-arabia (дата обращения: 09.09.2026).
[144] Рекордные расчеты в нацвалютах удержат рубль крепким на долгое время // Известия. – 2026. – 3 марта. – URL: https://iz.ru/2052227/2026-03-03/rekordnye-raschety-v-natcvaliutakh-uderzhat-rubl-krepkim-na-dolgoe-vremia (дата обращения: 09.09.2026).
[145] Дефицит бюджета РФ в 2023 году составил 3,24 трлн рублей, или 1,9% ВВП // Интерфакс. – 2024. – 11 января. – URL: https://www.interfax.ru/business/939771 (дата обращения: 09.09.2026).
[146] Дефицит бюджета РФ в 2025 году составил 5,65 трлн рублей, или 2,6% ВВП // Интерфакс. – 2026. – 19 января. – URL: https://www.interfax.ru/business/1068331 (дата обращения: 09.09.2026).

нефтепродуктов, привело к сокращению мирового предложения нефти в марте 2026 г. примерно на 10 млн барр./сут. и росту цен на Brent почти на 28% в течение первой недели конфликта. МЭА охарактеризовало это как «крупнейший сбой поставок в истории», продемонстрировав, сколь высоки политические ставки в борьбе за контроль над «энергетическими артериями»[147].

Экономические предпосылки многополярности связаны с фундаментальным сдвигом в географии глобального экономического роста и перераспределением центров энергопотребления. Эта тенденция находит отражение в отчетах Международного энергетического агентства (МЭА): по его оценкам, в 2025 году именно страны, не входящие в ОЭСР, оставались главным драйвером мирового спроса на нефть, увеличив потребление до 58,1 млн барр./сут., в то время как спрос в странах ОЭСР сокращался[148]. Китай, с 2017 г. являющийся крупнейшим мировым импортером нефти, по итогам 2025 г. импортировал рекордные 11,55 млн барр./сут.[149] Для стран-экспортеров это означало появление альтернативного рынка сбыта, не контролируемого западными институтами.

Трансформация механизмов ценообразования обнаруживает двойственную тенденцию: глобализация рынков, обусловленная развитием СПГ-инфраструктуры, сочетается с формированием региональных рынков, функционирующих по собственным правилам. Доля спотовых и краткосрочных контрактов в мировой торговле СПГ выросла с 18,9% в 2010 г. до 36% в 2024 г., что размывает монополию долгосрочных контрактов с нефтяной привязкой. На нефтяном рынке возрастает значение азиатских бенчмарков – Dubai/Oman и шанхайского фьючерса, номинированного в

[147] Global oil supply falls by 10 MMbpd in a historic shock // Inspenet. – 2026. – 21 April. – URL: https://inspenet.com/en/news/global-oil-supply-falls-by-10-mmbpd-in-a-historic-shock/ (дата обращения: 09.09.2026).
[148] Oil Market Report – November 2025 / International Energy Agency. – Paris : IEA, 2025. – 13 November. – URL: https://www.iea.org/reports/oil-market-report-november-2025 (дата обращения: 09.09.2026).
[149] Импорт нефти в Китай достиг рекорда в декабре 2025 года // Neftegaz.RU. – 2026. – 15 января. – URL: https://neftegaz.ru/news/Trading/912549-import-nefti-v-kitay-dostig-rekorda-v-dekabre-2025-goda/ (дата обращения: 09.09.2026).

юанях, – что подрывает монополию традиционных западных торговых площадок[150].

Ресурсно-технологические предпосылки представляют собой комплекс факторов, включающих открытие новых месторождений наряду с революционными изменениями в технологиях извлечения и использования энергии. Расширение географии добычи формирует новые центры энергетического влияния: Восточное Средиземноморье (месторождения Египта, Израиля, Кипра), Гайана[151] (извлекаемые ресурсы блока Stabroek, по оценке оператора, – около 11 млрд барр. н.э.[152]), Мозамбик (доказанные запасы газа около 2,8 трлн м³)[153]. Появление каждого подобного ресурсного центра трансформирует региональный баланс сил.

Фундаментальные сдвиги в технологиях генерации и хранения энергии создают новую материальную базу полицентричного энергоустройства. Стремительное удешевление солнечных панелей и ветровых турбин в сочетании с прогрессом в области накопителей энергии последовательно размывает исключительные конкурентные преимущества классических сырьевых держав. Вес государства в глобальной энергетической иерархии все чаще определяется не объемами добычи углеводородов, а инженерными компетенциями и контролем над цепочками поставок критических минералов – лития, кобальта, редкоземельных металлов. Сосредоточив в своих руках переработку около 90% мирового производства редкоземельных элементов и заняв доминирующие позиции в выпуске солнечных панелей и аккумуляторных систем, Китай сформировал структурные преимущества в энергетике будущего, по своему стратегическому значению сопоставимые с

[150] Белогорьев, А. М. Мировой рынок СПГ на пороге избытка предложения / А. М. Белогорьев // Энергетическая политика. – 2025. – № 7 (210). – С. 10–23. – DOI 10.46920/2409-5516_2025_07210_10.
[151] Статистика запасов, добычи и потребления нефти в Гайане // Worldometer. – URL: https://www.worldometers.info/ru/нефть/гайана-нефть/ (дата обращения: 09.09.2026).
[152] Guyana project overview // ExxonMobil : [site]. – URL: https://corporate.exxonmobil.com/locations/guyana/guyana-project-overview (дата обращения: 09.09.2026).
[153] Статистика запасов, добычи и потребления природного газа в Мозамбике // Worldometer. – URL: https://www.worldometers.info/ru/газ/мозамбик-природный-газ/ (дата обращения: 09.09.2026).

теми, которыми страны Персидского залива располагали в период нефтяного господства[154].

Экологическое измерение многополярности определяется логикой формирования международного климатического режима, однако его роль в трансформации глобального энергетического порядка существенно сложнее, чем предполагают стандартные нормативные интерпретации. Парижское соглашение 2015 года и последующие решения 30-й сессии Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) создали нормативное давление на национальные энергетические стратегии, однако их практическая реализация обнаружила глубокие противоречия. Страны, ранее других завершившие индустриализацию, теперь требуют от остального мира форсированного отказа от углеводородов; развивающиеся экономики усматривают в этом не заботу об экологии, а стремление закрепить сложившееся неравенство. Введение Европейским союзом механизма трансграничного углеродного регулирования (CBAM) стало прецедентом использования экологических стандартов в качестве инструмента нормативной державности, что вызвало резкое противодействие со стороны Китая, Индии и ряда других крупных экономик и превратило климатическую повестку в дополнительную линию разграничения между конкурирующими блоками[155,156,157].

Институциональные предпосылки выражаются в трансформации архитектуры международного энергетического управления. Система, сложившаяся в период западного доминирования – МЭА, Энергетическая

---

[154] China continues to dominate rare earths as diversification efforts gain momentum / GlobalData // Mining Technology. – 2026. – 24 March. – URL: https://www.mining-technology.com/analyst-comment/china-dominate-rare-earths/ (дата обращения: 09.09.2026).

[155] Парижское соглашение : [принято в г. Париже 12 декабря 2015 года] // ООН : [сайт]. – URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[156] Василенко, Е. Итоги 30-й сессии Конференции сторон Рамочной конвенции об изменении климата / Е. Василенко // Российский совет по международным делам. – 2025. – 15 декабря. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/itogi-30-y-sessii-konferentsii-storon-ramochnoy-konventsii-ob-izmenenii-klimata/ (дата обращения: 09.09.2026).

[157] Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 establishing a carbon border adjustment mechanism // Official Journal of the European Union. – 2023. – L 130. – P. 52–104. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/956/oj/eng (дата обращения: 09.09.2026).

хартия, механизмы Всемирного банка, – все в меньшей мере отражает реальное распределение сил. Параллельно формируется альтернативная архитектура: ОПЕК+, объединяющий более 20 стран-производителей, превратился в постоянно действующий формат управления нефтяным рынком, не зависящий от западных институтов. Платформа энергетических исследований БРИКС, учрежденная в 2018 г., институционализирует сотрудничество в области совместных исследований и обмена технологиями, а вопросы расчетов в национальных валютах и координации позиций обсуждаются на встречах министров энергетики БРИКС. Региональные экономические блоки – ЕАЭС, АСЕАН, Африканский союз – создают структурную альтернативу глобализированной модели. Принципиальное значение имеет и трансформация роли доллара: переход к расчетам в национальных валютах следует трактовать не просто как смену валюты контрактов, но как подрыв одного из ключевых механизмов воспроизводства американского глобального лидерства.

Структурные предпосылки многополярности отражают трансформацию корпоративного ландшафта мировой энергетики, цифровизацию и децентрализацию энергетических систем. Наряду с отмеченной выше консолидацией западного нефтяного сектора в 1990-е годы усиливались государственные компании развивающихся стран – Saudi Aramco, PetroChina, Petrobras, – наращивавшие международное присутствие, что предвещало рассредоточение рыночной власти. В 2020-е годы цифровизация энергетики (умные сети, блокчейн-платформы для торговли энергией, системы прогнозирования на основе искусственного интеллекта) создает технологическую основу для децентрализованных моделей, снижающих зависимость от централизованной инфраструктуры и крупных операторов. Данные процессы усиливают полицентричный характер

энергетической системы и расширяют круг субъектов, способных влиять на ее конфигурацию[158].

Рассмотренные предпосылки – геополитические, экономические, ресурсно-технологические, экологические, институциональные и структурные – образуют целостную систему детерминант, обусловливающих трансформацию глобальной энергетической архитектуры в направлении многополярности. Их комплексное воздействие в систематизированном виде отражено на рис. 2.

Рисунок 2 – Предпосылки к становлению многополярности мировой энергетики[159]

[158] Fitzgerald, L. From energy firms to communities: Beyond market-centric approaches for just policy impacts / L. Fitzgerald, C. Ó Maonaigh // Energy Policy. – 2026. – Vol. 208. – Art. 114828. – DOI 10.1016/j.enpol.2025.114828.
[159] Источник: составлено автором.

Анализ предпосылок формирования многополярности мировой энергетики позволяет выявить существенную методологическую особенность данного процесса – асинхронность воздействия различных групп факторов на трансформацию глобального энергетического порядка. Данный феномен проявляется в неравномерности временных горизонтов влияния геополитических, экономических, экологических, институциональных, ресурсно-технологических и структурных предпосылок, что создает сложную темпоральную динамику становления многополярной модели энергетики.

Геополитические и экономические предпосылки отличаются краткосрочным и среднесрочным горизонтом воздействия, выступая триггерами трансформационных процессов. Сдвиги в балансе сил, консолидация новых центров влияния и курс государств на энергетическую независимость способны в сжатые сроки менять конфигурацию мировой энергетики. Аналогичным образом ценовая волатильность, неравномерность экономического развития и появление новых промышленных центров оперативно отражаются на параметрах глобальной энергетической системы. Геополитические кризисы и экономические шоки могут в течение месяцев или нескольких лет разрушать устоявшиеся модели взаимодействия и перераспределять влияние между ключевыми акторами.

Экологические и институциональные предпосылки, напротив, характеризуются принципиально иным – значительно более протяженным – временным горизонтом. Имплементация международных климатических соглашений, формирование устойчивого запроса на экологизацию энергетики, трансформация системы глобального энергетического управления и становление новых региональных объединений представляют собой долгосрочные процессы, результаты которых проявляются лишь в перспективе десятилетий. Это объясняется инерционностью социальных институтов, необходимостью достижения широкого консенсуса и комплексностью перестройки институциональной архитектуры.

Особое положение занимают ресурсно-технологические и структурные факторы, демонстрирующие полихронный характер воздействия, то есть способность инициировать как немедленные сдвиги, так и отложенные во времени структурные изменения: технологические прорывы, развитие возобновляемой энергетики, цифровизация и трансформация корпоративного ландшафта действуют одновременно на нескольких временных горизонтах. Данные предпосылки обладают кумулятивным эффектом, формируя устойчивый фундамент для многополярной реконфигурации глобального энергетического порядка.

Асинхронность влияния различных предпосылок на реконфигурацию мирового энергетического ландшафта проиллюстрирована на рис. 3.

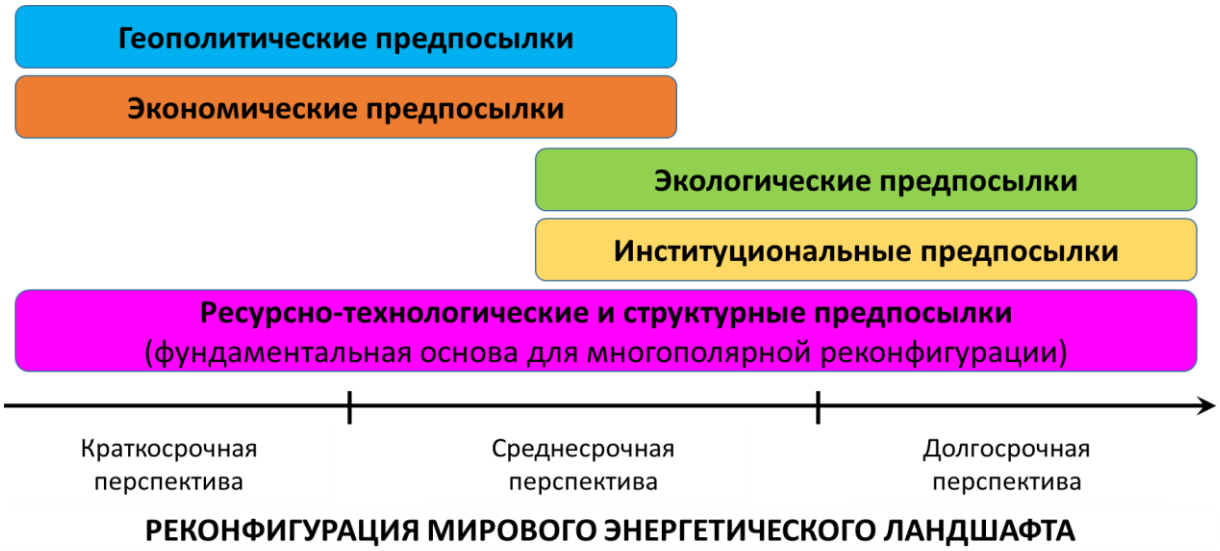

Рисунок 3 – Асинхронность влияния различных предпосылок на реконфигурацию мирового энергетического ландшафта[160]

По результатам анализа предпосылок к становлению многополярности мировой энергетики можно сделать следующие **выводы:**

Во-первых, установлено, что формирование многополярной модели мировой энергетики обусловлено не отдельными факторами, а комплексным

[160] Источник: составлено автором.

взаимодействием шести групп предпосылок: геополитических, экономических, ресурсно-технологических, экологических, институциональных и структурных. Данные группы образуют целостную систему детерминант, в которой геополитические и экономические факторы выступают триггерами трансформации, ресурсно-технологические и структурные – кумулятивными движущими силами, действующими на разных временных горизонтах, а экологические и институциональные определяют долгосрочные траектории перехода к полицентричной конфигурации. Предложенная интегральная модель фиксирует синергетический эффект от пересечения и взаимоусиления различных групп факторов.

Во-вторых, выявлен и обоснован асинхронный характер воздействия выделенных предпосылок. Геополитические и экономические факторы характеризуются относительно краткосрочным и среднесрочным горизонтом воздействия, выступая триггерами трансформационных процессов; экологические и институциональные предпосылки обнаруживают значительно более протяженный временной горизонт, а ресурсно-технологические и структурные факторы демонстрируют полихронный характер. Наложение разновременных факторов обусловливает нелинейность и многовекторность трансформации глобальной энергетической системы, что существенно затрудняет прогнозирование конкретных конфигураций складывающегося порядка.

В-третьих, анализ доктринальных документов и статистических данных позволяет утверждать, что многополярность в энергетической сфере не сводится к стихийному перераспределению рыночных позиций. По своей природе она представляет собой политический проект, последовательно реализуемый ведущими державами через создание параллельных институциональных механизмов – ОПЕК+, энергетической платформы БРИКС, – переформатирование финансовой инфраструктуры расчетов и целенаправленное оспаривание западноцентричных норм регулирования энергетических рынков. Данный вывод опирается на конкретные индикаторы:

кардинальные сдвиги в валютной структуре расчетов за энергоресурсы, смещение центров энергопотребления в пользу АТР, формирование альтернативных ценовых бенчмарков, а также прецеденты использования энергетической инфраструктуры в качестве инструмента геополитического давления.

§3. Международные институты энергетической политики как арена геополитического соперничества

Международное энергетическое регулирование не образует единой системы с четким координационным центром – его архитектура складывается из множества институциональных уровней с разграниченными и нередко конкурирующими полномочиями. В отличие от таких сфер, как международная торговля или валютно-финансовые отношения, где сложились универсальные институты с широкой компетенцией (ВТО, МВФ), в энергетике не сформировалось организации глобального масштаба, обладающей всеобъемлющими регуляторными полномочиями и признанной всеми ключевыми игроками. Данная ситуация объясняется стратегической значимостью энергетического сектора для национальной безопасности и экономического развития, что побуждает государства сохранять суверенитет в принятии ключевых энергетических решений и ограничивать делегирование полномочий наднациональным структурам.

Институциональный ландшафт глобальной энергетики может быть структурирован по функциональному и географическому критериям. По функциональному признаку выделяются организации, регулирующие отдельные сегменты энергетического рынка (ОПЕК и ОПЕК+ в нефтяном секторе, Форум стран-экспортеров газа, Международное агентство по возобновляемым источникам энергии (IRENA)), а также многофункциональные институты, претендующие на комплексное управление энергетической повесткой, прежде всего МЭА. По географическому охвату различаются глобальные институты (МЭА, IRENA) и региональные интеграционные объединения, в рамках которых энергетическая политика является одним из направлений сотрудничества наряду с торговлей, инвестициями и инфраструктурными проектами (ЕС, ЕАЭС, БРИКС, ШОС, АСЕАН). При этом каждый из перечисленных институтов не только выполняет функциональные задачи, но и служит

проводником определенной нормативной модели энергетического порядка. Ключевые центры силы и влияния в современной мировой энергетике систематизированы на рис. 4[161].

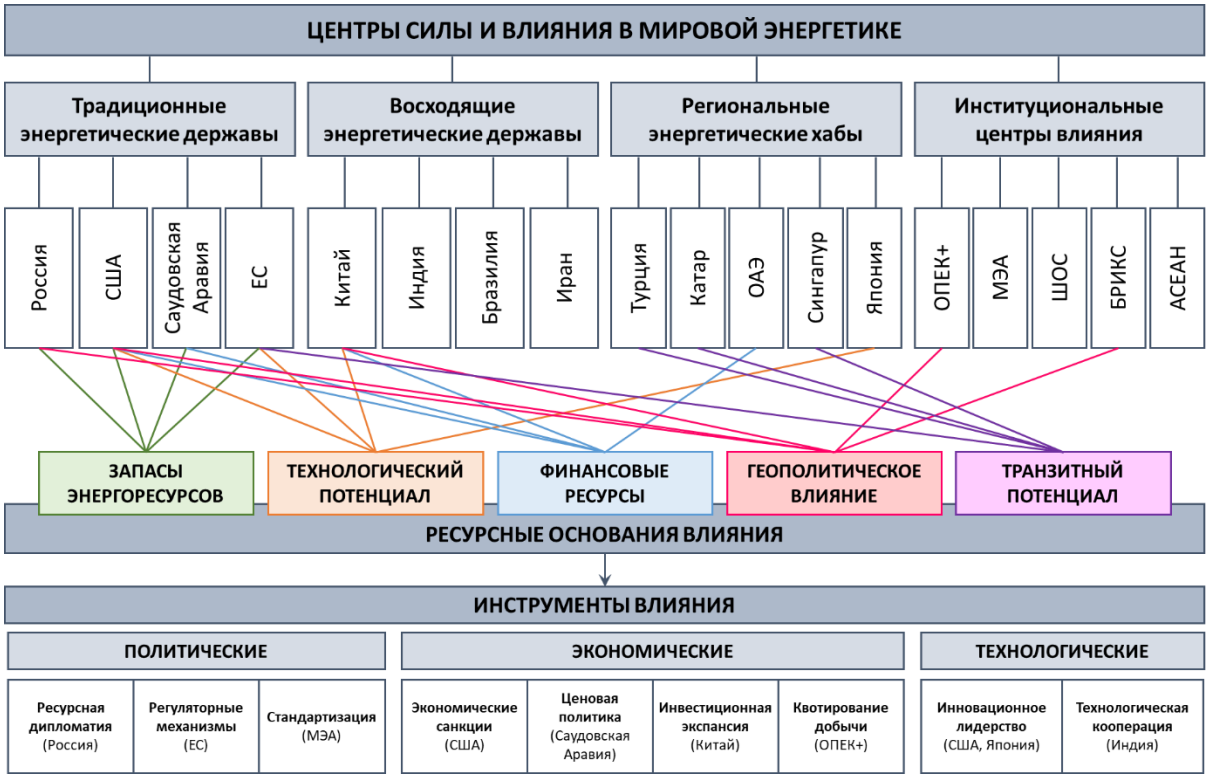

Рисунок 4 – Центры силы и влияния в мировой энергетике[162]

Таким образом, архитектура международного энергетического регулирования представляет собой многоуровневую систему с фрагментированными полномочиями и без единого координационного центра.

Международные организации в энергетической сфере могут быть классифицированы по ряду критериев, отражающих различные аспекты их деятельности, состав участников и функциональные особенности (рис. 5).

[161] Statute of the International Renewable Energy Agency (IRENA) : [done at Bonn, 26 January 2009 ; entered into force 8 July 2010] // IRENA : [site]. – URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/About-IRENA/Statute/IRENA_Statute.pdf (дата обращения: 09.09.2026).
[162] Источник: составлено автором.

Рисунок 5 – Классификация международных организаций в сфере энергетики[163]

Представленная классификация позволяет оценить функциональную специализацию организаций и характер их влияния на различные аспекты энергетической политики.

Одной из первых межправительственных организаций в сфере энергетики стала *Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК),* созданная в 1960 году по инициативе пяти нефтедобывающих государств (Венесуэлы, Ирака, Ирана, Кувейта и Саудовской Аравии) как инструмент коллективного противодействия ценовому диктату западных нефтяных корпораций. Успешное применение «нефтяного оружия» (эмбарго ОАПЕК) в 1973 году обозначило качественный сдвиг в глобальной иерархии: страны-экспортеры впервые продемонстрировали способность использовать энергетический ресурс как инструмент политического давления. После выхода из организации ОАЭ (с 1 мая 2026 г.)[164] в состав ОПЕК входят 11 стран, на которые приходится

[163] Источник: составлено автором.
[164] The United Arab Emirates is quitting OPEC oil cartel after nearly 60 years // NPR. – 2026. – 28 April. – URL: https://www.npr.org/2026/04/28/nx-s1-5802735/uae-leaves-opec-oil (дата обращения: 09.09.2026).

около 30% мировой добычи сырой нефти и свыше 70% ее доказанных запасов, а механизм квотирования добычи остается ключевым инструментом воздействия картеля на мировые рынки[165].

С 1980-х годов влияние ОПЕК начало снижаться в связи с появлением значительных объемов добычи за пределами организации, а в 2010-е годы – и в результате «сланцевой революции» в США. Институциональным ответом стало создание в 2016 году расширенного формата ОПЕК+, включающего помимо стран-членов ОПЕК ряд других крупных нефтедобывающих государств, прежде всего Россию. Соглашение ОПЕК+ превратилось в устойчивый механизм координации политики стран, обеспечивающих совокупно более 40% мировой добычи сырой нефти. Формат ОПЕК+ является одним из наиболее ярких проявлений институциональной дивергенции – формирования альтернативного западным структурам механизма управления рынком, в котором Россия и Саудовская Аравия выступают как ключевые ресурсные державы, координирующие свои стратегии вне рамок МЭА и G7.

Несмотря на успехи в стабилизации рынка, внутри коалиции сохраняются противоречия, обусловленные различиями в представлениях о «справедливой» цене на нефть и неоднородностью подходов к энергетическому переходу. Некоторые участники активно инвестируют в ВИЭ, тогда как другие сохраняют почти полную зависимость от экспорта ископаемого топлива. Данные различия могут обострить конкуренцию за рыночные доли в условиях прогнозируемого снижения глобального спроса на нефть.

Международное энергетическое агентство (МЭА) было создано в 1974 году в ответ на нефтяной кризис как автономная организация в рамках ОЭСР. Изначально МЭА задумывалось как инструмент коллективного противодействия стран-импортеров действиям ОПЕК, однако со временем эволюционировало до многофункционального института глобального

[165] Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC) : [site]. – URL: https://www.opec.org/ (дата обращения: 09.09.2026).

энергетического управления. В настоящее время членами МЭА являются 32 государства, преимущественно развитые страны Запада, что предопределяет его роль как института, отражающего и воспроизводящего западноцентричную модель управления.

Агентство подвергается критике с противоположных позиций: страны-экспортеры, прежде всего члены ОПЕК, воспринимают продвигаемый агентством курс на ускоренную декарбонизацию как инструмент закрепления технологической зависимости развивающихся экономик и ограничения их права на использование собственных ресурсов, тогда как сторонники возобновляемой энергетики указывают на систематическое занижение прогнозов МЭА по темпам развития ВИЭ, подрывающее доверие к агентству как к нейтральному аналитическому центру. Современные исследователи высказывают сомнения в способности МЭА предложить сбалансированную глобальную стратегию энергетического перехода, учитывающую интересы различных государств. Таким образом, МЭА все более воспринимается не как универсальный регулятор, а как инструмент нормативной державности коллективного Запада[166].

Геополитическое противостояние придало новый импульс регионализации энергетической политики: государства все активнее обращаются к механизмам регионального сотрудничества как инструменту обеспечения энергетической безопасности. Наиболее последовательное институциональное воплощение этой логики представляет *Европейский союз*. Отраслевые договоренности середины прошлого столетия заложили основу для многодесятилетней интеграции, завершившейся к 2015 году оформлением Энергетического союза. Его архитектура выстроена вокруг пяти структурных направлений – надежности поставок, единого внутреннего рынка, ресурсной эффективности, декарбонизации и технологического лидерства, – которые

[166] Toke, D. How the IEA is still grossly biased against renewables / D. Toke // WISE International. – 2025. – 26 April. – (Nuclear Monitor ; No. 926). – URL: https://www.wiseinternational.org/how-the-iea-is-still-grossly-biased-against-renewables/ (дата обращения: 09.09.2026).

задали общие координаты для национальных энергетических стратегий государств-членов. Европейский зеленый курс и Европейский закон о климате (2021) закрепили 2050 год в качестве целевого горизонта углеродной нейтральности, а пакет Fit for 55 конкретизировал промежуточную цель – сокращение выбросов не менее чем на 55% к 2030 г. Геополитический кризис 2022 года обнажил структурную уязвимость этой конструкции, продемонстрировав, что климатические обязательства и императивы энергетической безопасности способны вступать в прямое и трудноразрешимое противоречие[167].

Разработанный в ответ план REPowerEU зафиксировал принципиально важный сдвиг в официальной логике: энергетическая зависимость была квалифицирована как политическая уязвимость, а не как рядовой рыночный феномен. Введение механизма трансграничного углеродного регулирования (CBAM) превратило экологические стандарты в инструмент торговой политики, что вызвало острое противодействие со стороны незападных государств. Гетерогенность энергетических миксов государств-членов, инфраструктурные диспропорции и разногласия по вопросам финансирования перехода по-прежнему препятствуют формированию консолидированной позиции ЕС, не отменяя, однако, его роли как нормативной державы в глобальной климатической политике[168].

Евразийский экономический союз строится на принципиально иных основаниях: институциональная логика объединения здесь с самого начала была вписана в более широкий геополитический проект реструктурирования постсоветского пространства. Договор о ЕАЭС предусмотрел формирование общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов, однако установленные сроки

[167] 'Fit for 55': delivering the EU's 2030 Climate Target on the way to climate neutrality : Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions : COM(2021) 550 final. – Brussels, 14.7.2021 // EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021DC0550 (дата обращения: 09.09.2026).

[168] REPowerEU Plan : Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions : COM(2022) 230 final. – Brussels, 18.5.2022 // EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52022DC0230 (дата обращения: 09.09.2026).

выполнены не были. Доминирующее положение России, на которую приходится около 85% совокупного ВВП союза, структурно предопределяет асимметрию переговорных возможностей партнеров. Российско-белорусские газовые конфликты и налоговый маневр 2019–2024 годов, упразднивший неформальное субсидирование белорусской нефтепереработки, наглядно обнажили внутреннюю конфликтность этой модели интеграции. Казахстанский вектор обнаруживает иную модель противоречий: решение российского суда о приостановке работы КТК (июль 2022 г., впоследствии замененное штрафом) было расценено рядом наблюдателей как сигнал использования транзитной инфраструктуры в качестве инструмента политического давления в рамках формально интеграционного объединения. Геополитический кризис 2022 года обнажил структурные пределы ЕАЭС как инструмента российского влияния: партнеры используют институциональные механизмы союза для извлечения конкретных выгод, одновременно сохраняя суверенитет в стратегически значимых решениях[169].

Объединение БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, с 2024 г. – также Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия, с 2025 г. – Индонезия; Саудовская Аравия, получив приглашение, участвует в работе объединения, не оформив членство) представляет особый формат энергетического взаимодействия, объединяющий как крупных экспортеров, так и импортеров энергоресурсов. Энергетическое сотрудничество в рамках БРИКС основано на принципах многосторонней координации без формирования наднациональных структур. Институциональная основа включает регулярные встречи министров энергетики, профильные рабочие группы и Платформу энергетических исследований БРИКС (создана в 2018 г.)[170].

[169] Договор о Евразийском экономическом союзе : [подписан в г. Астане 29 мая 2014 года] : (ред. от 25.05.2023) : (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 09.09.2026).
[170] БРИКС. Председательство России в 2024 году : официальный сайт. – URL: https://brics-russia2024.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

В 2020 году была принята «Дорожная карта энергетического сотрудничества БРИКС до 2025 года», определяющая приоритетные направления взаимодействия. С расширением состава БРИКС в 2024 году роль объединения значительно возросла, учитывая присоединение крупнейших нефтедобывающих государств. На расширенный БРИКС приходится около 30% мировой добычи сырой нефти, а с учетом Саудовской Аравии – свыше 40%. В энергетическом измерении ключевыми инициативами являются создание независимых механизмов расчетов в национальных валютах, формирование альтернативных систем страхования и логистики, а также разработка независимых нефтяных бенчмарков. Однако реализация этих инициатив наталкивается на внутренние противоречия интересов участников, что отражает более широкую проблему институционализации альтернативного контура в условиях конкурентной фрагментации.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), включающая Китай, Россию, Индию, Пакистан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизию, Беларусь и Иран, представляет собой важную платформу для координации энергетической политики в Евразии. В рамках ШОС сформирован Энергетический клуб, целью которого является координация энергетической политики стран-членов и развитие сотрудничества между производителями и потребителями энергоресурсов. В энергетической повестке государств ШОС особое место занимают газотранспортная система «Центральная Азия – Китай» и обсуждаемый проект «Азиатского энергетического кольца» – интегрированной электроэнергетической системы с участием России, Китая, Монголии, а также не входящих в ШОС Японии и Республики Корея[171].

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) объединяет одиннадцать стран региона (Тимор-Лесте – с октября 2025 г.) и играет важную роль в координации региональной энергетической политики. Энергетическое сотрудничество институционально оформлено через Министерские встречи

[171] Шанхайская организация сотрудничества : официальный сайт. – URL: https://rus.sectsco.org/ (дата обращения: 09.09.2026).

по энергетике АСЕАН (AMEM), Центр энергетики АСЕАН (ACE) и профильные рабочие группы. Стратегической основой служит План действий по сотрудничеству в области энергетики АСЕАН (APAEC), направленный на создание интегрированных энергетических сетей (ASEAN Power Grid и Trans-ASEAN Gas Pipeline), повышение энергоэффективности и расширение использования ВИЭ. APAEC на 2021–2025 гг. предусматривал доведение доли ВИЭ до 23% в первичном энергоснабжении и до 35% в установленной мощности к 2025 г.; новый план на 2026–2030 гг. повышает эти ориентиры до 30% и 45% соответственно. Важной особенностью энергетической дипломатии АСЕАН является формат АСЕАН+3 (с участием Китая, Японии и Республики Корея) и Восточноазиатский саммит (EAS), обеспечивающие взаимодействие с внерегиональными партнерами. В отличие от БРИКС, АСЕАН не претендует на формирование глобальной альтернативы западноцентричным институтам, фокусируясь на прагматичной регионализации энергетической политики и диверсификации партнерств.

Сравнительный анализ энергетических инициатив региональных интеграционных объединений позволяет выделить как общие тенденции, так и существенные различия в подходах к энергетической интеграции (табл. 5).

Таблица 5 – Сравнительный анализ энергетических инициатив региональных интеграционных объединений[172]

Параметр	ЕС	ЕАЭС	БРИКС	ШОС	АСЕАН
Уровень институционализации	Высокий	Средний	Низкий	Низкий	Средний
Наличие наднациональных органов	Да	Частично	Нет	Нет	Нет
Единая нормативная база	Да	Формируется	Нет	Нет	Частично
Общий энергетический рынок	Да	Формируется	Нет	Нет	Формируется
Приоритет декарбонизации	Высокий	Низкий	Средний	Низкий	Средний
Интегрированность инфраструктуры	Высокая	Средняя	Низкая	Низкая	Средняя
Внешнеполитическое измерение	Активное	Ограниченное	Активное	Активное	Умеренное

[172] Источник: составлено автором.

Совокупность описанных процессов складывается в устойчивую аналитическую картину, для осмысления которой в современной теории международных отношений используется концепция выбора институциональных площадок (forum shopping), описывающая стратегию государств, которые целенаправленно выбирают площадки в соответствии с ожидаемыми выгодами от различных правовых и политических режимов. Применительно к энергетике стратегия выбора площадок означает, что государства не просто участвуют в существующих институтах, но стратегически конфигурируют саму институциональную среду, создавая одни форумы, блокируя другие и выборочно задействуя третьи в зависимости от конкретных политических задач[173,174].

В энергетическом измерении стратегия выбора институциональных площадок реализуется через две симметричные и взаимообусловленные стратегии – западную и незападную, – совокупное действие которых и порождает наблюдаемую институциональную турбулентность. Западные державы добиваются институционализации санкционных механизмов и нормативных стандартов через подконтрольные им площадки. Наиболее показательны в этом отношении три инструмента: ценовой потолок на российскую нефть, введенный G7 и ЕС с 5 декабря 2022 года[175]; механизм трансграничного углеродного регулирования ЕС (CBAM), окончательный режим которого действует с 1 января 2026 г. (с поэтапным введением платы до 2034 г.)[176]; инициативы по «дружественному офшорингу» (friendshoring) и диверсификации цепочек поставок критического сырья, реализуемые в рамках инициированного США Партнерства по безопасности в сфере полезных

[173] Raustiala, K. The Regime Complex for Plant Genetic Resources / K. Raustiala, D. G. Victor // International Organization. – 2004. – Vol. 58, No. 2. – P. 277–309. – DOI 10.1017/S0020818304582036.
[174] Helfer, L. R. Regime Shifting: The TRIPs Agreement and New Dynamics of International Intellectual Property Lawmaking / L. R. Helfer // Yale Journal of International Law. – 2004. – Vol. 29. – P. 1–83.
[175] Council Regulation (EU) 2022/2367 of 3 December 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. – 2022. – L 311 I. – P. 1–4. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2367/oj/eng (дата обращения: 09.09.2026).
[176] Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 establishing a carbon border adjustment mechanism // Official Journal of the European Union. – 2023. – L 130. – P. 52–104. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/956/oj/eng (дата обращения: 09.09.2026).

ископаемых (Minerals Security Partnership) и Плана действий G7 по критически важным минералам (2025)[177].

Россия после 2022 года проводит зеркальную стратегию с противоположным вектором: свертывание взаимодействия с западноцентричными площадками (Россия прекратила применение Договора к Энергетической хартии еще в 2009 г., формат «восьмерки» с ее участием не функционирует с 2014 г., сотрудничество с МЭА, членом которого Россия не являлась, прекращено в 2022 г.) и перенос акцентов на альтернативные форматы ОПЕК+, ШОС и БРИКС. Речь идет не о хаотичном реагировании на санкционное давление, а об осознанном курсе на формирование параллельной институциональной инфраструктуры, призванной снизить зависимость от западноцентричных режимов. Принципиальное ограничение этой стратегии, однако, коренится в расхождении интересов потенциальных союзников. Китай заинтересован в доступе к дешевым российским ресурсам, но не в создании институциональных рамок, способных стеснить его собственную гибкость в отношениях с западными партнерами. Индия задействует форматы БРИКС и ШОС для укрепления переговорных позиций одновременно в отношении Запада и Китая, последовательно уклоняясь от принятия каких-либо связывающих обязательств. Государства Ближнего Востока, вступившие в расширенный БРИКС, рассматривают членство как инструмент диверсификации партнерств, но никак не как принятие антизападной идеологической ориентации.

Описанная конфигурация указывает на более глубокую трансформацию структуры международного энергетического управления. Фрагментация, которую А. Голдтау и Я. Витт анализируют как архитектурную характеристику глобального энергетического управления, приобрела в 2022–2026 годах новое качество: из «непреднамеренной» системной дисфункции

[177] G7 Critical Minerals Action Plan : [adopted at the G7 Leaders' Summit, Kananaskis, 17 June 2025] // Prime Minister of Canada : [site]. – 2025. – 17 June. – URL: https://www.pm.gc.ca/en/news/statements/2025/06/17/g7-critical-minerals-action-plan (дата обращения: 09.09.2026).

она трансформируется в целенаправленно воспроизводимое и усугубляемое конкурирующими державами состояние, каждая из которых использует институциональную неопределенность как пространство для продвижения собственных норм и стандартов. Введение CBAM критикуется Китаем, Индией и Бразилией как инструмент замаскированного протекционизма, а Россия в 2025 г. инициировала по нему спор в ВТО; формирование так называемого «теневого флота» снижает эффективность механизма ценового потолка; параллельные расчетные системы в юанях и рупиях создают альтернативную инфраструктуру, снижающую эффективность долларовых санкций[178].

В результате нынешняя институциональная турбулентность в энергетическом управлении представляет собой не переходный период перед возникновением нового устойчивого порядка, а устойчивое состояние конкурентного плюрализма, в котором ни один актор не располагает ресурсами для навязывания универсальных правил. Это полностью соответствует логике конкурентной фрагментации, концептуализированной в первой главе настоящего исследования: параллельные институциональные контуры не просто сосуществуют, но активно конкурируют за расширение своего нормативного ареала, а границы между ними остаются проницаемыми, что позволяет государствам проводить многовекторную политику и извлекать выгоды из институциональной конкуренции[179].

Проведенный анализ международных институтов энергетической политики как арены геополитического соперничества позволяет сформулировать ряд **выводов**, существенных для понимания логики реконфигурации мировых энергетических держав.

Во-первых, институциональная архитектура глобального энергетического управления вступила в полосу конкурентной фрагментации.

[178] Global Energy Governance: The New Rules of the Game / ed. by A. Goldthau, J. M. Witte. – Berlin : Global Public Policy Institute ; Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2010. – xi, 372 p. – ISBN 978-0-8157-0343-3.
[179] Keohane, R. O. Power and Interdependence / R. O. Keohane, J. S. Nye. – 4th ed. – Boston : Longman, 2012. – xxxiv, 330 p. – ISBN 978-0-205-08291-9.

В 1990-е – начале 2000-х годов преобладал вектор нормативной конвергенции под эгидой западных институтов – МЭА, ВТО, ОЭСР. В 2010-е – 2020-е годы направление изменилось на противоположное: параллельные институциональные структуры множились, нормативные стандарты расходились, режимные комплексы вступали в конкуренцию между собой. Все это представляет собой эмпирическое воплощение того, что в настоящей работе обозначено как конкурентная фрагментация глобального энергетического пространства.

Во-вторых, компаративный анализ выявил феномен «институциональной дивергенции». Западные институты придерживаются стратегии радикальной декарбонизации; незападные, напротив, демонстрируют прагматизм, сохраняя возможность поддержки проектов традиционной энергетики. За этим расхождением стоит более глубокое противоречие в понимании устойчивого развития: для одних государств климатическая повестка является безусловным приоритетом, для других она подчинена задачам экономического роста и обеспечения доступной энергии.

В-третьих, сравнительный анализ моделей энергетической интеграции показал, что региональные объединения существенно различаются по уровню институционализации, наличию наднациональных органов и месту декарбонизации в иерархии приоритетов. Европейский союз демонстрирует наиболее развитую модель с высокой степенью институционализации и выступает в качестве нормативной державы, продвигающей климатические стандарты за пределы своей юрисдикции. ЕАЭС и АСЕАН находятся в процессе формирования общих энергетических рынков при сохранении преимущественно межправительственного характера координации. БРИКС и ШОС реализуют консультативно-координационный подход без создания обязывающих наднациональных механизмов, фокусируясь на развитии инфраструктурных проектов и согласовании позиций по глобальным энергетическим вопросам.

В-четвертых, Россия представляет собой наиболее показательный случай вынужденного выбора альтернативных институциональных площадок в условиях санкционного давления. Переориентация с западных институтов на ОПЕК+, ШОС и БРИКС одновременно отражает структурные ограничения, наложенные геополитической изоляцией, и попытку их преодоления через строительство альтернативных институциональных коалиций. Практические результаты этой стратегии неоднозначны: России удалось сохранить значительную часть энергетического экспорта через азиатские рынки, однако ценой нарастающей асимметричной зависимости от Китая, воспроизводящей – в иной конфигурации – ту самую структурную уязвимость, от которой Россия стремится освободиться. Таким образом, синтетическая перспектива, рассматривающая международные энергетические институты как пространство одновременно функционального взаимодействия и нормативного соперничества, остается наиболее продуктивной для анализа современной динамики глобального энергетического управления.

Глава III. Углеводородный фактор в геополитическом противостоянии держав: субъекты, инструменты и последствия

§1. Транснациональные энергетические корпорации как субъекты внешней политики государств

Транснациональные энергетические корпорации – это крупные интегрированные компании, осуществляющие деятельность в сфере разведки, добычи, переработки, транспортировки и сбыта энергетических ресурсов (нефти, газа, угля) или производства электроэнергии, которые имеют производственные активы и коммерческие операции в двух и более странах, при этом принятие стратегических решений централизовано в головной компании одной из стран базирования. Данные ТНК контролируют значительную часть мировых запасов углеводородов, технологических решений и транспортной инфраструктуры, что позволяет им не только определять ценовую динамику на энергетических рынках, но и влиять на энергетическую безопасность целых регионов[180].

Деятельность транснациональных энергетических корпораций в современных условиях представляет собой симбиоз коммерческих интересов и геополитических стратегий государств, что требует системного анализа механизмов координации корпоративной политики с национальными приоритетами. Особенности корпоративного управления, государственное участие в капитале и тесные связи с национальными правительствами делают эти компании эффективными проводниками внешнеполитических стратегий своих стран базирования, что особенно ярко проявляется в контексте энергетической дипломатии и использования энергетических ресурсов в качестве инструмента политического давления.

[180] Balmaceda, M. M. Russian Energy Chains: The Remaking of Technopolitics from Siberia to Ukraine to the European Union / M. M. Balmaceda. – New York : Columbia University Press, 2021. – xiv, 421 p. – ISBN 978-0-231-19748-9. – DOI 10.7312/balm19748.

Современная система взаимодействия государств с энергетическими компаниями характеризуется тремя базовыми моделями институционального оформления государственно-частного партнерства в энергетической сфере (табл. 6).

Таблица 6 – Классификация ведущих энергетических компаний по моделям государственного участия[181]

Модель	**Компания**	**Государство**	**Форма контроля**	**Объем активов, млрд USD (2025 г.)**
Национальные корпорации с прямым контролем	Saudi Aramco	Саудовская Аравия	Государственная собственность 81,48%	680,5
	CNPC	Китай	Государственная собственность 100%	658,0
	Газпром	Россия	Государственная собственность 50,23%	407,7
	Роснефть	Россия	Государственная собственность 40,4% (через АО «Роснефтегаз»)	275,6
Корпорации со смешанной формой собственности	Equinor	Норвегия	Государственная собственность 67%	131,7
	Petrobras	Бразилия	Государственная собственность 50,26% голосующих акций	222,3
Частные корпорации с государственной поддержкой	ExxonMobil	США	Частная собственность	449,0
	Shell	Великобритания	Частная собственность	370,4
	TotalEnergies	Франция	Частная собственность	291,1

Итак, первая модель представлена национальными нефтяными компаниями (НОК), функционирующими как государственные корпорации с прямым подчинением правительственным структурам, что обеспечивает максимальную степень координации коммерческих операций с

[181] Источник: составлено автором.

внешнеполитическими приоритетами государства. Вторая модель характеризуется смешанной формой собственности, при которой государство сохраняет контрольный пакет акций или «золотую акцию», позволяющую влиять на стратегические решения компании при сохранении определенной коммерческой автономии. Третья модель предполагает косвенное государственное влияние на деятельность частных энергетических компаний через систему налогового стимулирования, регулятивные механизмы и политическую поддержку международной экспансии. Отнесение «Газпрома» и «Роснефти» к первой модели при формально смешанной структуре капитала обусловлено характером корпоративного управления: контроль над стратегическими решениями обеспечивается государственными представителями в органах управления и директивами Правительства. Анализ представленной типологии свидетельствует о том, что наибольшими активами обладают национальные нефтяные компании Saudi Aramco и CNPC, что обеспечивает соответствующим государствам (крупнейшему экспортеру и крупнейшему импортеру нефти) значительные возможности для использования энергетических ресурсов в качестве инструментов внешней политики.

Так, Saudi Aramco (официальное наименование: Saudi Arabian Oil Company) представляет собой вертикально интегрированную транснациональную нефтегазовую корпорацию, история которой восходит к концессионному соглашению 1933 г. между Королевством Саудовская Аравия и компанией Standard Oil of California, учредившей для его реализации дочернюю California-Arabian Standard Oil Company (с 1944 г. – Arabian American Oil Company). В результате постепенной национализации компания трансформировалась в стратегически значимый государственный актив, контролирующий крупнейшие среди нефтегазовых компаний мира доказанные запасы углеводородов – 247,2 млрд барр. н.э.[182]

[182] Annual Report 2025 / Saudi Aramco. – 2026. – URL: https://www.aramco.com/-/media/publications/corporate-reports/reports-and-presentations/2025/fy/saudi-aramco-ara-2025-english.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

Корпоративная структура компании охватывает весь спектр операций нефтегазовой цепочки создания стоимости, включая геологоразведочные работы и добычу углеводородов на месторождениях Гавар, Сафания и других крупнейших нефтяных провинций, переработку сырья (чистая мощность нефтепереработки с учетом долей в совместных предприятиях – около 4,2 млн барр./сут.), транспортировку посредством развитой сети магистральных трубопроводов, а также международную торговлю энергоносителями через систему долгосрочных контрактных обязательств с ведущими мировыми потребителями. Стратегическое значение ТНК для национальной экономики и мировой энергетической безопасности подтверждается ее инвестициями в технологические инновации, программы устойчивого развития и диверсификацию активов в рамках реализации государственной программы «Видение 2030», направленной на снижение зависимости страны от нефтяных доходов. Механизм использования Saudi Aramco в качестве инструмента энергетической дипломатии представлен на рис. 6.

Рисунок 6 – Saudi Aramco как инструмент энергетической дипломатии[183]

Особенностью деятельности Saudi Aramco является использование принципа «нефтехимической интеграции» для создания долгосрочных связей с потребляющими странами, что включает участие в нефтеперерабатывающих и нефтехимических мощностях Китая (Fujian Refining and Petrochemical, Huajin Aramco Petrochemical, доля в Rongsheng Petrochemical), Республики Корея (S-Oil) и других стратегически важных рынков; внутри страны аналогичную функцию выполняют совместные предприятия с иностранными партнерами, например SATORP (с TotalEnergies) в Джубайле. Данная стратегия позволяет Саудовской Аравии не только диверсифицировать

[183] Источник: составлено автором по данным компании за 2025 год

источники доходов, но и создавать «якорные» активы, повышающие издержки потенциального разрыва энергетических отношений для стран-партнеров. Saudi Aramco занимает в этой системе место ключевого операционного инструмента: саудовское влияние на глобальные энергетические рынки строится на сочетании крупнейших в мире запасов углеводородов и возможности координировать ценовую политику в рамках ОПЕК+, а корпорация выступает непосредственным проводником обеих функций. Вместе с тем компания последовательно расширяет присутствие в нефтехимии и низкоуглеродных технологиях – движение, характерное для ресурсных держав, стремящихся дополнить сырьевые позиции технологическими и нормативными компетенциями.

Иначе выстроена модель китайских государственных корпораций – CNPC и Sinopec. Их деятельность за рубежом органично вписана в логику инициативы «Пояс и путь»: энергетические проекты реализуются в связке с транспортной и промышленной инфраструктурой, превращая корпорации в инструменты не столько коммерческой, сколько геополитической экспансии. CNPC, располагающая активами в 658 млрд USD, в том числе зарубежными – более чем в 30 странах, выполняет функцию ключевого проводника китайской энергетической дипломатии в стратегически приоритетных регионах[184].

Партнерство CNPC с российскими компаниями охватывает долгосрочные поставки нефти «Роснефти», газа «Газпрома» по газопроводу «Сила Сибири», а также доли в проектах НОВАТЭКа «Ямал СПГ» (20%) и «Арктик СПГ 2» (10%). В совокупности эти связи складываются в устойчивую ось энергетического сотрудничества с выраженной стратегической составляющей. Конкурентные преимущества CNPC при реализации крупных международных проектов во многом обеспечиваются государственным финансированием через специализированные институты – China Development Bank, Экспортно-импортный банк Китая и Фонд Шелкового пути. Механизм

[184] Investing.com : [сайт]. – URL: https://ru.investing.com/ (дата обращения: 09.09.2026).

задействования корпорации в рамках инициативы «Пояс и путь» представлен на рис. 7.

Рисунок 7 – CNPC как инструмент китайской инициативы «Пояс и путь»[185]

Таким образом, особенностью китайского подхода является системная интеграция энергетических проектов с развитием транспортной, финансовой и цифровой инфраструктуры, что позволяет CNPC формировать долгосрочные технологические и экономические зависимости в странах-партнерах через стандартизацию оборудования, обучение кадров и создание альтернативных западным механизмов проектного финансирования. Роль CNPC не исчерпывается энергетической дипломатией в традиционном смысле.

[185] Источник: составлено автором по данным компании за 2025 год

Корпорация встроена в более широкий проект формирования многополярного миропорядка: энергетические коридоры «Запад–Восток» и «Север–Юг» выстраиваются как структурная альтернатива западным финансовым и энергетическим институтам, расчеты в юанях постепенно вытесняют долларовые транзакции в двусторонних соглашениях, а сами проекты служат инструментом консолидации незападных держав вокруг китайской повестки.

Принципиально иначе организовано взаимодействие государства и бизнеса в американской модели. ExxonMobil, управляющая активами на 449 млрд USD (2025 г.) и ведущая деятельность во многих регионах мира, формально остается частной корпорацией, однако ее международная экспансия системно поддерживается государственными механизмами. Дипломатическое сопровождение крупных зарубежных проектов, экспортные гарантии Экспортно-импортного банка и экстерриториальное применение санкционного законодательства образуют единый инструментарий, позволяющий продвигать интересы американских энергетических компаний в стратегически приоритетных регионах и одновременно ограничивать там позиции конкурентов[186].

Ключевые аспекты деятельности ExxonMobil в качестве инструмента внешней политики США систематизированы на рис. 8.

[186] Investing.com : [сайт]. – URL: https://ru.investing.com/ (дата обращения: 09.09.2026).

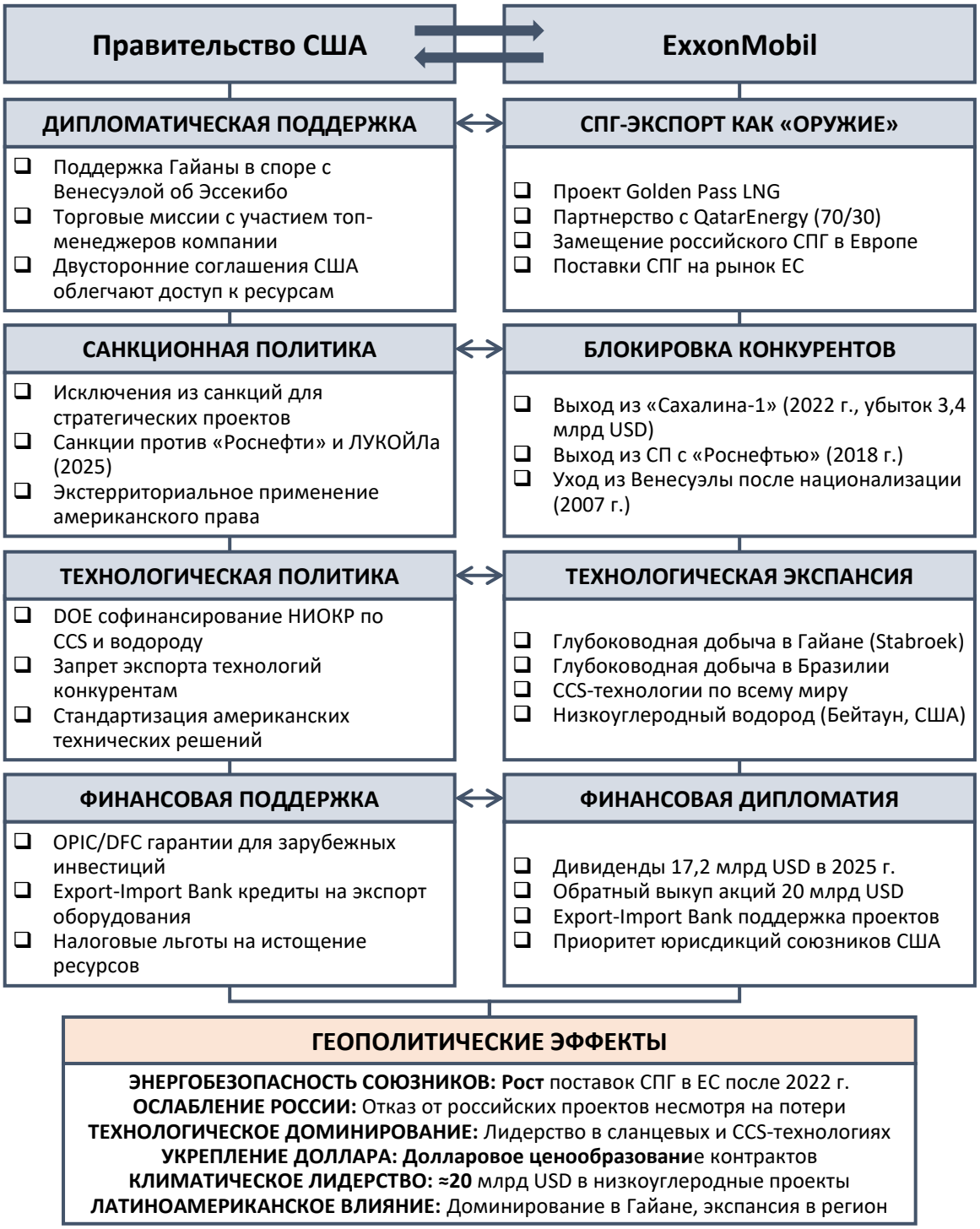

Рисунок 8 – Деятельность ExxonMobil в качестве инструмента внешней политики США[187]

Таким образом, частные коммерческие интересы компании ExxonMobil органично сочетаются с геополитическими задачами США по обеспечению энергетической безопасности союзников, ослаблению позиций России на

[187] Источник: составлено автором по данным компании за 2025 год

европейском энергетическом рынке и укреплению американского доминирования в области сланцевой добычи и CCS-технологий.

Британская корпорация Shell, обладающая наиболее дорогим брендом среди нефтегазовых компаний (50,3 млрд USD в 2025 г.)[188], демонстрирует иную модель: ее стратегия встроена в европейскую политику энергетической безопасности и климатического регулирования, хотя с 2023 г. компания заметно сократила долю низкоуглеродных инвестиций в пользу газового и СПГ-бизнеса (рис. 9).

Рисунок 9 – Механизм использования Shell в европейской энергетической стратегии[189]

Таким образом, Shell сочетает расширение газового и СПГ-бизнеса, востребованного политикой замещения российских энергоносителей в Европе, с сохранением – хотя и в сокращенном масштабе – низкоуглеродных направлений: возобновляемой генерации, водорода, CCS и зарядной инфраструктуры. Такая конфигурация вписывается в европейский курс

[188] Statista : [site]. – URL: https://www.statista.com/ (дата обращения: 09.09.2026).
[189] Источник: составлено автором по данным компании за 2025 год

одновременно на энергетическую безопасность и на углеродную нейтральность к 2050 г., а технологические компетенции компании служат каналом распространения европейских стандартов в странах-партнерах.

Французская ТНК TotalEnergies прошла путь от традиционной нефтяной компании к интегрированному энергетическому холдингу, масштабно развернув проекты в солнечной и ветровой генерации в Африке, на Ближнем Востоке и в Азии. Для Франции эта экспансия несет отчетливое геополитическое измерение: энергетические проекты в бывших колониях служат инструментом поддержания и расширения французского влияния в развивающихся странах (рис. 10).

Рисунок 10 – Механизм использования TotalEnergies во французской энергетической дипломатии[190]

[190] Источник: составлено автором по данным компании за 2025 год

Норвежская компания Equinor представляет собой уникальную модель «социально ответственного» использования энергетических ресурсов в качестве инструмента государственной дипломатии (рис. 11).

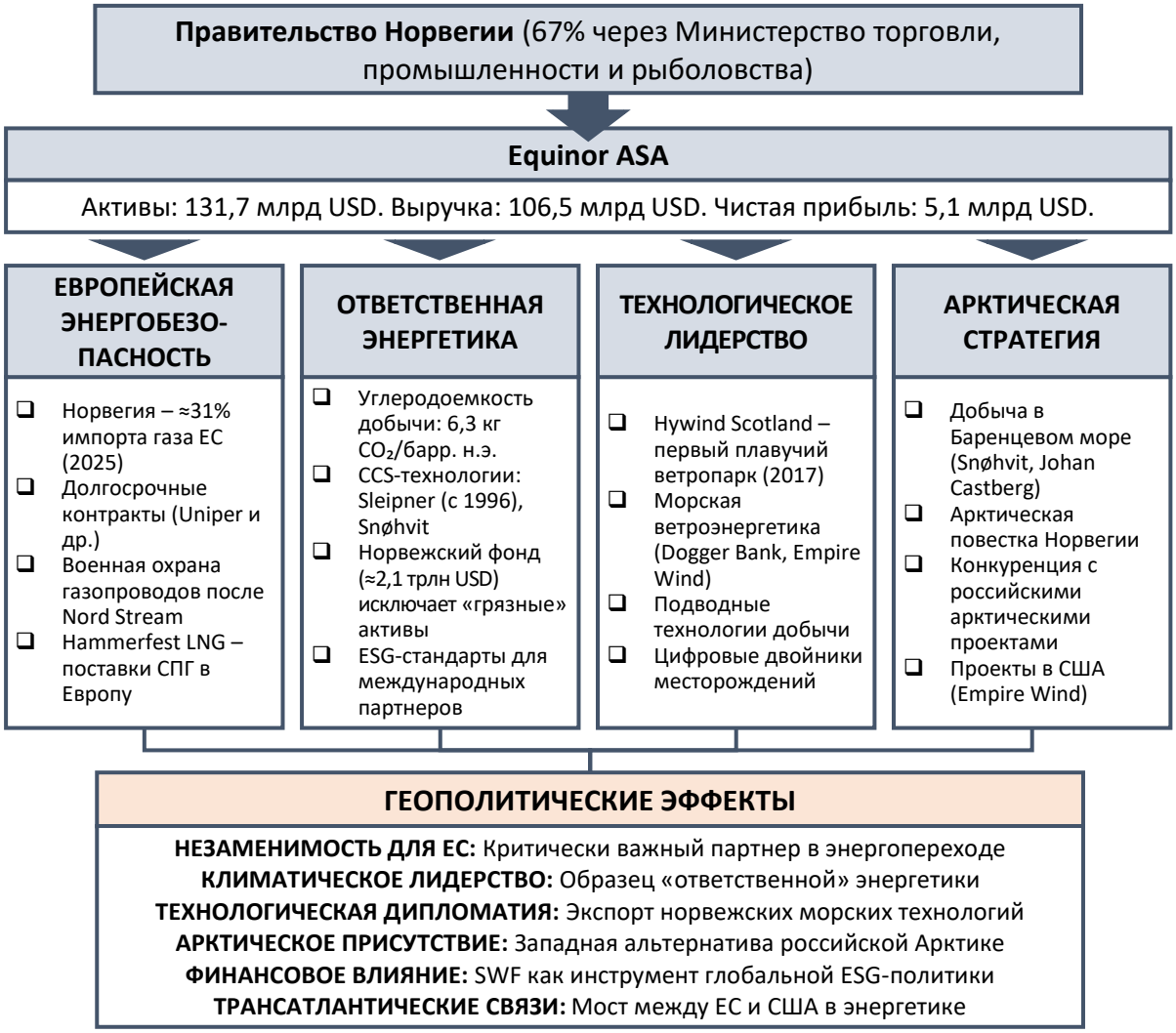

Рисунок 11 – Equinor как инструмент норвежской энергетической дипломатии[191]

Таким образом, норвежское правительство, контролирующее 67% акций Equinor, превратило энергетическую корпорацию в проводника «мягкой силы» через продвижение ESG-стандартов и технологий устойчивого развития на международном уровне. Технологическое лидерство компании в области офшорной добычи углеводородов и морской ветроэнергетики позволяет Норвегии использовать ее как инструмент «технологической

[191] Источник: составлено автором по данным компании за 2025 год

дипломатии», экспортируя норвежские инженерные решения и создавая технологические зависимости в стратегически важных регионах от Северного моря до американского континентального шельфа. Арктические компетенции Equinor, включая опыт эксплуатации месторождений в Баренцевом море (Snøhvit, Johan Castberg), делают компанию одним из ключевых западных операторов, чьи проекты составляют альтернативу российским арктическим разработкам. Парадоксальность норвежской стратегии заключается в том, что Equinor одновременно наращивает добычу углеводородов для поддержания геополитического влияния и инвестирует в низкоуглеродные технологии (CCS, морская ветроэнергетика), создавая модель «ответственной» энергетической дипломатии, которая позволяет Норвегии сохранять лидирующие позиции в условиях глобального энергетического перехода[192].

Российские государственные энергетические корпорации «Газпром» и «Роснефть» представляют собой уникальный случай адаптации национальных энергетических компаний к условиям беспрецедентного санкционного давления и геополитической изоляции, что потребовало кардинальной трансформации традиционных бизнес-моделей и разработки инновационных механизмов международного сотрудничества. Так, инвестиционная программа ПАО «Газпром» на 2025 год предусматривает средства для финансирования приоритетных проектов, в том числе: дальнейшее развитие центров газодобычи на Востоке России и полуострове Ямал, газификация российских регионов, расширение мощностей магистрального газопровода «Сила Сибири», газоперерабатывающего комплекса «Газпрома», а также проект «Система магистральных газопроводов „Восточная система газоснабжения“» и проекты, обеспечивающие пиковый баланс газа. Развитие восточных газодобывающих активов и расширение транспортной инфраструктуры в направлении азиатских рынков позволяет корпорации

[192] Сайфуллин, М. Р. Норвежская модель управления нефтегазовым комплексом: институциональный дизайн, распределение ренты и стратегическое развитие / М. Р. Сайфуллин, Р. А. Сабитов // Вестник науки. – 2025. – Т. 5, № 6 (87), ч. 2. – С. 227–232.

диверсифицировать экспортные потоки и снизить зависимость от традиционных европейских поставок, создавая альтернативные каналы монетизации газовых ресурсов. Механизм адаптации ПАО «Газпром» к санкционному давлению представлен на рис. 12[193].

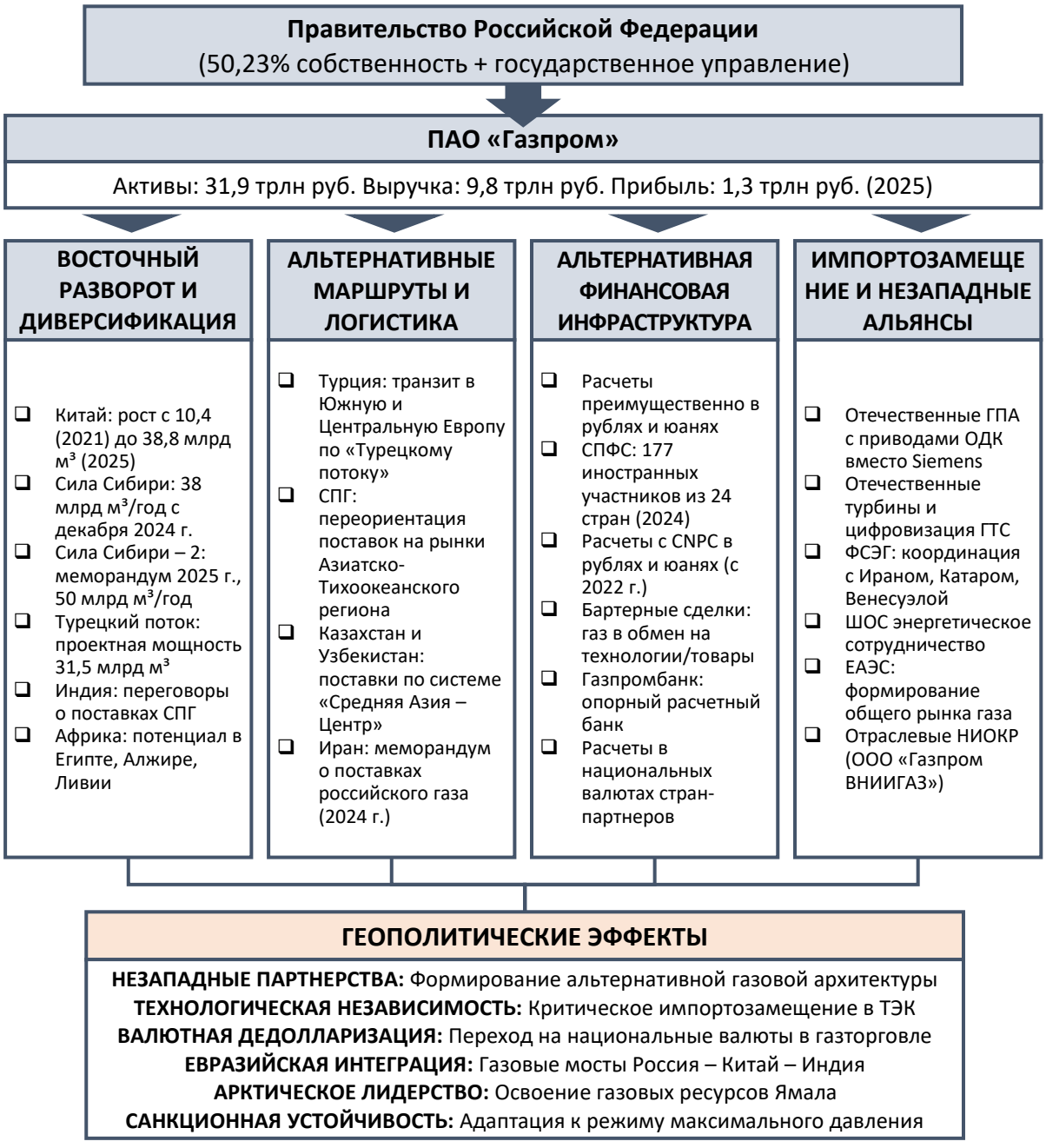

Рисунок 12 – ПАО «Газпром» как инструмент российской энергетической дипломатии в условиях санкций[194]

[193] ПАО «Газпром» : [сайт]. – URL: https://www.gazprom.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).
[194] Источник: составлено автором по данным компании за 2025 год

Анализ стратегической трансформации ПАО «Газпром» в условиях западных санкций позволяет выделить комплексную адаптационную модель, основанную на четырех ключевых векторах институциональной перестройки, результаты которой, однако, остаются ограниченными: восточное направление пока не компенсирует утрату европейского рынка. Переориентация «Газпрома» на китайский рынок и задействование мощностей Турецкого потока означают не конъюнктурную корректировку, а смену базового вектора российской газовой дипломатии – с трансатлантического на евразийский: в 2025 г. поставки в Китай по «Силе Сибири» достигли 38,8 млрд м³ и впервые превысили поставки «Газпрома» в западном направлении[195]. Финансовые результаты отражают противоречивость этого сдвига: по МСФО группа завершила 2023 г. с убытком около 629 млрд руб., а в 2025 г. получила прибыль, относящуюся к акционерам, в размере 1,31 трлн руб.; при этом головная компания по РСБУ после убытка 1,08 трлн руб. в 2024 г. вышла в 2025 г. лишь на символическую прибыль около 11,3 млрд руб. Параллельно выстраивается альтернативная расчетная архитектура: основная часть экспортных расчетов переведена в рубли и юани, а платежная инфраструктура интегрируется в незападные системы. Работа по технологическому импортозамещению в газотранспортном секторе – разработка отечественных компрессорных станций, цифровизация ГТС – закладывает основу санкционной устойчивости, без которой долгосрочное участие России в формировании многополярной газовой архитектуры было бы невозможным[196].

«Роснефть» занимает в российской энергетической системе положение, не сводимое к коммерческой функции. Крупнейшая нефтяная корпорация страны – активы около 21,6 трлн руб., добыча углеводородов 5,02 млн барр. н.э. в сутки (2025 г.) – находится под государственным контролем

[195] «Газпром» в 2025 году поставил в Китай газа впервые больше, чем в западном направлении // Интерфакс. – 2026. – 12 января. – URL: https://www.interfax.ru/business/1067252 (дата обращения: 09.09.2026).
[196] ПАО «Газпром» : [сайт]. – URL: https://www.gazprom.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

(крупнейший акционер – АО «Роснефтегаз», 40,4%) и встроена в механизм правительственного директивного воздействия. Это определяет двойственность ее природы: действуя как рыночный субъект, компания одновременно выполняет задачи геополитического характера – обеспечение энергетической безопасности страны и проекция российского влияния на глобальные углеводородные рынки через инвестиционную политику и международное сотрудничество (рис. 13)[197].

[197] ПАО «НК «Роснефть» : [сайт]. – URL: https://www.rosneft.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

Рисунок 13 – Деятельность ПАО «НК “Роснефть”» в условиях международных санкций[198]

Таким образом, под давлением неоднократно усиливавшихся западных ограничений «Роснефть» прошла через глубокую внутреннюю перестройку. Компания, ранее глубоко интегрированная в западные рынки, стала одним из

[198] Источник: составлено автором по данным компании за 2025 год

центральных звеньев новой энергетической архитектуры, ориентированной на страны Глобального Юга и евразийское пространство. Данная перестройка требует детального анализа как с точки зрения применяемых механизмов, так и с точки зрения их реальной эффективности. Адаптационная модель корпорации отличается многоуровневым характером и высокой операционной гибкостью. Центральным ее элементом стало выстраивание альтернативной танкерной логистики и страховой инфраструктуры вне западных юрисдикций в сочетании с переориентацией поставок на рынки Азии, что позволило снизить чувствительность компании к механизму ценового потолка и сохранить большую часть экспортной выручки[199].

Географическая диверсификация поставок в направлении Китая и Индии оформила контуры евразийской нефтяной оси как структурной альтернативы западноцентричному рынку. Одновременно компания провела последовательную дедолларизацию расчетов, перейдя на рублевые и юаневые транзакции и задействовав бартерные механизмы. Тем самым был создан прецедент альтернативной валютной логики в глобальной нефтяной торговле – со значимыми последствиями для позиций доллара и с очевидным потенциалом для консолидации незападных производителей в рамках расширенного формата ОПЕК+.

Таким образом, отличительной чертой российской адаптационной стратегии служит целенаправленное использование энергетических проектов в качестве инструмента формирования альтернативных международных институтов – через углубление взаимодействия в рамках БРИКС и ЕАЭС, а также через создание новых механизмов финансирования с опорой на национальные банки развития государств-партнеров. В условиях системного противостояния с Западом российские энергетические ТНК в значительной мере утратили черты автономных рыночных игроков и все отчетливее

[199] Raghunandan, V. Flags of inconvenience: 113 vessels flying a false flag transported EUR 4.7 bn Russian oil in first three quarters of 2025 / V. Raghunandan, L. Wickenden // Centre for Research on Energy and Clean Air (CREA). – 2025. – 27 November. – URL: https://energyandcleanair.org/publication/flags-of-inconvenience-113-vessels-flying-a-false-flag-transported-eur-4-7-bn-russian-oil-in-first-three-quarters-of-2025/ (дата обращения: 09.09.2026).

выступают инструментами внешней политики государства. Их адаптационные стратегии – логистические, финансовые, институциональные – реализуются не вопреки санкционному давлению, а во многом благодаря ему, поскольку именно внешнее принуждение ускорило переориентацию на незападные рынки и форсировало выстраивание альтернативных архитектур энергетического сотрудничества. Тем самым санкции, задуманные как инструмент изоляции, парадоксальным образом стимулировали консолидацию новых геополитических альянсов, ядром которых выступает энергетическое взаимодействие России со странами Глобального Юга и евразийского пространства[200].

Проведенный анализ деятельности ведущих энергетических компаний в качестве инструмента внешней политики государств позволяет сформулировать ряд принципиальных **выводов** о современной трансформации энергетической дипломатии в условиях геополитической турбулентности:

Во-первых, наблюдается институциональная эволюция взаимодействия государств с энергетическими корпорациями, характеризующаяся усилением координации коммерческих стратегий с геополитическими приоритетами независимо от формы собственности компаний. Даже частные корпорации западных стран (ExxonMobil, Shell, TotalEnergies) интегрированы в системы внешнеполитического планирования, получают государственную поддержку при реализации стратегически важных проектов и выполняют функции проводников национальных интересов на международных рынках. Это свидетельствует о том, что в условиях геополитического противостояния грань между коммерческой деятельностью и внешнеполитическим инструментарием становится все более условной.

[200] Balmaceda, M. M. Russian Energy Chains: The Remaking of Technopolitics from Siberia to Ukraine to the European Union / M. M. Balmaceda. – New York : Columbia University Press, 2021. – xiv, 421 p. – ISBN 978-0-231-19748-9. – DOI 10.7312/balm19748.

Во-вторых, эмпирический материал подтверждает релевантность разработанной в теоретической части типологии энергетических держав по доминирующему источнику структурного влияния. Саудовская Аравия (через Saudi Aramco) и Россия (через «Газпром» и «Роснефть») реализуют модель ресурсной державы, чье влияние на глобальную энергетическую систему основано на контроле над запасами и добычей углеводородов, а также на способности координировать ценовую политику в рамках ОПЕК+. Китай (через CNPC и Sinopec) выступает как технологическая держава, проецирующая влияние через контроль над цепочками поставок оборудования, системную интеграцию энергетических проектов с транспортно-финансовой инфраструктурой и формирование долгосрочных технологических зависимостей в странах-партнерах. США (через ExxonMobil) сочетают технологическую и нормативную составляющие влияния, опираясь, в частности, на экстерриториальное применение санкционного права. Норвегия (через Equinor) и европейские государства (через Shell, TotalEnergies) все более приобретают черты нормативных держав, продвигающих ESG-стандарты и климатическую повестку в качестве инструментов глобального влияния и создания конкурентных преимуществ для своих корпораций.

В-третьих, происходит качественная диверсификация инструментов энергетической дипломатии, выходящая далеко за рамки традиционных механизмов ценового воздействия и контроля над физическими поставками энергоресурсов. Современный арсенал включает технологический трансфер и патентную политику, цифровую трансформацию энергетической инфраструктуры, продвижение экологических и климатических стандартов (CBAM, ESG-таксономии), а также формирование альтернативных финансовых механизмов и платежных систем. Это полностью соответствует логике конкурентной фрагментации, в рамках которой соперничество держав разворачивается одновременно в нескольких измерениях – институциональном, технологическом, нормативном и валютно-финансовом.

В-четвертых, фиксируется фрагментация некогда единого мирового энергетического рынка на конкурирующие региональные блоки со специфическими правилами функционирования, ценовыми механизмами и технологическими стандартами. Санкционное давление и геополитическая поляризация стимулируют формирование альтернативных энергетических альянсов между незападными странами и создание параллельных систем сотрудничества и торговли. Китайская CNPC выстраивает энергетические коридоры в рамках инициативы «Пояс и путь», российские «Газпром» и «Роснефть» переориентируют экспортные потоки на азиатские рынки, а западные мейджоры консолидируются вокруг трансатлантического партнерства и климатической повестки ЕС.

В-пятых, западные санкционные ограничения побудили российский энергетический сектор выработать нетипичную адаптационную модель. Ее составляющие – альтернативные логистические маршруты, расчеты в незападных валютах, замещение импортных технологий отечественными разработками – складываются в целостную стратегию, дополняемую наращиванием партнерств со странами Азии и Глобального Юга. Совокупным результатом этих процессов становится формирование обособленного евразийского энергетического пространства – одного из наиболее наглядных проявлений нарастающей фрагментации международной энергетической архитектуры.

В-шестых, технологические компетенции превращаются в самостоятельное измерение конкурентоспособности – одновременно корпоративной и государственной. Владение ключевыми технологиями – глубоководного бурения, сланцевой добычи, производства оборудования для возобновляемой энергетики, систем улавливания углерода – открывает возможность формировать долгосрочные зависимости у партнеров и выстраивать стратегические альянсы на технологической основе, что превращает контроль над этими компетенциями в один из приоритетов энергетической дипломатии.

§2. «Зеленая» повестка как политический конструкт: декларируемые цели и реальные интересы

Современная концепция «зеленой» энергетической повестки, являясь производной от широкого понятийного аппарата устойчивого развития, представляет собой комплексную систему целевых установок, направленных на декарбонизацию энергетических секторов национальных экономик через масштабное внедрение возобновляемых источников энергии (ВИЭ), повышение энергетической эффективности и поэтапный отказ от углеродоемких технологий производства электроэнергии. В основе данной концептуальной парадигмы лежит научно обоснованное признание антропогенного фактора глобального потепления и необходимости трансформации энергетической модели современного мира в направлении минимизации углеродного следа, сохранения биосферного баланса и обеспечения долгосрочной экологической безопасности планеты. Международные рамочные документы и инициативы в области «зеленой» энергетики систематизированы на рис. 14.

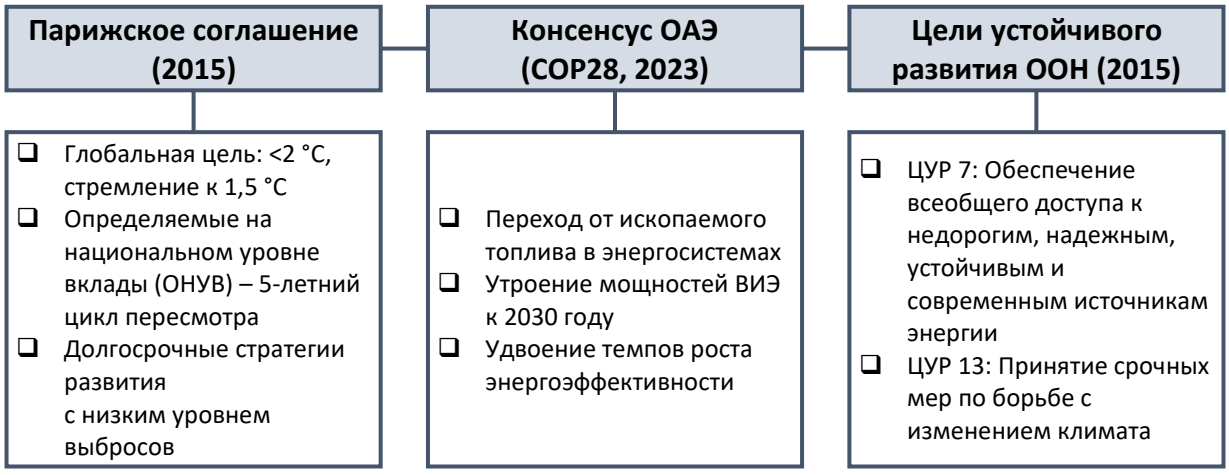

Рисунок 14 – Международные рамочные документы в сфере «зеленой» энергетики[201]

Ключевым этапом трансформации климатических обязательств в действенные инструменты политики является их законодательное

[201] Источник: составлено автором.

закрепление на национальном уровне. 138 из 198 государств заявили о целях достижения углеродной нейтральности, однако не все из них придали этим обязательствам юридически обязывающий характер (табл. 7).

Таблица 7 – Классификация национальных обязательств по обеспечению углеродной нейтральности (по данным на 2026 год)[202]

Статус обязательства	Количество стран	Доля, %	Примеры
Цель достигнута (самодекла-рирование)	4	2,0%	Суринам, Габон, Бутан и др.
Закреплено в законе	38 (53*, если учитывать все члены ЕС в соответствии с Европейским законом о климате)	19,2%	Финляндия (до 2035 года), Австрия, Исландия (до 2040 года), Швеция, Германия (до 2045 года), Швейцария, Канада, Австралия, Япония и др. (до 2050 года), Россия, Украина, Казахстан, Нигерия (до 2060 года)
Закреплено в политическом документе	61	30,8%	Бангладеш, Доминика, Уганда, Мавритания (до 2030 года), Барбадос, Вануату (до 2035 года), Антигуа и Барбуда (до 2040 года), Непал (до 2045 года), Аргентина, Кипр, ОАЭ, Бразилия, Мексика, ЮАР и др. (до 2050 года), Турция (до 2053 года), Китай (до 2060 года), Таиланд (до 2065 года), Индия (до 2070 года)
Отражено в декларации / обещании	16	8,1%	Микронезия (до 2025 года), Узбекистан, Ямайка, Монголия и др. (до 2050 года), Индонезия, Бахрейн, Саудовская Аравия (до 2060 года)
Предложено / Обсуждается	19	9,6%	Мали, Йемен (до 2030 года), Нигер, Мьянма, Того и др. (до 2050 года)
Цель достижения углеродной нейтральности не ставится	60	30,3%	США (указ о выходе из Парижского соглашения от 20.01.2025, выход вступил в силу 27.01.2026), Норвегия (цель иная – сокращение выбросов на 90–95% к 2050 году), Сербия, Беларусь, Марокко, Алжир, Египет, Иран, Ирак, Афганистан, Ангола, Камерун, Южный Судан и другие.
Итого	**198**	**100,0%**	

Таким образом, почти в половине государств (48%) цель углеродной нейтральности либо отсутствует, либо остается на уровне деклараций и обсуждений без формального статуса, что затрудняет ее юридическое обеспечение и практическую реализацию. Временные горизонты достижения

[202] Источник: составлено автором по данным Net Zero Tracker (zerotracker.net) и сводной таблицы ECIU Net Zero Scorecard 2026. По классификации Net Zero Tracker к категории «закреплено в законе» относятся и цели, утвержденные актами правительства; так, цель России установлена Стратегией социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года (распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р).

углеродной нейтральности также демонстрируют значительную дифференциацию. Подавляющее большинство государств, заявивших такие цели (около 90%, по подсчету автора на основе данных Net Zero Tracker), ориентируются на 2050 г. или более ранние сроки, что соответствует траекториям, рассмотренным в Специальном докладе МГЭИК о глобальном потеплении на 1,5 °C. Ряд европейских государств установили более амбициозные сроки: Финляндия – 2035 г., Австрия и Исландия – 2040 г., Швеция и Германия – 2045 г. Напротив, Китай – крупнейший эмитент парниковых газов – декларирует достижение пиковых выбросов до 2030 года и углеродной нейтральности к 2060 году, что создает асимметрию в глобальных усилиях по декарбонизации.

В контексте глобального энергетического перехода ключевым инструментом анализа траекторий развития мировой энергетики выступают сценарные прогнозы, публикуемые в ежегодном отчете World Energy Outlook Международного энергетического агентства (МЭА). Ключевым структурным трендом, зафиксированным в отчетах последних лет, становится вхождение мира в «эру электричества» (Age of Electricity), где спрос на электроэнергию растет значительно быстрее общего энергопотребления во всех сценариях, при этом глобальные инвестиции в дата-центры, достигающие в 2025 году 580 млрд USD, превышают инвестиции в мировую нефтедобычу (540 млрд USD), что свидетельствует о фундаментальном изменении природы современной экономики и энергетических приоритетов. В World Energy Outlook 2025 рассматриваются три основных сценария (а также сценарий всеобщего доступа к энергии ACCESS)[203]:

- сценарий текущих политик (Current Policies Scenario, CPS), который рассматривает уже действующие нормативные акты и предлагает консервативную перспективу скорости внедрения новых энергетических технологий;

[203] World Energy Outlook 2025 / International Energy Agency. – Paris : IEA, 2025. – URL: https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2025 (дата обращения: 09.09.2026).

– сценарий заявленных политик (Stated Policies Scenario, STEPS), учитывающий более широкий спектр политических мер, включая формально предложенные, но еще не принятые инициативы;
– нормативный сценарий нулевых нетто-выбросов к 2050 году (Net Zero Emissions by 2050 Scenario, NZE).

Сравнительный анализ сценариев развития мировой энергетики представлен в табл. 8.

Таблица 8 – Сравнительный анализ сценариев развития мировой энергетической политики (World Energy Outlook 2025)[204]

Критерий сравнения	CPS (Current Policies Scenario)	STEPS (Stated Policies Scenario)	NZE (Net Zero Emissions by 2050)
Определяющая предпосылка	Реализация только принятых и введенных в действие политик и мер	Реализация принятых и официально объявленных политик и целей, даже если меры для их полной реализации еще не разработаны	Достижение строгой цели – нулевых выбросов CO_2 к 2050 году, что предполагает ограничение потепления 1,5 °C (с временным превышением)
Аналитическая роль	Базовый (инерционный) сценарий, демонстрирующий «разрыв амбиций» при отсутствии новых инициатив	Базовый (референтный) сценарий, отражающий наиболее вероятный путь развития на основе текущих правительственных планов	Нормативный целевой сценарий, определяющий необходимые технологические и политические трансформации
Ориентация во времени	Ретроспективно-инерционная (экстраполяция сложившегося статуса)	Проспективно-прогнозная (экстраполяция заявленных намерений)	Нормативно-целевая (обратное проектирование от заданного результата)
Климатический результат (к 2100 г.)	Значительное превышение целей Парижского соглашения (≈2,9 °C)	Превышение целей Парижского соглашения (≈2,5 °C)	Пик ≈1,65 °C около 2050 г., снижение ниже 1,5 °C к 2100 г.
Глобальный спрос на энергию	Рост на ≈15% к 2035 г. (+90 ЭДж)	Рост на ≈8% к 2035 г.	Снижение за счет энергоэффективности и электрификации
Доля электроэнергии в конечном потреблении (21% в 2024 г.)	≈25% к 2035 г.	≈25% к 2035 г.	Опережающий рост (ускоренная электрификация)
Возобновляемые источники энергии	Медленный рост; сохранение доминирования ископаемого топлива	Более 50% выработки электроэнергии к 2035 г., ≈2/3 к 2050 г.; 31% первичного энергопотребления в 2050 г. (13% в 2024 г.)	Основа энергосистемы к 2050 г.
Потребление ископаемого топлива	Снижение спроса на уголь; рост спроса на нефть (до 113 млн	Пик спроса на уголь до 2030 г., на нефть – около 2030 г. (≈102 млн	Радикальное сокращение потребления всех видов

[204] Источник: составлено автором на основе IEA World Energy Outlook 2025.

	барр./сут.) и газ (до 5,6 трлн м³) к 2050 г. без выраженного пика	барр./сут.); выход спроса на газ на плато в середине 2030-х гг.	ископаемого топлива к 2050 г.
Инвестиции в энергетику (3,3 трлн USD в 2025 г.)	Сохранение значительных вложений в нефть и газ	Рост вложений в электросети и ВИЭ	≈4,8 трлн USD в год в ближайшее десятилетие
Основные риски энергобезопасности	Традиционные риски поставок нефти и газа; географическая концентрация переработки критических минералов; метановые утечки	Уязвимость цепочек поставок критических минералов; риски экстремальных погодных явлений для инфраструктуры; растущая сложность электросистем	Высокая зависимость от критических минералов и новых технологий

Разрыв между представленными сценариями наглядно демонстрирует политическую цену бездействия: при сохранении текущей политики (CPS) спрос на нефть и газ растет вплоть до 2050 г., а потепление достигает почти 3 °C; даже в сценарии заявленных политик ВИЭ к 2050 г. обеспечат около двух третей выработки электроэнергии, но лишь 31% первичного энергопотребления. Ключевым структурным трендом остается вхождение мировой экономики в «эру электричества», где спрос на электроэнергию опережает общее энергопотребление во всех сценариях (рис. 15).

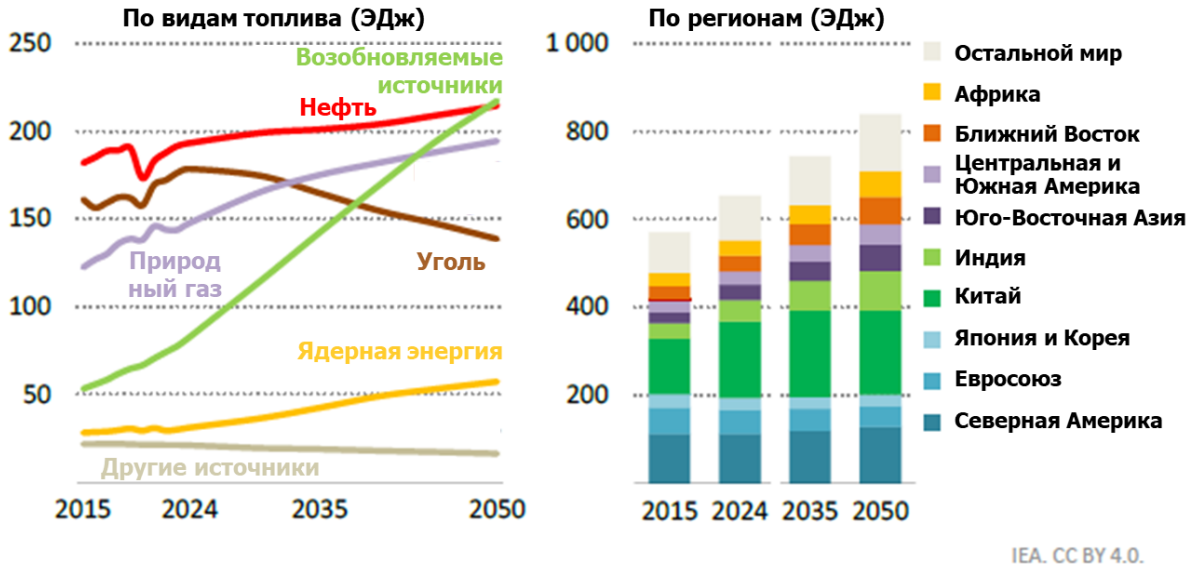

Рисунок 15 – Общий спрос на энергию по видам топлива и по регионам с прогнозом до 2050 года[205]

[205] World Energy Outlook 2025 / International Energy Agency. – Paris : IEA, 2025. – URL: https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2025 (дата обращения: 09.09.2026).

Анализ прогнозных данных позволяет зафиксировать несколько взаимосвязанных структурных сдвигов в глобальном энергетическом балансе. Прежде всего, возобновляемые источники энергии демонстрируют траекторию опережающего роста: в сценарии заявленных политик их доля в первичном энергопотреблении возрастает с 13% в 2024 г. до 31% в 2050 г., что превращает ВИЭ в системообразующий элемент энергетического микса к середине столетия. Динамика традиционных энергоносителей при этом носит разнонаправленный характер: спрос на нефть достигает пика около 2030 г. с последующим выходом на плато; угольная отрасль вступает в фазу структурного сокращения после пика спроса до 2030 г.; природный газ занимает промежуточное положение, выходя на плато в середине 2030-х гг. и выполняя функцию буферного энергоносителя на переходном этапе.

Принципиальным внутренним противоречием энергетической политики большинства государств остается одновременное продвижение декарбонизационных программ и воспроизводство разветвленной системы государственных субсидий для производителей и потребителей ископаемого топлива (табл. 9). Сопоставление приводится по последним доступным оценкам МВФ (за 2024 г.) и IRENA (за 2017 г.), что ограничивает строгость сравнения, но не меняет порядка величин[206],[207].

Таблица 9 – Сравнительный анализ государственной поддержки ископаемого топлива и ВИЭ[208]

Тип поддержки	Ископаемое топливо	Возобновляемые источники энергии	Коэффициент диспропорции
Мир (трлн USD)			
Явные (фискальные) субсидии	0,725 (2024)	≈0,17 (2017)	≈4:1

[206] Underpriced and Overused: Fossil Fuel Subsidies Data 2025 Update / S. Black, W. Celniak, A. Garcia Huitron [et al.]. – Washington, DC : International Monetary Fund, 2025. – (IMF Working Paper ; WP/25/270). – URL: https://www.imf.org/en/publications/wp/issues/2025/12/20/underpriced-and-overused-fossil-fuel-subsidies-data-2025-update-572729 (дата обращения: 09.09.2026).

[207] Taylor, M. Energy Subsidies: Evolution in the Global Energy Transformation to 2050 / M. Taylor. – Abu Dhabi : International Renewable Energy Agency, 2020. – ISBN 978-92-9260-125-6. – URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2020/Apr/IRENA_Energy_subsidies_2020.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[208] Источник: составлено автором на основе данных МВФ и IRENA.

Неявные субсидии (неучтенные экстерналии)	6,7 (2024)	–	–
Итого	**≈7,4**	**≈0,17**	**≈44:1**

Парадоксальность ситуации усугубляется тем, что стоимость технологий возобновляемой энергетики быстро снижается: по данным IRENA, 91% введенных в 2024 г. проектов ВИЭ оказались дешевле самых дешевых альтернатив на ископаемом топливе[209], однако искусственное занижение стоимости углеводородного сырья через систему субсидий продолжает создавать конкурентные преимущества для традиционных энергетических технологий. Субсидии на ископаемое топливо искусственно снижают стоимость угля, нефти и газа, препятствуя диверсификации энергетического баланса.

Структурное противоречие между краткосрочными экономическими и политическими приоритетами национальных правительств и долгосрочными обязательствами по декарбонизации энергетических систем проявляется в систематическом принятии решений, которые формально соответствуют международным климатическим соглашениям, но фактически препятствуют достижению заявленных целей энергетического перехода. Данное противоречие особенно остро проявляется в периоды экономических кризисов, энергетической нестабильности или геополитических конфликтов, когда правительства вынуждены приоритизировать обеспечение энергетической безопасности и экономической стабильности над климатическими соображениями.

Показательным примером подобных противоречий стала реакция европейских стран на энергетический кризис 2021–2022 годов, вызванный в том числе сокращением поставок российского природного газа. Несмотря на амбициозные цели Европейского зеленого курса и обязательства по

[209] Renewable Power Generation Costs in 2024 / International Renewable Energy Agency. – Abu Dhabi : IRENA, 2025. – URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2025/Jul/IRENA_TEC_RPGC_in_2024_2025.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

достижению климатической нейтральности к 2050 году, большинство государств-членов ЕС в срочном порядке активизировали использование угольной генерации, пролонгировали сроки эксплуатации атомных электростанций, планировавшихся к закрытию, и заключили долгосрочные контракты на поставки сжиженного природного газа из США, Катара и других производителей. Германия, традиционно позиционировавшая себя в качестве лидера глобального энергетического перехода, временно увеличила производство электроэнергии на угольных электростанциях на 8,4% в 2022 году[210] и отложила планы по закрытию последних АЭС до апреля 2023 года, что противоречило базовой логике программы Energiewende. Аналогичные решения были приняты в Нидерландах (снятие ограничений на работу угольных ТЭС), Австрии (возможность реактивации резервных нефтяных и угольных мощностей) и других европейских юрисдикциях[211,212].

Анализ современной энергетической политики развитых и развивающихся экономик выявляет устойчивую структурную закономерность, которую можно концептуализировать как циклическую модель противоречий между декларируемыми долгосрочными климатическими целями и фактической политической практикой. Данная модель отражает фундаментальное противоречие между стратегической необходимостью декарбонизации энергетических систем и императивом обеспечения краткосрочной энергетической безопасности и экономической стабильности в условиях внешних шоков (рис. 16).

[210] Electricity production in 2022: coal accounted for a third, wind power for a quarter : Press release No. 090 of 9 March 2023 // Statistisches Bundesamt (Destatis). – 2023. – 9 March. – URL: https://www.destatis.de/EN/Press/2023/03/PE23_090_43312.html (дата обращения: 09.09.2026).

[211] The European Green Deal : Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions : COM(2019) 640 final. – Brussels, 11.12.2019 // EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52019DC0640 (дата обращения: 09.09.2026).

[212] Grinschgl, J. A Perfect Storm: The Causes and Consequences of the European Energy Crisis / J. Grinschgl. – Hainburg/Donau : Austria Institut für Europa- und Sicherheitspolitik, 2022. – 4 p. – (AIES Fokus ; 1/2022). – URL: https://www.aies.at/download/2022/AIES-Fokus-2022-01.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

Рисунок 16 – Циклическая модель противоречий энергетической политики[213]

Представленная циклическая модель демонстрирует, что разрыв между объявленным и реальным потенциалом «зеленой» энергетической повестки имеет не случайный, а системный характер. Ключевая проблема заключается в институциональной неспособности энергетической политики одновременно обеспечивать долгосрочную трансформационную динамику и краткосрочную адаптивность к шокам без отката к углеродоинтенсивным практикам.

Отдельной политической плоскостью является использование климатической риторики для обоснования протекционистских мер. Механизм трансграничного углеродного регулирования ЕС (CBAM), формально направленный на предотвращение «углеродных утечек», фактически создает дополнительные барьеры для импорта из развивающихся стран и укрепляет конкурентные позиции европейской промышленности.

[213] Источник: составлено автором.

По оценке ЦЭНЭФ-XXI (2021), под действие CBAM подпадал российский экспорт в ЕС объемом около 7,9 млрд долл. в год (в среднем за 2016–2020 гг.), прежде всего продукция черной металлургии, удобрения и алюминий, а прямые издержки российских экспортеров могли составить 0,7–1,2 млрд долл. в год к 2030 г.[214]; после 2022 г. значительная часть этого экспорта оказалась под санкционными ограничениями. Показательно, что механизм вводится в период, когда собственные выбросы ЕС сокращаются во многом за счет деиндустриализации и переноса производств за рубеж, то есть той самой «утечки углерода», на борьбу с которой CBAM формально направлен. В академической литературе предлагается направлять доходы от CBAM на поддержку низкоуглеродных инноваций в развивающихся странах, а не подталкивать их к деиндустриализации и переносу производств[215]. Это подтверждает тезис, что климатическое регулирование выступает инструментом нормативной державности, позволяющим перекладывать издержки низкоуглеродного перехода на внешних контрагентов и одновременно легитимизировать протекционистские меры языком экологической ответственности. Многоуровневая система противоречий современной энергетической политики представлена на рис. 17.

[214] CBAM. Последствия для российской экономики / И. А. Башмаков, В. И. Башмаков, К. Б. Борисов [и др.] ; ЦЭНЭФ-XXI. – Москва, 2021. – URL: https://cenef-xxi.ru/uploads/Cz_ENEF_XXI_CBAM_4c0a2fb4a3.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[215] Do, T. N. Reimagining carbon border adjustment mechanisms: A path to climate and development synergy / T. N. Do // Global Transitions. – 2025. – Vol. 7. – P. 144–147. – DOI 10.1016/j.glt.2025.03.003.

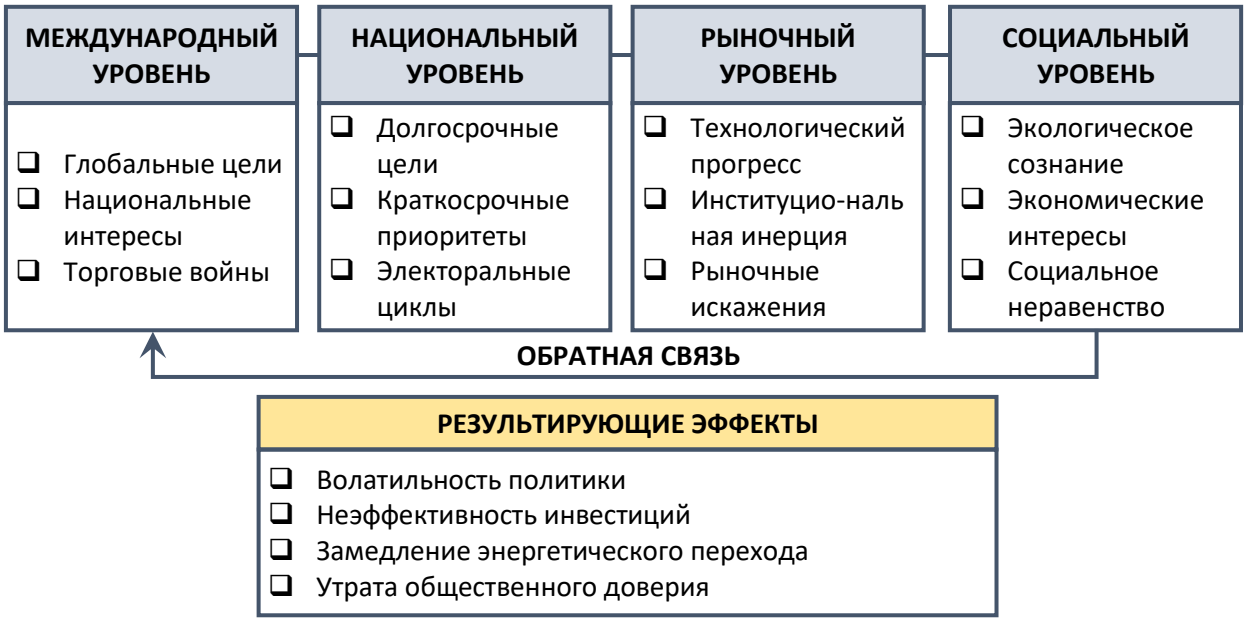

Рисунок 17 – Многоуровневая система противоречий современной энергетической политики[216]

Рассмотренная выше реакция европейских государств на энергетический кризис 2021–2022 годов убедительно продемонстрировала, что энергетическая безопасность остается безусловным политическим приоритетом, способным в кризисных условиях перевесить даже долгосрочные климатические обязательства.

Парадокс углеродной интенсивности состоит в том, что углеродоемкость мировой экономики сократилась с 0,43 кг CO_2 на долл. ВВП (по ППС) в 2000 г. до 0,29 кг в 2022 г. (примерно на треть), однако абсолютные выбросы CO_2 от ископаемого топлива и промышленности за 2000–2023 гг. возросли с 25,5 до 38,1 млрд т – почти на 50%[217]. Абсолютный декаплинг, при котором экономический рост сопровождается реальным сокращением выбросов, наблюдается преимущественно в развитых экономиках (ЕС, Великобритания, США, Япония) и нередко связан с переносом углеродоемких производств в развивающиеся страны: часть сокращения территориальных выбросов компенсируется ростом выбросов, «импортированных» с товарами,

[216] Источник: составлено автором.
[217] Ritchie, H. CO_2 and Greenhouse Gas Emissions / H. Ritchie, P. Rosado, M. Roser // Our World in Data. – 2020. – URL: https://ourworldindata.org/co2-and-greenhouse-gas-emissions (дата обращения: 09.09.2026).

что ставит под сомнение масштаб декларируемого прогресса. Дополнительным фактором является эффект Джевонса, при котором рост энергоэффективности стимулирует увеличение общего потребления за счет снижения удельных издержек[218].

Реализация амбициозных декарбонизационных программ сталкивается с нарастающим социально-политическим сопротивлением, обусловленным неравномерным распределением издержек и выгод энергетического перехода. Показателен французский кейс: запланированное повышение углеродного компонента топливных налогов спровоцировало в 2018 г. движение «желтых жилетов» – одни из крупнейших протестов с 1968 г., вынудившие правительство заморозить повышение и пойти на пакет социальных уступок стоимостью около 10 млрд евро. Аналогичная логика воспроизвелась в Канаде, где углеродный сбор стал центральной темой федеральных выборов 2019 и 2021 гг. (с 1 апреля 2025 г. потребительский сбор был обнулен[219]), и в Германии, где закон об отоплении 2023 г. вызвал острый конфликт внутри правящей коалиции и падение рейтинга «зеленых». Во всех случаях экологическая мотивация отступала перед материальными интересами домохозяйств, а климатические меры воспринимались как регрессивный налог, бьющий по среднему классу. Тем самым социальная база декарбонизации остается узкой и неустойчивой, что создает структурный ограничитель для любого форсированного сценария[220].

По результатам исследования «зеленой» повестки мирового энергетического развития можно сделать следующие *выводы:*

Во-первых, между амбициозными планами энергетического перехода и фактическими результатами их реализации существует критический разрыв. Несмотря на рекордные темпы роста мощностей ВИЭ в 2020–2024 годах, по

[218] Freire-González, J. Energy Efficiency Policies and the Jevons Paradox / J. Freire-González, I. Puig-Ventosa // International Journal of Energy Economics and Policy. – 2015. – Vol. 5, No. 1. – P. 69–79.
[219] Major, D. Carney kills consumer carbon tax in first move as prime minister / D. Major // CBC News. – 2025. – 14 March. – URL: https://www.cbc.ca/news/politics/mark-carney-drops-carbon-tax-1.7484290 (дата обращения: 09.09.2026).
[220] Wherry, A. The carbon tax is (nearly) dead. Now what? / A. Wherry // CBC News. – 2025. – 18 January. – URL: https://www.cbc.ca/lite/story/1.7434785 (дата обращения: 09.09.2026).

оценке МЭА, к 2030 г. мировые мощности ВИЭ вырастут лишь в 2,6 раза к уровню 2022 г., что ниже цели Консенсуса ОАЭ по их утроению, а ограничение потепления до 1,5 °C остается малореальным сценарием вследствие системных ограничений технологического, экономического и институционального характера.

Во-вторых, противоречия современной энергетической политики носят системный, а не случайный характер и воспроизводятся на всех уровнях принятия решений. Их первопричинами служат краткосрочность электоральных циклов, преобладание национальных интересов над глобальными приоритетами и инерционность институциональных механизмов.

В-третьих, преодоление данных противоречий невозможно без кардинальной трансформации институциональной архитектуры энергетической политики – как на национальном, так и на международном уровне. Достижение климатических целей требует не только технологических инноваций, но и выработки механизмов политической координации, способных обеспечить антициклическую устойчивость траектории декарбонизации вне зависимости от конъюнктурных шоков.

Выявленные противоречия «зеленой» повестки – разрыв между декларируемыми целями и реальной политической практикой, сохранение масштабных субсидий на ископаемое топливо, использование климатических стандартов как инструментов протекционизма – свидетельствуют о том, что энергетический переход превратился в еще одну арену геополитического соперничества современных энергетических держав.

§3. Санкционное давление на Россию как элемент геополитической стратегии Запада: политические последствия и ответные меры

Санкционное давление на российский энергетический сектор представляет собой комплексный феномен, эволюционировавший от точечных ограничительных мер 2014 года до системных структурных воздействий современного этапа. Основные виды международных санкций против российского энергетического сектора систематизированы в табл. 10.

Таблица 10 – Типология международных санкций против российского энергетического сектора[221]

Тип санкций	Ключевые меры
Эмбарго / ограничение импорта	❑ Запрет на импорт российской сырой нефти морским путем (ЕС, с 05.12.2022) ❑ Запрет на импорт нефтепродуктов из России (ЕС, с 05.02.2023). ❑ Запрет на импорт российского газа (ЕС, Регламент 2026/261: поэтапно в 2026–2027 гг.) ❑ Полный запрет на импорт российской нефти, угля и СПГ (США, 2022).
Прайс-кап (ценовой предел)	❑ Механизм потолка цен на российскую нефть (G7/ЕС, действует с 5.12.2022) ❑ Потолок цен на нефтепродукты из России (G7/ЕС, действует с 5.02.2023) ❑ Снижение потолка ЕС с $60 до $47,6 (18-й пакет, 2025 г.) и переход к динамическому пересмотру ($44,1 с 01.02.2026); 21-й пакет (июль 2026 г.) приостановил пересмотр до 15.07.2027.
Экспортный контроль	❑ Запрет на экспорт передовых технологий и услуг для проектов в Арктике, на глубоководном шельфе и сланцевых (с 2014 г., Directive 4/CAATSA) ❑ Запрет на экспорт оборудования для нефтеперерабатывающей промышленности (ЕС).
Финансовые ограничения	❑ Замораживание активов Центрального банка России ❑ Запрет на долгосрочное финансирование и доступ к капиталу для ключевых российских энергокомпаний. ❑ Отключение банков от системы SWIFT.
Транспорт и логистика	❑ Запрет на страхование и перестрахование танкеров, перевозящих российскую нефть ❑ Запрет на заход в порты ЕС для российских судов и судов «теневого флота» ❑ Санкции против отдельных танкеров и судоходных компаний.
Целевые санкции	❑ Заморозка активов и визовые ограничения для физических и юридических лиц ❑ Включение в санкционные списки руководства и крупных компаний сектора («Роснефть», «ЛУКОЙЛ», «Газпром нефть», «Сургутнефтегаз»).

[221] Источник: составлено автором на основе анализа открытых данных

Вторичные санкции	❑ Угроза санкций в отношении компаний из третьих стран, помогающих обходить ограничения (трейдеры, банки) ❑ Ограничения на экспорт в третьи страны, где высок риск обхода санкций.

Как видно из таблицы, санкционный режим охватывает все сегменты энергетической цепочки – от добычи до сбыта, – а его эволюция от точечных ограничений 2014 г. к комплексным мерам 2022–2026 гг. отражает стремление стран-инициаторов минимизировать возможности адаптации российского ТЭК. Качественный скачок произошел в 2022 г., когда к ранее действовавшим технологическим и финансовым ограничениям добавились торговое эмбарго, механизм ценового потолка и запрет на страхование танкеров, что превратило санкции из селективного инструмента в системный механизм давления. Особое значение имеет введение вторичных санкций, распространяющих ограничения на компании из третьих стран: под угрозой отключения от долларовой системы оказались трейдеры, банки и страховщики, ранее обеспечивавшие альтернативные маршруты поставок, что существенно усложняет реорганизацию экспортных каналов.

Период наиболее жесткого санкционного противостояния (2022–2025 гг.) позволяет проследить адаптационные механизмы крупнейшего мирового энергетического экспортера к системному внешнему давлению. Периодизация данного процесса позволяет выделить три основных этапа: шоковую адаптацию (февраль – декабрь 2022 г.), структурную реорганизацию (2023–2024 гг.) и консолидацию новой экспортной модели (2025 г.). Первый этап отличался необходимостью оперативного реагирования на разрыв устоявшихся логистических цепочек и финансовых механизмов. Второй этап характеризовался масштабной географической переориентацией экспортных потоков и формированием альтернативной институциональной инфраструктуры торговли энергоносителями. Третий этап демонстрирует признаки стабилизации новой конфигурации энергетической торговли при сохранении структурных ограничений технологического и финансового

характера. Динамика основных показателей российской энергетики в условиях санкций представлена в табл. 11.

Таблица 11 – Динамика основных показателей российской энергетики в условиях санкций (2021–2025 гг.)[222]

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
Добыча нефти, млн тонн	535,1	545,2	541,7	526,6	520,5
Экспорт нефти, млн тонн	388,8	379,9	339,6	350,6	370,8
Доля Азии в экспорте нефти, %	38%	52%	68%	75%	81%
Средний дисконт нефти Urals к Brent, долл./барр.	<5	20–35	15–20	10–15	10–15
Добыча газа, млрд м³	762,3	672,0	637,6	684,9	662,7
Экспорт газа, млрд м³	250,9	177,8	124,4	119,1	112,0
Доля Азии в экспорте газа, %	15%	25%	34%	45%	49%

Таким образом, в нефтяном секторе наблюдается относительно успешная реализация стратегии географической диверсификации экспорта при сохранении стабильных объемов добычи. Доля азиатского направления в экспорте нефти демонстрирует устойчивый рост с 38% в 2021 году до 81% в 2025 году, что компенсирует выпадение европейского рынка. После снижения экспортных объемов в 2023 году до 339,6 млн тонн наблюдается восстановительная траектория с достижением 370,8 млн тонн в 2025 году. Критическим фактором остается ценовой дисконт Urals к Brent, который после пикового значения 20–35 долларов в 2022 году стабилизировался на уровне 10–15 долларов, что свидетельствует о частичной нормализации торговых условий при сохранении структурных ограничений.

Газовый сектор демонстрирует значительно более глубокие структурные нарушения. Экспорт газа сократился с 250,9 млрд м³ в 2021 году до 112,0 млрд м³ в 2025 году (предварительная оценка), что составляет снижение на 55,4%. Добыча газа после критического падения в 2023 году (637,6 млрд м³) восстановилась до 684,9 млрд м³ в 2024 году за счет роста внутреннего потребления и поставок в Азию, однако в 2025 году вновь

[222] Источник: составлено автором по данным Росстата (добыча газа), Energy Institute (добыча нефти с учетом газового конденсата и ШФЛУ), Минэкономразвития России и отраслевых аналитиков (экспорт, доли Азии, ценовой дисконт); данные за 2025 г. – предварительные.

снизилась – до 662,7 млрд м³, в том числе из-за теплой зимы[223],[224]. При этом доля азиатского направления в газовом экспорте (49% к 2025 году) существенно уступает нефтяному сектору, что отражает ограниченность трубопроводной инфраструктуры и длительные сроки реализации СПГ-проектов. Следует учитывать, что официальная статистика экспорта газа с 2023 г. публикуется в ограниченном объеме, а данные за 2025 г. носят предварительный характер (в табл. 11 добыча газа приведена по данным Росстата; добыча нефти – по данным Energy Institute с учетом газового конденсата и ШФЛУ; экспорт, доли Азии и ценовой дисконт – по оценкам Минэкономразвития России и отраслевых аналитиков). Выявленные диспропорции указывают на структурный характер адаптационных вызовов в газовой отрасли, не компенсируемых краткосрочными и среднесрочными мерами реорганизации экспортных каналов. Таким образом, промежуточные результаты свидетельствуют о формировании двухскоростной модели адаптации российского энергетического комплекса: относительно успешной трансформации нефтяного экспорта и структурной стагнации газового сектора, требующей долгосрочных инфраструктурных решений.

Санкционное давление ускорило институциональную перестройку российского топливно-энергетического комплекса, затронувшую систему корпоративного управления, технологические процессы и международное сотрудничество (рис. 18).

[223] Добыча газа в России в 2024 году выросла на 7%, до 685 млрд куб. м // Интерфакс. – 2025. – 5 февраля. – URL: https://www.interfax.ru/business/1006521 (дата обращения: 09.09.2026).
[224] В России в 2025 году добыча газа из-за очень теплой зимы сократилась на 3% // Интерфакс. – 2026. – 6 февраля. – URL: https://www.interfax.ru/business/1071522 (дата обращения: 09.09.2026).

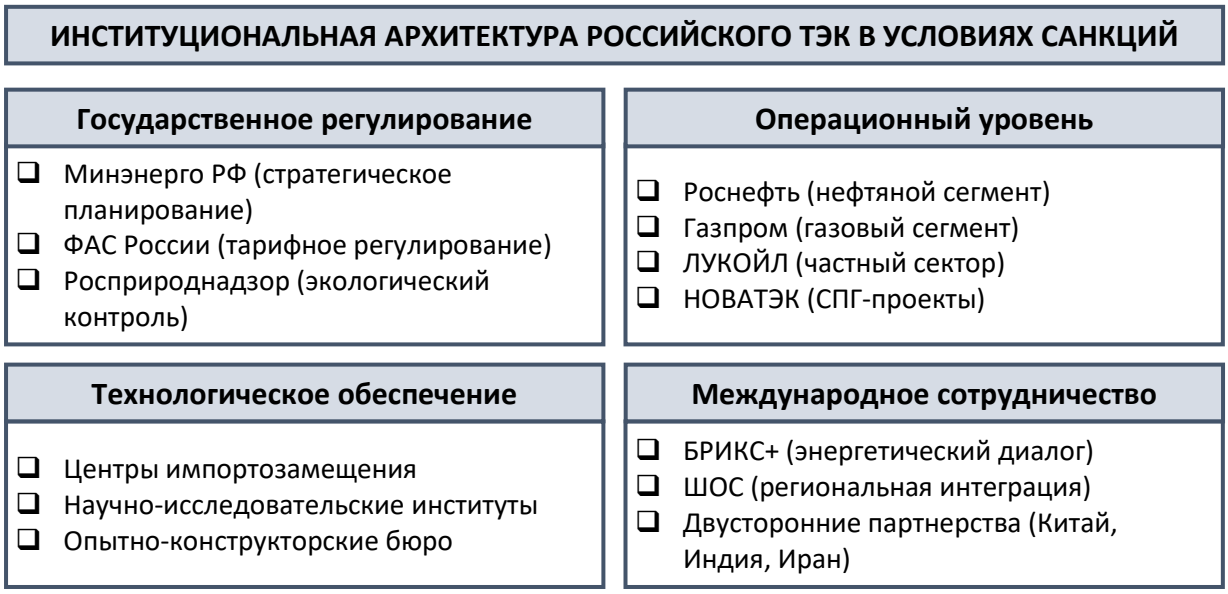

Рисунок 18 – Институциональная архитектура российского ТЭК в условиях санкций[225]

Институциональная трансформация носит системный характер и выходит за рамки простой адаптации к внешним ограничениям. Эволюция корпоративного управления в условиях санкций характеризуется усилением вертикальной интеграции и консолидацией государственного контроля над стратегическими энергетическими активами. Ключевые энергетические компании были вынуждены пересмотреть свои операционные модели, сосредоточившись на повышении автономности и снижении зависимости от западных партнеров. Формирование национальной технологической базы стало приоритетным направлением институциональной реорганизации. Программы импортозамещения в энергетическом секторе получили значительное ускорение, охватив критически важные сегменты: разведочное оборудование, нефтегазовое машиностроение, программное обеспечение для геологоразведки и добычи. По базовым видам нефтегазового оборудования зависимость от импорта удалось существенно снизить, тогда как в сегменте высокотехнологичного оборудования – турбин большой мощности, систем

[225] Источник: составлено автором.

подводной добычи, катализаторов для нефтепереработки – она сохраняется, а разработка отечественных аналогов потребует нескольких лет[226,227].

Интеграция с партнерами по БРИКС+ и ШОС в энергетической сфере приобрела стратегическое значение для обеспечения долгосрочной устойчивости российского ТЭК. Создание альтернативных международных площадок для энергетического сотрудничества позволило России компенсировать исключение из традиционных западных энергетических институтов. Особое внимание заслуживает формирование новых механизмов ценообразования на энергетические ресурсы. Развитие Санкт-Петербургской международной товарно-сырьевой биржи (СПбМТСБ, также SPIMEX) как альтернативной площадки для торговли энергоносителями демонстрирует стремление к созданию независимой ценовой инфраструктуры. Объемы биржевых торгов нефтепродуктами на СПбМТСБ в 2022–2025 гг. устойчиво росли[228].

Формирование новой институциональной архитектуры сопровождается созданием специализированных центров компетенций по критическим технологиям. Данные структуры призваны обеспечить технологическую независимость российского ТЭК в долгосрочной перспективе и снизить риски вторичных санкций. Важным элементом институциональной реорганизации стало развитие альтернативных образовательных программ и центров подготовки кадров для энергетической отрасли. Сотрудничество с ведущими техническими университетами Китая, Индии и других дружественных стран позволяет компенсировать ограничения на академические обмены с западными партнерами.

В финансовом измерении динамика 2022–2025 гг. носила волнообразный характер: падение нефтегазовых доходов в 2023 г. сменилось

[226] Мурашко, М. М. Российская стратегия импортозамещения в ТЭК / М. М. Мурашко // Геоэкономика энергетики. – 2023. – № 2 (22). – С. 18–39. – DOI 10.48137/26870703_2023_22_2_18.
[227] Коммерсантъ : [сайт]. – URL: https://www.kommersant.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).
[228] Санкт-Петербургская Международная Товарно-сырьевая Биржа (Петербургская биржа) : [сайт]. – URL: https://spimex.com/ (дата обращения: 09.09.2026).

их восстановлением в 2024 г. и новым снижением в 2025 г. Нефтяной экспорт продемонстрировал способность генерировать стабильную выручку, а газовый сектор, напротив, испытал почти двукратное сжатие экспортной выручки. Нефтегазовые доходы федерального бюджета, по данным Минфина России, в 2025 г. составили 8,48 трлн руб. (около 4% ВВП), что на 23,8% ниже уровня 2024 г. (11,13 трлн руб.)[229]. Снижение доли нефтегазовых доходов в доходах бюджета (с 35,8% в 2021 г. до 22,7% в 2025 г.) отражает как внешнее давление, так и более глубокие структурные изменения в бюджетной системе, включая действие бюджетного правила[230].

Валютные поступления от энергоэкспорта сохранили критическое значение для российской экономики, несмотря на диверсификацию валютной структуры расчетов. Механизмы расчетов в национальных валютах претерпели кардинальные изменения, отражая стремление к созданию альтернативной финансовой архитектуры (рис. 19).

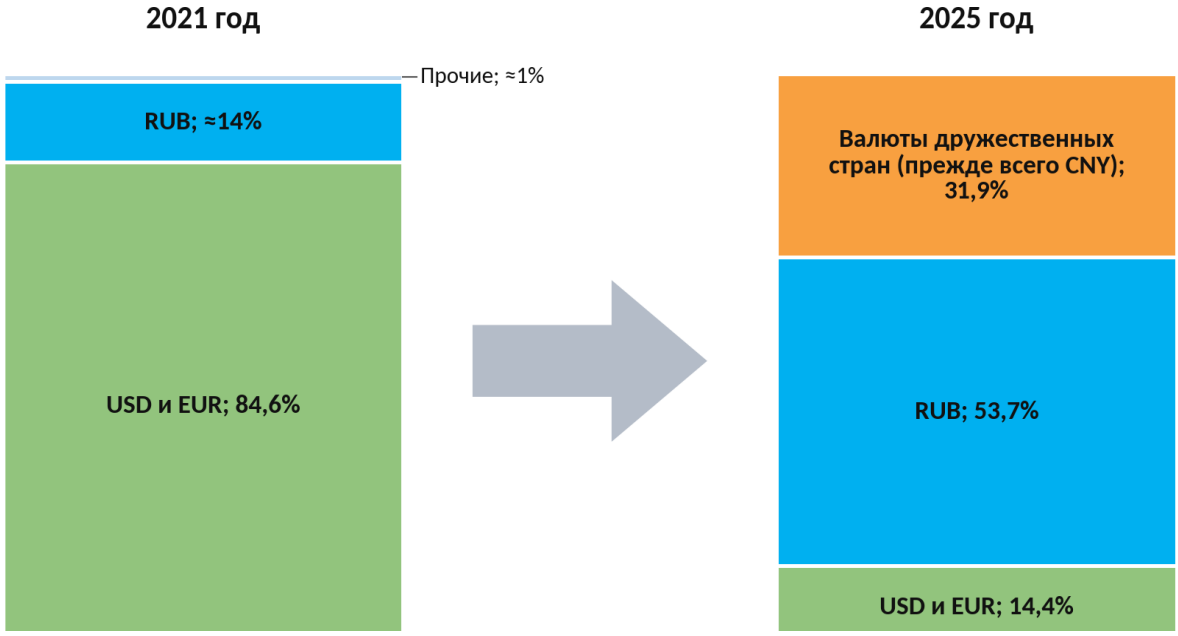

Рисунок 19 – Трансформация валютной структуры расчетов за российский экспорт (2021 и 2025 гг.)

[229] Дефицит бюджета РФ в 2025 году составил 5,65 трлн рублей, или 2,6% ВВП // Интерфакс. – 2026. – 19 января. – URL: https://www.interfax.ru/business/1068331 (дата обращения: 09.09.2026).
[230] Гурвич, Е. Т. Бюджетные правила: избыточное ограничение или неотъемлемый инструмент бюджетной устойчивости? / Е. Т. Гурвич, И. А. Соколов // Вопросы экономики. – 2016. – № 4. – С. 5–29. – DOI 10.32609/0042-8736-2016-4-5-29.

Источник: составлено автором по данным Банка России (по: Известия. – 2026. – 3 марта)

Итак, по данным Банка России, совокупная доля доллара и евро в расчетах за российский экспорт сократилась с 84,6% в 2021 г. до 14,4% в 2025 г., тогда как доля рубля выросла до 53,7%, а валют дружественных стран (прежде всего юаня) – до 31,9% (рис. 19), что свидетельствует о глубокой дедолларизации российского экспорта, основу которого составляют энергоресурсы[231].

Инвестиционная активность в российском ТЭК демонстрирует разнонаправленные тенденции: по имеющимся оценкам, в 2022–2023 гг. сокращение капитальных вложений в традиционные проекты сопровождалось ростом инвестиций в импортозамещение и восточные направления развития[232].

Долгосрочное планирование развития российского ТЭК претерпело кардинальный пересмотр, сместившись от интеграции с европейской энергетической системой к созданию евразийской энергетической архитектуры. Стратегические документы отрасли предусматривают наращивание экспортных мощностей в восточном направлении и достижение технологической автономии по критическим сегментам энергетического машиностроения[233]. Рентабельность российских энергетических компаний в 2022–2024 гг., несмотря на санкционное давление, поддерживалась в значительной степени высокими мировыми ценами (2022 г.), ослаблением рубля (2023–2024 гг.), ростом внутренних цен и новыми логистическими схемами, а не повышением операционной эффективности. В 2025 г. на фоне укрепления рубля и снижения экспортных цен финансовые результаты

[231] Рекордные расчеты в нацвалютах удержат рубль крепким на долгое время // Известия. – 2026. – 3 марта. – URL: https://iz.ru/2052227/2026-03-03/rekordnye-raschety-v-natcvaliutakh-uderzhat-rubl-krepkim-na-dolgoe-vremia (дата обращения: 09.09.2026).

[232] Российское энергетическое агентство Минэнерго России : [сайт]. – URL: https://rosenergo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

[233] Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.04.2025 № 908-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

крупнейших компаний существенно разошлись: чистая прибыль «Роснефти» по МСФО сократилась на 73% (до 293 млрд руб.)[234], тогда как чистая прибыль группы «Газпром» по МСФО, относящаяся к акционерам, выросла на 7% (до 1,31 трлн руб.; группа вышла из убытка 2023 г. уже в 2024 г.)[235].

Опыт функционирования российской энергетики в условиях санкционного режима позволяет оценить глубину происходящих изменений и их последствия для глобальной энергетической архитектуры. Сопоставление ключевых параметров функционирования ТЭК до и после 2022 г. показывает, что по одним направлениям произошли качественные сдвиги, тогда как по другим изменения носят преимущественно адаптивный характер (табл. 12).

Таблица 12 – Матрица оценки трансформационных процессов в российском топливно-энергетическом комплексе[236]

Критерий оценки	Характер изменений	Фактическое состояние
Географическая диверсификация	Трансформация	Переориентация на азиатские рынки
Технологическая автономия	Трансформация	Импортозамещение базового оборудования
Финансовая устойчивость	Адаптация	Восстановление выручки при сохранении дисконта
Институциональные изменения	Трансформация	Формирование параллельных механизмов
Стратегическое позиционирование	Адаптация	Закрепление роли поставщика с дисконтом

Долгосрочные конкурентные позиции России на глобальном энергорынке претерпели существенные изменения: с одной стороны, диверсификация клиентской базы и формирование альтернативной инфраструктуры снижают уязвимость перед новыми санкциями; с другой – закрепление роли поставщика с дисконтом на азиатских рынках и технологическое отставание в ряде сегментов ограничивают возможности для

[234] Rosneft Oil Company Full Year 2025 IFRS Results // Rosneft : [site]. – 2026. – 31 March. – URL: https://rosneft.com/press/releases/item/223842/ (дата обращения: 09.09.2026).
[235] Gazprom posts 7% rise in IFRS net profit for 2025 // TASS. – 2026. – 30 April. – URL: https://tass.com/economy/2125111 (дата обращения: 09.09.2026).
[236] Источник: составлено автором.

возвращения статуса полноценного конкурента западным мейджорам. Создание альтернативной экспортной инфраструктуры и формирование технологической автономии повышают стратегическую устойчивость российской энергетики к внешним шокам. Формирование альтернативной энергетической архитектуры выходит за рамки простой адаптации к санкциям и представляет собой вызов традиционной западноцентричной модели глобального энергетического управления. Создание новых институтов энергетического сотрудничества, альтернативных ценовых механизмов и технологических платформ свидетельствует о фундаментальных сдвигах в архитектуре мирового энергетического рынка (рис. 20).

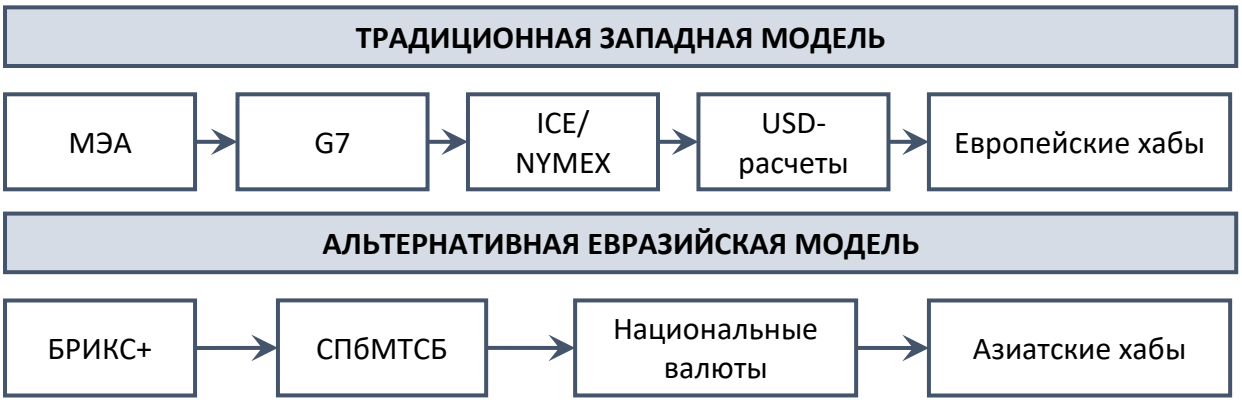

Рисунок 20 – Модель альтернативной энергетической архитектуры[237]

Анализ эффективности санкционного режима с позиций его инициаторов выявляет существенное расхождение между заявленными целями и достигнутыми результатами. Основная задача санкций – сокращение доходов России от энергоэкспорта – решена лишь частично, при этом непредвиденные последствия включают ускорение формирования альтернативной энергетической архитектуры и укрепление энергетических связей России с «дружественными» странами. Системная оценка промежуточных результатов санкционного давления позволяет констатировать качественную трансформацию российской энергетики, выходящую за рамки простой реорганизации каналов сбыта. Данная

[237] Источник: составлено автором.

трансформация носит долгосрочный характер и формирует основы новой модели российского участия в глобальных энергетических процессах.

Проведенный анализ промежуточных результатов санкционного давления западных стран на российский энергетический сектор позволяет утверждать, что наблюдаемые процессы выходят за рамки тактической реорганизации каналов сбыта и представляют собой системную структурную трансформацию топливно-энергетического комплекса с долгосрочными стратегическими последствиями для глобальной энергетической архитектуры.

Во-первых, эмпирические данные свидетельствуют о качественном изменении географической структуры российского энергоэкспорта, где произошла масштабная переориентация на азиатское направление, что привело к возникновению новой институциональной архитектуры торговли энергоносителями. Трансформация валютной структуры расчетов в пользу национальных валют и развитие альтернативных ценообразующих площадок (СПбМТСБ) представляет собой не адаптивную реакцию на внешние ограничения, а формирование параллельной евразийской энергетической архитектуры, противостоящей традиционной западноцентричной модели глобального энергетического управления. Данный процесс является одним из наиболее наглядных эмпирических проявлений конкурентной фрагментации глобального энергетического пространства.

Во-вторых, исследование выявляет двухскоростную модель динамики российского энергетического комплекса, где относительно успешная переориентация нефтяного экспорта (при сохранении дисконта Urals к Brent на уровне 10–15 долл.) контрастирует с глубокими структурными нарушениями в газовом секторе. Данная асимметрия обусловлена ограниченной мобильностью трубопроводной инфраструктуры и длительными сроками реализации СПГ-проектов, что создает долгосрочные ограничения для полной компенсации потерь европейских рынков. Существенное снижение импортозависимости по базовому оборудованию при сохраняющейся зависимости в высокотехнологичных сегментах обеспечивает

качественную трансформацию отраслевой модели, катализированную санкционным давлением.

В-третьих, полученные данные позволяют предложить авторскую трактовку «санкционного парадокса» (в отличие от трактовки Д. Дрезнера, связанной с результативностью санкций против оппонентов[238]): ограничительные меры, направленные на ослабление экономического потенциала России, непреднамеренно ускорили процессы деглобализации и фрагментации глобального энергетического рынка на конкурирующие геоэкономические контуры. Формирование альтернативных институтов ценообразования, расчетных механизмов и технологических платформ в рамках незападных интеграционных объединений представляет собой значимое явление в эволюции международного энергетического порядка, последствия которого затрагивают основы глобального энергетического управления и создают предпосылки для перехода от однополярной к полицентрической модели регулирования мировых энергетических потоков.

[238] Drezner, D. W. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations / D. W. Drezner. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1999. – xvi, 342 p. – (Cambridge Studies in International Relations ; 65). – ISBN 978-0-521-64415-0. – DOI 10.1017/CBO9780511549366.

Глава IV. Трансформация энергетических центров политического влияния в условиях геополитической турбулентности: сценарии и стратегические перспективы

§1. Трансформация геополитических позиций ключевых акторов в мировом энергетическом пространстве

Современная архитектура глобальной энергетической системы претерпевает фундаментальные трансформации, обусловленные углубляющейся конкурентной фрагментацией, технологическими сдвигами и пересмотром традиционных торговых маршрутов. В условиях обострения геополитического противостояния и санкционного давления ключевые центры силы вынуждены переосмысливать свои энергетические стратегии, балансируя между императивами энергетической безопасности, климатической повестки и сохранения структурного влияния. Анализ динамики энергетического баланса крупнейших держав и региональных объединений в период 2020–2025 гг. сквозь призму разработанной в главе I типологии энергетических держав (ресурсные, технологические, нормативные, инфраструктурные) позволяет не только зафиксировать количественные сдвиги, но и выявить качественные изменения в источниках структурного влияния государств, а также определить их место в формирующихся контурах глобального энергетического порядка[239].

Для обеспечения сопоставимости данные по всем регионам приведены по единой методике – по данным Energy Institute (Statistical Review of World Energy 2026) и рядам EI в базе Our World in Data[240],[241]. Потребление первичной энергии рассчитано как общее энергоснабжение (total energy supply) по методу

[239] Бойко, А. А. Глобальная энергетика: история и политика : учебник / А. А. Бойко ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Факультет глобальных процессов. – Москва : МАКС Пресс, 2023. – 362 с. – ISBN 978-5-317-07092-2. – DOI 10.29003/m3679.978-5-317-07092-2.

[240] Statistical Review of World Energy 2026 / Energy Institute. – 75th ed. – 2026. – URL: https://www.energyinst.org/__data/assets/file/0004/1827616/Statistical-Review-of-World-Energy-PDF-Report.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[241] Ritchie, H. Energy Mix / H. Ritchie, P. Rosado // Our World in Data. – 2020. – URL: https://ourworldindata.org/energy-mix (дата обращения: 09.09.2026).

физического содержания энергии, на который EI перешел начиная с выпуска 2025 г.: ископаемое топливо учитывается по теплотворной способности, электроэнергия АЭС – по затраченной теплоте, а электроэнергия ГЭС, ветровых и солнечных станций – по объему выработки (поэтому доля неископаемых источников оказывается ниже, чем при прежнем методе замещения). Данные за 2020 и 2025 гг. взяты из одного выпуска и сопоставимы между собой. Производство неископаемой энергии (АЭС, ГЭС, ВИЭ) принято равным ее потреблению, а сальдо рассчитано как разность производства и потребления первичной энергии и характеризует чистый экспорт (+) или импорт (–) энергоресурсов. Азиатско-Тихоокеанский регион (без Китая) включает все страны АТР по классификации EI, кроме КНР; Ближний Восток – по классификации EI: страны Персидского залива (включая Иран и Ирак), а также Израиль, Иорданию, Ливан, Сирию и Йемен.

США представляют собой уникальный случай радикальной трансформации энергетического статуса: благодаря «сланцевой революции», масштабным инвестициям в инфраструктуру СПГ и наращиванию мощностей ВИЭ страна с 2019 г. является нетто-экспортером энергоресурсов, что существенно изменило ее геополитические возможности. Объем производства первичной энергии в США представлен в табл. 13 (данные согласуются с оценками Международного энергетического агентства и Управления энергетической информации США[242,243)].

Таблица 13 – Производство первичной энергии в США (ЭДж)[244]

Источник энергии	2020 год	2025 год	Изменение	Тенденции изменения

[242] International Energy Agency (IEA) : [site]. – URL: https://www.iea.org/ (дата обращения: 09.09.2026).
[243] U.S. Energy Information Administration (EIA) : [site]. – URL: https://www.eia.gov/ (дата обращения: 09.09.2026).
[244] Источник: составлено автором по данным Energy Institute (Statistical Review of World Energy 2026) и рядам данных EI в базе Our World in Data; общее энергоснабжение, метод физического содержания энергии. * Производство неископаемой энергии принято равным ее потреблению и рассчитано как разность общего энергоснабжения и потребления ископаемого топлива. Возможны расхождения в последнем знаке за счет округления.

Нефть	29,9	37,3	+7,4	Устойчивый рост (+25%); США – крупнейший производитель нефти (с учетом конденсата и ШФЛУ)
Природный газ	33,3	38,7	+5,4	Рост добычи (+16%); США – крупнейший производитель газа и ведущий экспортер СПГ
Уголь	10,7	11,0	+0,3	Стабилизация при долгосрочной тенденции к снижению спроса
АЭС, ГЭС и ВИЭ*	14,4	15,8	+1,4	Рост за счет солнечной и ветровой генерации
Итого производство	**88,3**	**102,7**	**+14,4**	Исторический максимум; основной прирост обеспечен нефтью и газом

Анализ динамики производства первичной энергии в США в 2020–2025 гг. указывает на достижение исторического максимума совокупного производства – 102,7 ЭДж в 2025 г. (+14,4 ЭДж, или 16%, к 2020 г.). Основной прирост обеспечили нефть (+7,4 ЭДж; добыча сырой нефти в 2025 г. достигла рекордных 13,6 млн барр./сут.) и природный газ (+5,4 ЭДж), остающийся крупнейшим источником внутреннего производства энергии с 2011 г. Добыча угля после спада 2020 г. стабилизировалась, однако долгосрочная тенденция его вытеснения газом и ВИЭ сохраняется; неископаемые источники выросли на 1,4 ЭДж за счет солнечной и ветровой генерации. Таким образом, энергетический сектор США характеризовался высокой адаптивностью, обеспечившей рост производства и упрочнение статуса страны как нетто-экспортера энергии. Динамика потребления первичной энергии в США представлена в табл. 14.

Таблица 14 – Потребление первичной энергии в США (ЭДж)[245]

Источник энергии	2020 год	2025 год	Изменение	Тенденции изменения
Нефть	32,5	36,4	+3,9	Восстановление после пандемического спада 2020 г.
Природный газ	30,1	32,9	+2,8	Рост; газ вытесняет уголь в электрогенерации
Уголь	9,2	8,7	–0,5	Снижение

[245] Источник: составлено автором по данным Energy Institute (Statistical Review of World Energy 2026) и рядам данных EI в базе Our World in Data; общее энергоснабжение, метод физического содержания энергии. * Производство неископаемой энергии принято равным ее потреблению и рассчитано как разность общего энергоснабжения и потребления ископаемого топлива. Возможны расхождения в последнем знаке за счет округления.

АЭС, ГЭС и ВИЭ*	14,4	15,8	+1,4	Рост за счет ВИЭ
Итого потребление	**86,2**	**93,8**	**+7,6**	Рост на 9%; потребление ниже уровня производства

Потребление первичной энергии в США в 2020–2025 гг. выросло с 86,2 до 93,8 ЭДж, восстановившись после пандемического спада 2020 г.; природный газ продолжает вытеснять уголь в электрогенерации. Превышение производства над потреблением (+8,9 ЭДж в 2025 г. против +2,1 ЭДж в 2020 г.) отражает превращение США в нетто-экспортера энергии. В совокупности это означает, что США превратились в ведущую ресурсно-технологическую державу, чье влияние на глобальные энергетические рынки опирается одновременно на контроль над добычей углеводородов и на технологическое лидерство в сланцевой добыче, СПГ-инфраструктуре и возобновляемой энергетике.

Китайская Народная Республика выступает ключевым актором на глобальной энергетической арене, характеризуясь исключительно высоким и быстрорастущим спросом на первичную энергию. Объемы производства первичной энергии в Китае представлены в табл. 15.

Таблица 15 – Производство первичной энергии в Китае (ЭДж)[246]

Источник энергии	2020 год	2025 год	Изменение	Тенденции изменения
Нефть	8,2	9,0	+0,8	Умеренный рост; высокая зависимость от импорта сохраняется
Природный газ	7,0	9,5	+2,5	Значительный рост добычи (+36%)
Уголь	79,2	94,7	+15,5	Рост добычи на 20% ради энергобезопасности
АЭС, ГЭС и ВИЭ*	12,1	20,2	+8,1	Быстрый рост ветровой, солнечной и атомной генерации
Итого производство	**106,4**	**133,4**	**+27,0**	Рост на 25%

[246] Источник: составлено автором по данным Energy Institute (Statistical Review of World Energy 2026) и рядам данных EI в базе Our World in Data; общее энергоснабжение, метод физического содержания энергии. * Производство неископаемой энергии принято равным ее потреблению и рассчитано как разность общего энергоснабжения и потребления ископаемого топлива. Возможны расхождения в последнем знаке за счет округления.

Объем производства первичной энергии в Китае увеличился за 2020–2025 гг. на 25% – до 133,4 ЭДж. Доминантой энергетического баланса остается уголь, добыча которого выросла на 20% (до 94,7 ЭДж), что стало ответом на энергетический кризис 2021–2022 гг. и отражает курс на энергетическую самообеспеченность. Существенный прирост (+8,1 ЭДж, или 67%) обеспечили и неископаемые источники – ветровая, солнечная и атомная энергетика, что свидетельствует о параллельном процессе энергетической трансформации. Китай продолжал лидировать по вводу мощностей солнечной и ветровой генерации, одновременно наращивая добычу газа (+36%) и инвестируя в зарубежные СПГ-проекты. Объем потребления первичной энергии в Китае представлен в табл. 16.

Таблица 16 – Потребление первичной энергии в Китае (ЭДж)[247]

Источник энергии	2020 год	2025 год	Изменение	Тенденции изменения
Нефть	28,3	33,8	+5,5	Рост, несмотря на быструю электрификацию транспорта
Природный газ	12,1	15,9	+3,8	Быстрый рост (+31%)
Уголь	82,9	92,2	+9,3	Крупнейший источник (57% потребления в 2025 г.)
АЭС, ГЭС и ВИЭ*	12,1	20,2	+8,1	Ключевой драйвер прироста электрогенерации
Итого потребление	**135,4**	**162,2**	**+26,8**	Рост на 20%; Китай – крупнейший потребитель энергии в мире

Представленные данные отражают фундаментальное противоречие энергетической политики КНР: обеспечение экономического роста опирается на уголь (57% потребления первичной энергии в 2025 г. против 61% в 2020 г.) при одновременной реализации самой масштабной в мире программы развития ВИЭ. Потребление энергии (162,2 ЭДж) почти на 29 ЭДж превышает внутреннее производство (самообеспеченность – около 82%), что делает

[247] Источник: составлено автором по данным Energy Institute (Statistical Review of World Energy 2026) и рядам данных EI в базе Our World in Data; общее энергоснабжение, метод физического содержания энергии. * Производство неископаемой энергии принято равным ее потреблению и рассчитано как разность общего энергоснабжения и потребления ископаемого топлива. Возможны расхождения в последнем знаке за счет округления.

Китай крупнейшим среди отдельных государств нетто-импортером энергоресурсов. Двойственная стратегия закрепила за Китаем позицию технологической державы, контролирующей критически важные цепочки поставок оборудования и редкоземельных металлов для глобального энергоперехода.

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона (включая Индию, Республику Корея, Японию и страны АСЕАН) характеризуются активным ростом производства первичной энергии (табл. 17).

Таблица 17 – Производство первичной энергии в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (без Китая) (ЭДж)[248]

Источник энергии	2020 год	2025 год	Изменение	Тенденции изменения
Нефть	6,7	5,6	–1,1	Снижение добычи
Природный газ	16,7	16,3	–0,4	Стабилизация
Уголь	40,5	50,1	+9,6	Активный рост добычи (Индия, Индонезия)
АЭС, ГЭС и ВИЭ*	9,3	12,7	+3,4	Рост ВИЭ, прежде всего в Индии
Итого производство	**73,2**	**84,7**	**+11,5**	Рост, недостаточный для покрытия спроса

Производство первичной энергии в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (без Китая) выросло за 2020–2025 гг. на 16% – до 84,7 ЭДж, что отражает усилия ключевых экономик региона по обеспечению энергетической безопасности в условиях возрастающего спроса. Наиболее значимым трендом является опережающий рост угледобычи – на 24% (до 50,1 ЭДж), прежде всего в Индии и Индонезии, при снижении добычи нефти на 16%. Одновременно наблюдается развитие ВИЭ, однако регион продолжает испытывать структурный дефицит энергоресурсов. Объем потребления энергии в странах АТР представлен в табл. 18.

[248] Источник: составлено автором по данным Energy Institute (Statistical Review of World Energy 2026) и рядам данных EI в базе Our World in Data; общее энергоснабжение, метод физического содержания энергии. * Производство неископаемой энергии принято равным ее потреблению и рассчитано как разность общего энергоснабжения и потребления ископаемого топлива. Возможны расхождения в последнем знаке за счет округления.

Таблица 18 – Потребление первичной энергии в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (без Китая) (ЭДж)[249]

Источник энергии	2020 год	2025 год	Изменение	Тенденции изменения
Нефть	39,1	43,9	+4,8	Рост (Индия, страны АСЕАН)
Природный газ	19,2	19,2	0,0	Стагнация после скачка цен на СПГ в 2022 г.
Уголь	37,7	45,8	+8,1	Ключевой драйвер прироста спроса (Индия)
АЭС, ГЭС и ВИЭ*	9,3	12,7	+3,4	Рост
Итого потребление	**105,3**	**121,6**	**+16,3**	Рост на 15%; крупнейший импортный дефицит среди рассматриваемых регионов

Потребление первичной энергии в Азиатско-Тихоокеанском регионе (без Китая) выросло за 2020–2025 гг. на 15% – до 121,6 ЭДж, что делает регион одним из главных драйверов увеличения глобального спроса. Регион имеет наибольший среди рассматриваемых регионов импортный дефицит (–36,9 ЭДж в 2025 г.), а его энергетический баланс характеризуется сильным структурным креном в сторону угля и нефти (почти три четверти потребления).

Страны Ближнего Востока (включая Саудовскую Аравию, Иран, ОАЭ, Ирак, Катар и Кувейт) занимают критически важное место в глобальном энергобалансе, выступая как крупнейший в мире регион-экспортер нефти и природного газа. Данные о динамике производства первичной энергии в этих странах за 2020 и 2025 годы представлены в табл. 19.

Таблица 19 – Производство первичной энергии в странах Ближнего Востока (ЭДж)[250]

[249] Источник: составлено автором по данным Energy Institute (Statistical Review of World Energy 2026) и рядам данных EI в базе Our World in Data; общее энергоснабжение, метод физического содержания энергии. * Производство неископаемой энергии принято равным ее потреблению и рассчитано как разность общего энергоснабжения и потребления ископаемого топлива. Возможны расхождения в последнем знаке за счет округления.

[250] Источник: составлено автором по данным Energy Institute (Statistical Review of World Energy 2026) и рядам данных EI в базе Our World in Data; общее энергоснабжение, метод физического содержания энергии. * Производство неископаемой энергии принято равным ее потреблению и рассчитано как разность общего энергоснабжения и потребления ископаемого топлива. Возможны расхождения в последнем знаке за счет округления.

Источник энергии	2020 год	2025 год	Изменение	Тенденции изменения
Нефть	54,5	60,9	+6,4	Рост в рамках квот ОПЕК+
Природный газ	24,0	27,3	+3,3	Рост (Катар, Иран, Саудовская Аравия)
Уголь	<0,1	<0,1	0,0	Практически отсутствует
АЭС, ГЭС и ВИЭ*	0,3	0,8	+0,5	Рост с низкой базы (АЭС «Барака», солнечная энергетика)
Итого производство	**78,9**	**89,1**	**+10,2**	Рост на 13%

Производство первичной энергии на Ближнем Востоке выросло за 2020–2025 гг. на 13% – до 89,1 ЭДж; его динамика в значительной мере определялась соглашениями ОПЕК+ о квотах на добычу нефти. Углеводороды сохраняют абсолютное доминирование, обеспечивая около 99% производства. Наибольший абсолютный прирост пришелся на нефть (+6,4 ЭДж), добыча газа выросла на 3,3 ЭДж, что отражает наращивание мощностей как для внутреннего потребления, так и для экспорта СПГ. Наиболее выраженная динамика в процентном отношении наблюдается в сегменте неископаемых источников (ввод АЭС «Барака» в ОАЭ, солнечные электростанции), хотя их вклад остается незначительным. Динамика потребления первичной энергии в странах Ближнего Востока представлена в табл. 20.

Таблица 20 – Потребление первичной энергии в странах Ближнего Востока (ЭДж)[251]

Источник энергии	2020 год	2025 год	Изменение	Тенденции изменения
Нефть	15,8	18,5	+2,7	Рост
Природный газ	19,9	22,3	+2,4	Доминирующий источник
Уголь	0,4	0,3	–0,1	Минимальный вклад
АЭС, ГЭС и ВИЭ*	0,3	0,8	+0,5	Рост с низкой базы
Итого потребление	**36,3**	**42,0**	**+5,7**	Рост на 15%; около 97% потребления – нефть и газ

[251] Источник: составлено автором по данным Energy Institute (Statistical Review of World Energy 2026) и рядам данных EI в базе Our World in Data; общее энергоснабжение, метод физического содержания энергии. * Производство неископаемой энергии принято равным ее потреблению и рассчитано как разность общего энергоснабжения и потребления ископаемого топлива. Возможны расхождения в последнем знаке за счет округления.

Потребление первичной энергии на Ближнем Востоке выросло за 2020–2025 гг. на 15% – с 36,3 до 42,0 ЭДж, что обусловлено высокими темпами роста населения, урбанизацией и значительной потребностью в электроэнергии для опреснения и кондиционирования. Несмотря на усилия по диверсификации, потребление региона остается критически зависимым от нефти и газа (около 97%). При этом Ближний Восток продолжает выступать ключевым глобальным поставщиком ископаемого топлива с крупнейшим среди рассматриваемых регионов экспортным профицитом (+47,1 ЭДж в 2025 г.), а его производственная структура остается глубоко ориентированной на экспорт углеводородов.

Страны Европейского союза (ЕС-27) формируют специфический энергетический ландшафт среди крупнейших мировых экономических блоков, поскольку их структура потребления определяется не экспоненциальным ростом, а, напротив, агрессивной политикой декарбонизации и повышения энергоэффективности. Динамика производства первичной энергии в Евросоюзе представлена в табл. 21.

Таблица 21 – Производство первичной энергии в Евросоюзе (ЭДж)[252]

Источник энергии	2020 год	2025 год	Изменение	Тенденции изменения
Нефть	0,8	0,7	–0,1	Незначительная добыча
Природный газ	1,7	1,2	–0,5	Сокращение (свертывание добычи в Нидерландах)
Уголь	3,7	2,8	–0,9	Сокращение
АЭС, ГЭС и ВИЭ*	13,4	14,0	+0,6	Рост за счет ВИЭ
Итого производство	**19,6**	**18,7**	**–0,9**	Сокращение на 4%; около трех четвертей производства – неископаемые источники

Производство первичной энергии в Европейском союзе в 2020–2025 гг. сократилось на 4% (с 19,6 до 18,7 ЭДж), что является результатом

[252] Источник: составлено автором по данным Energy Institute (Statistical Review of World Energy 2026) и рядам данных EI в базе Our World in Data; общее энергоснабжение, метод физического содержания энергии. * Производство неископаемой энергии принято равным ее потреблению и рассчитано как разность общего энергоснабжения и потребления ископаемого топлива. Возможны расхождения в последнем знаке за счет округления.

противоборства двух тенденций: свертывания внутренней добычи ископаемого топлива (прежде всего газа в Нидерландах) и ввода низкоуглеродных мощностей. Единственным растущим сегментом производства стали ВИЭ; вместе с атомной и гидроэнергетикой неископаемые источники обеспечивают около трех четвертей производства. Таким образом, производственная база ЕС становится все более низкоуглеродной, однако покрывает лишь около 36% потребления, что сохраняет критическую зависимость Союза от импорта энергоресурсов. Объем потребления первичной энергии в Евросоюзе представлен в табл. 22.

Таблица 22 – Потребление первичной энергии в Евросоюзе (ЭДж)[253]

Источник энергии	2020 год	2025 год	Изменение	Тенденции изменения
Нефть	20,4	21,8	+1,4	Рост после пандемического спада
Природный газ	13,7	11,9	–1,8	Сокращение на 13% (отказ от российского газа, энергосбережение)
Уголь	6,0	4,6	–1,4	Сокращение на 24%
АЭС, ГЭС и ВИЭ*	13,4	14,0	+0,6	Рост
Итого потребление	**53,5**	**52,2**	**–1,3**	Снижение; собственное производство покрывает около 36% потребления

Европейский союз демонстрирует траекторию снижения потребления первичной энергии – с 53,5 ЭДж в 2020 г. до 52,2 ЭДж в 2025 г., при том что 2020 г. сам был годом пандемического спада. Главной особенностью периода стало резкое сокращение потребления природного газа (на 13%) и угля (на 24%), вызванное как стратегией декарбонизации, так и отказом от российских энергоносителей. Неископаемые источники выросли на 0,6 ЭДж, а потребление нефти восстановилось после пандемического спада (+1,4 ЭДж). Таким образом, ЕС выступает лидером по темпам декарбонизации, однако

[253] Источник: составлено автором по данным Energy Institute (Statistical Review of World Energy 2026) и рядам данных EI в базе Our World in Data; общее энергоснабжение, метод физического содержания энергии. * Производство неископаемой энергии принято равным ее потреблению и рассчитано как разность общего энергоснабжения и потребления ископаемого топлива. Возможны расхождения в последнем знаке за счет округления.

платой за это становится сохранение критической зависимости от импорта энергоресурсов и снижение промышленной конкурентоспособности.

Российская Федерация занимает уникальное место в глобальной энергетической системе, являясь одним из крупнейших в мире нетто-экспортеров энергии с критической зависимостью от углеводородов. Представленные ниже данные детализируют структуру производства первичной энергии в России за 2020 и 2025 годы (табл. 23).

Таблица 23 – Производство первичной энергии в России (ЭДж)[254]

Источник энергии	2020 год	2025 год	Изменение	Тенденции изменения
Нефть	22,0	21,9	–0,1	Стабильность (с учетом конденсата и ШФЛУ) при квотах ОПЕК+ и санкциях
Природный газ	23,0	21,9	–1,1	Снижение на 5% из-за утраты европейского рынка
Уголь	8,4	9,2	+0,8	Рост при переориентации экспорта в Азию
АЭС, ГЭС и ВИЭ*	3,2	3,2	0,0	Стабильность (АЭС и ГЭС)
Итого производство	**56,5**	**56,2**	**–0,3**	Незначительное снижение

Производство первичной энергии в России в 2020–2025 гг. незначительно сократилось (с 56,5 до 56,2 ЭДж), что обусловлено воздействием санкций на экспорт газа. Наиболее существенное снижение зафиксировано в добыче природного газа (–1,1 ЭДж, или 5%), вызванное утратой большей части европейского рынка. Добыча нефти (с учетом газового конденсата) осталась практически на уровне 2020 г. (около 22 ЭДж) под действием квот ОПЕК+ и санкционных ограничений, а добыча угля увеличилась на 9% при переориентации экспорта в Азию. Вклад неископаемых источников (АЭС и ГЭС) стабилен, а роль новых ВИЭ остается

[254] Источник: составлено автором по данным Energy Institute (Statistical Review of World Energy 2026) и рядам данных EI в базе Our World in Data; общее энергоснабжение, метод физического содержания энергии. * Производство неископаемой энергии принято равным ее потреблению и рассчитано как разность общего энергоснабжения и потребления ископаемого топлива. Возможны расхождения в последнем знаке за счет округления.

маргинальной, что отличает производственный профиль России от глобальных трендов декарбонизации. Таким образом, хотя производственный потенциал России сохраняется на высоком уровне, его динамика критически зависит от конъюнктуры мировых рынков и геополитической ситуации. Объем потребления первичной энергии в России представлен в табл. 24.

Таблица 24 – Потребление первичной энергии в России (ЭДж)[255]

Источник энергии	2020 год	2025 год	Изменение	Тенденции изменения
Нефть	6,5	7,2	+0,7	Рост
Природный газ	15,2	17,3	+2,1	Рост; газ – более половины потребления
Уголь	3,3	3,6	+0,3	Рост
АЭС, ГЭС и ВИЭ*	3,2	3,2	0,0	Стабильность
Итого потребление	**28,2**	**31,2**	**+3,0**	Рост на 11%

Потребление первичной энергии в России выросло с 28,2 до 31,2 ЭДж (+11%), прежде всего за счет газа, на который приходится более половины потребления (55% в 2025 г.); сохранение значимой роли угля отличает Россию от развитых стран, где его доля резко сокращается, а вклад новых ВИЭ остается маргинальным.

Таким образом, российский ТЭК в 2020–2025 гг. пережил глубокую структурную трансформацию, затронувшую прежде всего географию экспорта и газовый сектор. Производство первичной энергии незначительно сократилось (до 56,2 ЭДж), при этом внутреннее потребление выросло (до 31,2 ЭДж), что сократило экспортный профицит с 28,3 до 25,0 ЭДж. Россия сохранила позиции ресурсной державы, но приобрела черты гибридной модели, вынужденно комбинируя ресурсные, инфраструктурные и институциональные инструменты влияния в рамках евразийского контура.

[255] Источник: составлено автором по данным Energy Institute (Statistical Review of World Energy 2026) и рядам данных EI в базе Our World in Data; общее энергоснабжение, метод физического содержания энергии. * Производство неископаемой энергии принято равным ее потреблению и рассчитано как разность общего энергоснабжения и потребления ископаемого топлива. Возможны расхождения в последнем знаке за счет округления.

Сводный анализ энергетического баланса рассмотренных регионов представлен в табл. 25.

Таблица 25 – Сводный анализ энергетического баланса ключевых регионов[256]

Страна / регион	**Производство, ЭДж (2025)**	**Потребление, ЭДж (2025)**	**Сальдо: экспорт (+) / импорт (–), ЭДж**	**Доминирующий источник**	**Тип державности**
США	102,7	93,8	+8,9	Нефть и газ	Ресурсно-технологическая
Ближний Восток	89,1	42,0	+47,1	Нефть (производство), газ и нефть (потребление)	Ресурсная
Россия	56,2	31,2	+25,0	Нефть и газ	Ресурсная (гибридная)
Китай	133,4	162,2	–28,8	Уголь	Технологическая
ЕС-27	18,7	52,2	–33,5	Неископаемые источники (производство), нефть (потребление)	Нормативная
АТР (без Китая)	84,7	121,6	–36,9	Уголь и нефть	Импортозависимый регион

Сводный анализ энергетических балансов ключевых регионов по состоянию на 2025 г. позволяет зафиксировать несколько фундаментальных закономерностей. Во-первых, глобальная энергетическая система остается глубоко асимметричной: три центра силы – США, Ближний Восток и Россия – обеспечивают основной экспортный профицит (совокупно +81,0 ЭДж), тогда как Китай, АТР и ЕС формируют импортный дефицит (совокупно –99,2 ЭДж). Во-вторых, доминирующие источники энергии в регионах отражают их тип державности: ресурсные державы опираются на нефть и газ, технологические – на уголь и ВИЭ, нормативные – на ВИЭ при сохранении импортной зависимости. В-третьих, данная конфигурация создает структурные предпосылки для сохранения конкурентной фрагментации: экспортеры заинтересованы в диверсификации рынков сбыта, импортеры – в

[256] Источник: составлено автором по данным табл. 13–24. Сальдо рассчитано как разность приведенных в таблице округленных значений производства и потребления.

диверсификации поставщиков, а технологические лидеры – в контроле над цепочками поставок критических материалов и оборудования.

Проведенный анализ энергетических балансов ключевых регионов за 2020–2025 гг. создает эмпирическую основу для сценарного прогнозирования дальнейшей эволюции глобальной энергетической системы. Ниже представлены три альтернативных сценария, операционализированные через систему количественных и качественных индикаторов.

Сценарий 1: *Углубление фрагментации («Энергетический раскол»).* Предполагает дальнейшее обострение геополитического противостояния, расширение санкционных режимов и окончательное закрепление параллельных институциональных и инфраструктурных контуров. Индикаторы: доля расчетов в национальных валютах и альтернативных платежных системах между странами незападного контура превышает 70%; количество государств, присоединившихся к вторичным санкциям или ограничивших энергетическое сотрудничество с противоположным контуром, увеличивается не менее чем на треть относительно уровня 2026 года; среднегодовая цена нефти устойчиво держится в коридоре, определяемом дисконтами и премиями, привязанными к политической ориентации покупателя (разрыв между ценовыми бенчмарками контуров превышает 15%). Вероятность реализации оценивается как умеренно высокая (35–45%) при сохранении текущего уровня конфронтации.

Сценарий 2: Стабилизация фрагментированной системы («Конкурентное сосуществование»). Предполагает установление нового равновесия, при котором конкурирующие контуры де-факто признают существование друг друга и вырабатывают ограниченные правила взаимодействия. Индикаторы: доля расчетов в национальных валютах стабилизируется в диапазоне 40–60%, не демонстрируя выраженной повышательной динамики; фиксируются устойчивые каналы трансграничной торговли энергоресурсами между контурами (не менее 25–30% от докризисного объема) с использованием специальных платежных

механизмов; число государств, одновременно участвующих в институтах обоих контуров, не сокращается; ценовой разрыв между бенчмарками сужается до 5–10%. Вероятность – умеренная (30–40%), повышается в случае частичной деэскалации конфронтации.

Сценарий 3: Частичная реинтеграция («Прагматический поворот»). Предполагает, что императивы энергетического перехода и экономическая логика возобладают над геополитической конфронтацией. Индикаторы: запущены переговорные форматы по восстановлению отдельных элементов энергетического сотрудничества; доля расчетов в национальных валютах снижается или стабилизируется на уровне не выше 35%; санкционные режимы в энергетической сфере смягчаются (отмена не менее 30% ограничений, введенных в 2022–2026 гг.); восстанавливается координация в рамках многосторонних климатических и энергетических институтов с участием представителей обоих контуров. Вероятность – низкая (15–25%) в текущих геополитических условиях, однако может существенно возрасти в случае масштабного экономического кризиса в странах-инициаторах санкций или смены политического руководства в ключевых государствах западного контура. Ключевые индикаторы сценарного прогноза систематизированы в табл. 26.

Таблица 26 – Ключевые индикаторы сценарного прогноза[257]

Индикатор	**Сценарий 1 «Энергетический раскол»**	**Сценарий 2 «Конкурентное сосуществование»**	**Сценарий 3 «Прагматический поворот»**
Доля расчетов в национальных валютах в незападном контуре	>70%	40–60%	<35%
Ценовой разрыв между бенчмарками контуров	>15%	5–10%	<5%
Число стран, присоединившихся к санкциям	рост на >30%	стабилизация	сокращение на >30%
Доля трансграничной торговли между	<10%	25–30%	>50%

[257] Источник: составлено автором.

контурами (от докризисной)			
Функционирование общих институтов	паралич	ограниченное	частичное восстановление
Оценка вероятности	35–45%	30–40%	15–25%

Экстраполяция выявленных трендов 2020–2025 гг. на среднесрочную перспективу (до 2035 г.) позволяет сформулировать следующие прогнозные оценки. Приводимые количественные ориентиры представляют собой авторские оценки, полученные экстраполяцией трендов с учетом сценариев МЭА, и носят индикативный характер.

США с высокой вероятностью закрепят статус одного из ведущих глобальных поставщиков энергоресурсов, прежде всего СПГ и нефти. При сохранении текущих темпов роста добычи совокупное производство первичной энергии может превысить 110 ЭДж, а чистый экспорт – возрасти до 10–15 ЭДж. Ключевым фактором останется способность поддерживать технологическое лидерство в сланцевой добыче и наращивать мощности СПГ-инфраструктуры. При сценарии «Энергетический раскол» США становятся главным бенефициаром фрагментации рынков, поскольку контролируют и ресурсную базу, и технологии, и финансовую инфраструктуру.

Китай сохранит статус крупнейшего среди отдельных государств импортера энергоресурсов, однако темпы роста потребления будут постепенно замедляться по мере насыщения промышленного спроса и повышения энергоэффективности. К 2035 г. совокупное потребление может стабилизироваться на уровне 180–190 ЭДж, при этом доля неископаемых источников способна вырасти с 12,5% (2025 г.) до 20% и более, а доля угля – снизиться с 57% до 45–50%. Ключевой интригой остается вопрос: удастся ли Пекину сохранить доступ к обоим контурам (западные технологии и российские ресурсы) или геополитическое давление вынудит его к жесткому выбору, что станет критической точкой бифуркации для всей глобальной энергетической архитектуры.

Индия и страны АТР станут главным драйвером глобального спроса на энергию в ближайшие 10–15 лет. Совокупное потребление региона (без Китая) может вырасти до 150–160 ЭДж к 2035 г. Индия обгонит Китай по темпам роста импорта нефти и газа, а ее зависимость от ближневосточных поставок возрастет. При сценарии «Энергетический раскол» именно страны Южной и Юго-Восточной Азии окажутся в наиболее уязвимом положении из-за недиверсифицированной структуры поставок и ограниченных финансовых возможностей для создания стратегических резервов.

Ближний Восток сохранит позиции крупнейшего экспортера, однако его доля на рынке может сократиться под давлением американских и российских поставок. Внутреннее потребление продолжит расти (до 50–55 ЭДж к 2035 г.), сокращая экспортный профицит. Ключевой развилкой станет способность монархий Персидского залива конвертировать нефтяные доходы в технологическую модернизацию до того, как глобальный энергопереход начнет необратимо снижать спрос на ископаемое топливо.

Европейский союз продолжит снижение совокупного потребления – до 48–50 ЭДж к 2035 г. – за счет энергоэффективности и дальнейшей декарбонизации. Однако зависимость от импорта сохранится на критически высоком уровне (55–60% потребления), а политическая устойчивость «Зеленого курса» будет зависеть от способности Брюсселя сбалансировать климатические цели с промышленной конкурентоспособностью. При сценарии «Прагматический поворот» возможно частичное восстановление трубопроводных поставок из России; при сценарии «Энергетический раскол» ЕС столкнется с затяжным периодом высоких цен на энергию и риском деиндустриализации.

Российская Федерация стабилизирует производство в диапазоне 55–58 ЭДж, при этом структура экспорта окончательно сместится в Азию (до 85–90% нефтяного и 60–65% газового экспорта). Внутреннее потребление будет расти медленно – до 33–35 ЭДж к 2035 г. Ключевым ограничением останется технологическое отставание в высокотехнологичных сегментах. При сценарии

«Прагматический поворот» возможно частичное возвращение на европейский рынок и смягчение санкционных режимов; при сценарии «Энергетический раскол» – дальнейшая консолидация евразийского контура с углублением асимметричной зависимости от Китая.

В целом прогнозная динамика энергобалансов указывает на сохранение фундаментальной асимметрии между экспортерами и импортерами при одновременном нарастании конкуренции за технологическое лидерство. Окончательная траектория будет определяться не столько ресурсными или экономическими факторами, сколько политическим выбором ведущих держав в горизонте до 2035 г., что полностью соответствует логике конкурентной фрагментации и сценарной рамке, разработанной в настоящем исследовании.

По результатам исследования тенденций изменения энергетического баланса ключевых регионов в свете возрастающей геополитической неопределенности можно сделать следующие **выводы:**

Во-первых, США и Ближний Восток в период 2020–2025 гг. укрепили позиции ведущих глобальных экспортеров энергоресурсов, обеспечивая основной профицит энергетического баланса (совокупно +56,0 ЭДж). Производство первичной энергии в США достигло исторического максимума (102,7 ЭДж в 2025 г.), закрепив за страной статус ресурсно-технологической державы, тогда как Ближний Восток сохранил роль крупнейшего поставщика нефти и газа при одновременном росте инвестиций в солнечную энергетику и СПГ-инфраструктуру.

Во-вторых, Китай остается крупнейшим среди отдельных государств нетто-импортером энергии (–28,8 ЭДж), реализуя стратегию «двух треков»: наращивание добычи и потребления угля для обеспечения экономического роста сочетается с беспрецедентными инвестициями в ВИЭ, что закрепляет за ним позицию технологической державы, контролирующей цепочки поставок для глобального энергоперехода.

В-третьих, Азиатско-Тихоокеанский регион (без Китая) является одним из главных драйверов глобального роста спроса на энергию и имеет

наибольший среди рассматриваемых регионов импортный дефицит (–36,9 ЭДж), сохраняя высокую зависимость от угля и нефти. Несмотря на активное развитие ВИЭ, их рост не успевает за общим ростом потребления, что усиливает геополитическую уязвимость региона.

В-четвертых, Европейский союз демонстрирует траекторию сокращения энергопотребления (с 53,5 до 52,2 ЭДж в 2020–2025 гг. при резком сокращении потребления газа и угля) при форсированной декарбонизации, оставаясь одним из крупнейших нетто-импортеров (–33,5 ЭДж). Платой за климатическое лидерство становится сохранение критической зависимости от импорта и снижение промышленной конкурентоспособности.

В-пятых, российский ТЭК в 2020–2025 гг. пережил глубокую структурную трансформацию, затронувшую прежде всего географию экспорта и газовый сектор. При незначительном сокращении производства (до 56,2 ЭДж) и росте потребления (до 31,2 ЭДж) Россия сохранила позиции ресурсной державы, но приобрела черты гибридной модели, комбинируя ресурсные, инфраструктурные и институциональные инструменты влияния в рамках евразийского контура.

В-шестых, зафиксированные количественные сдвиги 2020–2025 гг. создают эмпирическую основу для сценарного прогнозирования. Три альтернативных сценария – «Энергетический раскол», «Конкурентное сосуществование» и «Прагматический поворот» – по-разному распределяют выгоды и издержки между типами энергетических держав, а прогноз до 2035 г. указывает на сохранение фундаментальной асимметрии между экспортерами и импортерами при нарастании конкуренции за технологическое лидерство. Выбор между сценариями будет определяться не столько динамикой энергобалансов, сколько политическими решениями ведущих держав.

§2. Энергетический суверенитет России в условиях реконфигурации мирового порядка

Глобальный топливно-энергетический комплекс находится на пороге беспрецедентной трансформации, обусловленной конвергенцией множественных факторов, включающих императивы климатической политики, технологические прорывы в области возобновляемой энергетики и систем накопления энергии, изменение паттернов энергопотребления в условиях цифровизации экономики, а также фундаментальную реконфигурацию геополитического ландшафта, характеризующуюся усилением многополярности, формированием новых энергетических альянсов и пересмотром устоявшихся торговых маршрутов. Энергетический переход, первоначально концептуализированный преимущественно в технократических и экологических терминах, приобретает все более выраженное геополитическое и геоэкономическое измерение, поскольку контроль над критическими минералами, технологиями низкоуглеродной энергетики и водородной инфраструктурой становится новым источником международной конкуренции и стратегического влияния, сопоставимым по значимости с контролем над запасами углеводородов в предшествующую эпоху[258].

Трансформация мирового топливно-энергетического комплекса в период до 2040–2050 годов определяется взаимодействием трех групп факторов: климатической политики, направленной на достижение углеродной нейтральности, технологических инноваций, радикально снижающих стоимость альтернативных источников энергии, и геополитической реконфигурации, смещающей центр тяжести энергопотребления в Азиатско-Тихоокеанский регион (рис. 21).

[258] Lesage, D. Global Energy Governance in a Multipolar World / D. Lesage, T. Van de Graaf, K. Westphal. – London : Routledge, 2016. – 234 p. – ISBN 978-1-315-58480-5.

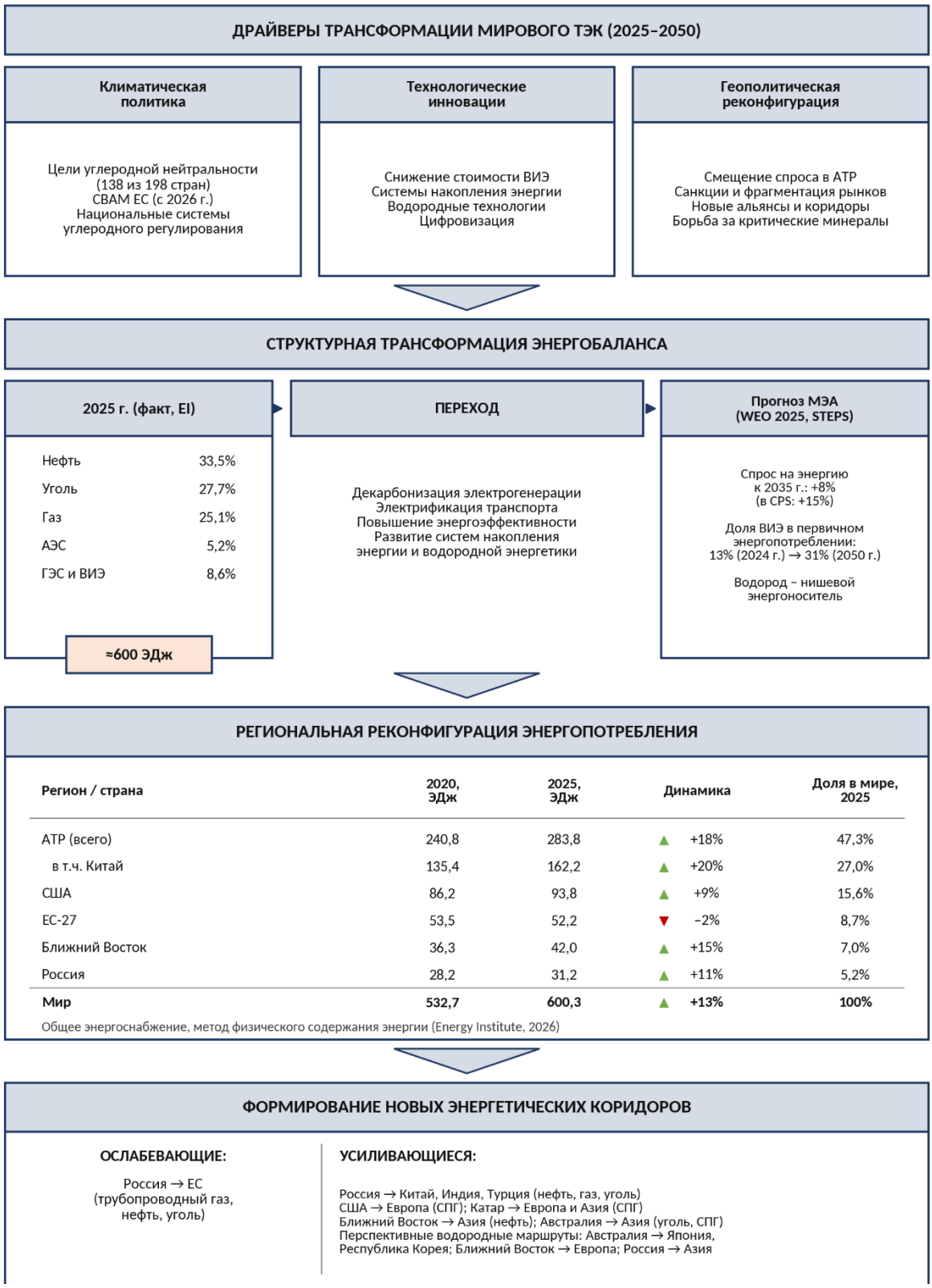

Рисунок 21 – Глобальные тренды развития мирового ТЭК

Источник: составлено автором по данным Energy Institute (Statistical Review of World Energy 2026), МЭА (World Energy Outlook 2025) и Net Zero Tracker

В среднесрочной перспективе трансформация мирового топливно-энергетического комплекса будет определяться пятью ключевыми

особенностями, формирующими стратегический контекст для энергетической политики национальных государств и корпоративных стратегий транснациональных энергетических компаний.

Во-первых, структурная трансформация глобального энергобаланса сопровождается снижением доли ископаемых энергоносителей при опережающем росте возобновляемых источников: в сценарии заявленных политик МЭА доля ВИЭ в первичном энергопотреблении возрастает с 13% в 2024 г. до 31% в 2050 г.[259], тогда как водород пока остается перспективным, но нишевым энергоносителем. Это свидетельствует о постепенном и неравномерном характере энергетического перехода.

Во-вторых, географическая реконфигурация энергопотребления со смещением центра тяжести в Азиатско-Тихоокеанский регион, на который в 2025 г. приходилось около 47% мирового потребления первичной энергии[260], а в перспективе будет приходиться более половины, влечет за собой формирование новых энергетических коридоров, связывающих производителей с динамично развивающимися азиатскими рынками, в то время как традиционные маршруты поставок в Европу постепенно утрачивают свое доминирующее значение.

В-третьих, технологические приоритеты энергетического перехода концентрируются вокруг трех взаимодополняющих направлений – водородной энергетики, систем накопления электроэнергии и технологий улавливания углерода, совокупное развитие которых создает технологическую основу для декарбонизации труднодоступных секторов экономики и обеспечения надежности энергоснабжения при высокой доле переменной генерации ВИЭ.

---

[259] World Energy Outlook 2025 / International Energy Agency. – Paris : IEA, 2025. – URL: https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2025 (дата обращения: 09.09.2026).

[260] Statistical Review of World Energy 2026 / Energy Institute. – 75th ed. – 2026. – URL: https://www.energyinst.org/__data/assets/file/0004/1827616/Statistical-Review-of-World-Energy-PDF-Report.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

В-четвертых, введение углеродного регулирования и трансграничных корректировочных механизмов формирует систему торговых барьеров, дискриминирующих производителей с высокой углеродной интенсивностью продукции и создающих императив для инвестиций в технологии декарбонизации как условие сохранения доступа к ключевым рынкам сбыта.

В-пятых, геополитическая фрагментация энергетических рынков, обусловленная санкционным давлением и формированием региональных энергетических блоков, снижает эффективность глобального распределения энергетических ресурсов и стимулирует развитие альтернативных механизмов международного сотрудничества за пределами традиционной западноцентричной институциональной архитектуры.

Российская Федерация, являющаяся одним из ключевых игроков глобального энергетического рынка благодаря обладанию крупнейшими в мире доказанными запасами природного газа, вторыми по величине запасами угля и одними из крупнейших (входящими в первую десятку) запасами нефти, а также развитой экспортной инфраструктурой и технологическими компетенциями в области атомной энергетики, сталкивается с необходимостью стратегической адаптации своей энергетической политики и экономической модели к радикально меняющимся условиям функционирования мирового топливно-энергетического комплекса. Перспективное сокращение глобального спроса на ископаемые энергоносители в результате декарбонизации ключевых секторов экономики развитых стран, усиление санкционного давления и ограничение доступа к западным рынкам сбыта и технологиям, а также необходимость масштабной модернизации энергетической инфраструктуры формируют комплекс вызовов, требующих выработки долгосрочной стратегии, балансирующей между максимизацией выгод от существующих конкурентных преимуществ в

традиционной энергетике и постепенной трансформацией экспортной модели в направлении низкоуглеродных энергоносителей и технологий[261].

Систематический анализ стратегического позиционирования Российской Федерации в трансформирующейся архитектуре мирового топливно-энергетического комплекса требует комплексной оценки сильных и слабых сторон национальной энергетической системы, а также возможностей и угроз, формируемых внешней средой, что может быть структурировано в формате SWOT-анализа (табл. 27).

Таблица 27 – SWOT-анализ позиции России в будущем мировом ТЭК

СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ (STRENGTHS)	**СЛАБЫЕ СТОРОНЫ (WEAKNESSES)**
❑ Крупнейшие доказанные запасы природного газа (37,4 трлн м³ по данным EI на конец 2020 г.) и вторые по величине запасы угля (162 млрд т) ❑ Диверсифицированная ресурсная база углеводородов и минерального сырья ❑ Развитая экспортная инфраструктура (трубопроводы, терминалы СПГ, нефтепроводы) ❑ Мировое лидерство в экспорте АЭС (российские проекты – большинство реакторов, сооружаемых иностранными поставщиками за рубежом) ❑ Значительный потенциал экспорта низкоуглеродного водорода (Концепция 2021 г.: 2–12 млн т к 2035 г.) ❑ Уникальное географическое положение между Европой и Азией ❑ Высокая доля низкоуглеродной генерации (ГЭС и АЭС – более трети выработки) ❑ Компетенции в арктических технологиях и освоении шельфа	❑ Значительная зависимость федерального бюджета от нефтегазовых доходов (около 30% в 2023–2024 гг., 23% в 2025 г.) ❑ Технологическое отставание в сфере ВИЭ, накопителей энергии и цифровизации энергосистем ❑ Моральный и физический износ генерирующего оборудования (средний возраст ТЭС 35–40 лет) ❑ Ограниченный доступ к международным финансовым рынкам и передовым технологиям ❑ Концентрация экспорта на ограниченном числе направлений (Европа – около двух третей экспорта газа до 2022 г.) ❑ Недостаточная глубина переработки нефти (82% против 95% в развитых странах) ❑ Слабое развитие рынка газомоторного топлива и газификации регионов
ВОЗМОЖНОСТИ (OPPORTUNITIES)	**УГРОЗЫ (THREATS)**
❑ Растущий спрос на энергоносители в АТР ❑ Развитие экспорта водорода и его производных (аммиак, метанол) на азиатские рынки ❑ Углубление энергетического сотрудничества с Китаем, Индией и странами Южной и Юго-Восточной Азии ❑ Модернизация энергетической инфраструктуры на базе отечественных технологий ❑ Создание производств оборудования для ВИЭ, ориентированных на евразийский рынок ❑ Развитие СПГ-проектов с использованием Северного морского пути ❑ Расширение экспорта ядерных технологий и услуг топливного цикла ❑ Монетизация ПНГ и развитие газохимии ❑ Формирование альтернативных платежных систем в национальных валютах (БРИКС и др.)	❑ Структурное сокращение глобального спроса на ископаемое топливо (пик нефти к 2030 г.) ❑ Усиление санкционного давления со стороны западных стран ❑ Конкуренция со стороны ближневосточных производителей (Катар, Саудовская Аравия, ОАЭ) на азиатских рынках ❑ Введение трансграничного углеродного регулирования (CBAM и аналоги) ❑ Рост доли «stranded assets» в углеводородном секторе ❑ Риск зависимого импорта критического оборудования

[261] bp Statistical Review of World Energy 2022 / bp. – 2022. – URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

❑ Цифровизация и автоматизация добычи и транспортировки ❑ Развитие энергетической интеграции в рамках ЕАЭС	❑ Конкуренция в экспорте ядерных реакторов (Китай, Республика Корея, США) ❑ Климатические изменения и воздействие на арктическую инфраструктуру и мерзлоту ❑ Рост стоимости капитала и ограничение инвестиций ❑ Потенциальное ослабление рубля как расчетной валюты

Источник: составлено автором

Формирование подходов к адаптации российского топливно-энергетического комплекса к трансформирующимся условиям функционирования мирового энергетического рынка требует дифференцированного рассмотрения приоритетов и мероприятий на различных временных горизонтах, учитывающего как необходимость максимизации экономических выгод от существующих конкурентных преимуществ в традиционной энергетике в краткосрочной и среднесрочной перспективе, так и императив постепенной трансформации экспортной модели и диверсификации энергетического портфеля в направлении низкоуглеродных технологий в долгосрочной перспективе. Приводимые ниже количественные ориентиры представляют собой авторские оценки, сформированные с учетом целевых показателей Энергетической стратегии Российской Федерации до 2050 г. и отраслевых программ, и носят индикативный характер.

Ускоренная диверсификация географической структуры энергетического экспорта с приоритизацией восточного направления может включать строительство и ввод в эксплуатацию газопровода «Сила Сибири – 2» проектной мощностью 50 млрд м³ в год (дополнительный маршрут поставок природного газа в Китай), расширение мощностей трубопроводной системы ВСТО для увеличения поставок нефти на азиатско-тихоокеанские рынки до 80–90 миллионов тонн в год, а также развитие железнодорожной логистики для экспорта нефтепродуктов и сжиженного природного газа в восточном направлении. Наращивание производственных мощностей СПГ с

приоритизацией проектов, обладающих наилучшими технико-экономическими показателями и доступом к ресурсной базе, способно обеспечить увеличение совокупного производства до 80–100 миллионов тонн в год к 2030 году, что позволило бы России войти в число крупнейших мировых производителей СПГ наряду с США, Катаром и Австралией[262]. Вместе с тем в условиях санкций сроки достижения этого ориентира сдвигаются, а ввод к 2030 г., по оценке МЭА, около 300 млрд м³ в год новых мировых экспортных мощностей СПГ повышает риск избытка предложения на рынке[263].

Модернизация нефтеперерабатывающих мощностей с целью повышения глубины переработки до 88–90% и улучшения качества выпускаемых нефтепродуктов в соответствии с международными экологическими стандартами может включать строительство установок гидрокрекинга, каталитического крекинга, гидроочистки и изомеризации совокупной мощностью по переработке 80 – 100 миллионов тонн нефти в год, что потребует инвестиций в размере 2,5 – 3,0 триллионов рублей, но обеспечит увеличение выпуска высокомаржинальных светлых нефтепродуктов, снижение производства мазута и соответствие продукции требованиям экологических стандартов Евро-5 и Евро-6, что критически важно для сохранения конкурентоспособности на международных рынках в условиях ужесточения экологического регулирования[264].

Ускоренное развитие газификации регионов и расширение использования природного газа в качестве моторного топлива могло бы обеспечить увеличение уровня газификации с текущих 72–73% до 82–85% к 2030 году посредством строительства распределительных газовых сетей

[262] Об утверждении долгосрочной программы развития производства сжиженного природного газа в Российской Федерации : распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.03.2021 № 640-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

[263] World Energy Outlook 2025 / International Energy Agency. – Paris : IEA, 2025. – URL: https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2025 (дата обращения: 09.09.2026).

[264] Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.04.2025 № 908-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

протяженностью 150–180 тысяч километров с приоритизацией регионов с наиболее благоприятными технико-экономическими условиями газификации, а также развитие инфраструктуры газозаправочных станций для автомобильного транспорта, количество которых должно увеличиться с 1500–1600 до 5000–6000 объектов, что будет способствовать снижению выбросов загрязняющих веществ в городах, повышению энергетической эффективности транспортного сектора и созданию дополнительного внутреннего спроса на природный газ в объеме 15–20 миллиардов кубических метров в год.

Цифровизация энергетического сектора посредством внедрения технологий промышленного интернета вещей, искусственного интеллекта для оптимизации процессов добычи и транспортировки, цифровых двойников производственных объектов и блокчейн-платформ для управления энергетическими транзакциями может заметно повысить операционную эффективность, сократить эксплуатационные затраты и аварийность критической инфраструктуры, а создание единой цифровой платформы энергетической отрасли обеспечит долгосрочные конкурентные преимущества за счет повышения производительности труда, оптимизации логистических процессов и более точного прогнозирования технического состояния оборудования.

Формирование комплексных подходов к развитию водородной энергетики и создание экспортно-ориентированной водородной экономики предполагает строительство пилотных промышленных установок по производству «голубого» водорода с применением технологий улавливания и хранения углерода совокупной мощностью 1,5 – 2,0 миллиона тонн в год, развитие производства «зеленого» и «розового» водорода посредством электролиза воды с использованием избыточной электроэнергии ГЭС и АЭС, создание инфраструктуры для транспортировки и экспорта водорода и водородных производных, включая модернизацию существующих газопроводов для транспортировки смесей природного газа и водорода, строительство терминалов для экспорта жидкого водорода или аммиака, а

также развитие внутреннего рынка водородных технологий в транспортном секторе, промышленности и энергетике.

Выход на объем экспорта водорода от 2 до 12 млн т в год к 2035 г., предусмотренный Концепцией развития водородной энергетики, позволит России занять заметную долю формирующегося глобального рынка водорода с поставками преимущественно в страны Северо-Восточной Азии, где прогнозируется наиболее значительный спрос на импортный водород, при этом приоритизация производства низкоуглеродного водорода обеспечит конкурентоспособность российских поставок в условиях введения углеродных барьеров и преференций для низкоуглеродной продукции[265].

Масштабное развертывание возобновляемых источников энергии, преимущественно в изолированных и труднодоступных энергосистемах, где стоимость традиционной дизельной генерации является чрезмерно высокой и составляет 25–40 рублей за кВт*ч по сравнению с 3–5 рублями в объединенных энергосистемах, обеспечит ввод мощностей солнечной и ветровой генерации совокупной установленной мощностью 10 – 15 ГВт к 2040 году с приоритизацией гибридных энергетических комплексов, сочетающих ВИЭ с системами накопления энергии и резервной дизельной или газовой генерацией, что позволит сократить потребление завозного дизельного топлива на 1,5 – 2,0 миллиона тонн в год и снизить удельные затраты на энергоснабжение изолированных территорий на 30–40%[266].

Развитие отечественного производства оборудования для ВИЭ, включая создание полного цикла производства солнечных панелей с использованием поликремния российского производства, ветрогенераторов средней и большой мощности, а также систем накопления энергии на базе различных технологий, включая литий-ионные, натрий-ионные батареи и проточные окислительно-

[265] Об утверждении Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации : распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.08.2021 № 2162-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

[266] Алиев, Р. А. Изменения в соотношении генерирующих мощностей в странах мира: от ископаемого топлива к альтернативной энергетике / Р. А. Алиев, К. С. Захарчева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. – 2017. – № 2. – С. 8–17. – DOI 10.18384/2310-6646-2017-2-8-17.

восстановительные батареи, потребует государственной поддержки в форме льготного финансирования, гарантирования спроса через механизмы договоров на поставку мощности и создания благоприятной регуляторной среды[267].

Активное развертывание технологий улавливания, утилизации и хранения углерода (CCUS) на крупнейших источниках промышленных выбросов, включая тепловые электростанции, металлургические комбинаты, цементные и химические заводы, обеспечит улавливание 30–50 миллионов тонн CO_2 в год к 2040 году, что будет способствовать снижению углеродного следа экспортной продукции и повышению ее конкурентоспособности на рынках с углеродным регулированием. При этом приоритетными направлениями использования уловленного углекислого газа могут стать закачка в нефтяные пласты для повышения нефтеотдачи (технология enhanced oil recovery). Данные технологии обеспечивают экономическую окупаемость инвестиций в CCUS, производство синтетических топлив и химической продукции, а также геологическое захоронение в подходящих формациях. Создание полных производственных цепочек для энергетического оборудования, включая турбины для тепловых и атомных электростанций, гидротурбины, трансформаторы, высоковольтное оборудование, системы релейной защиты и автоматики, цифровые платформы управления энергосистемами, требует координированных усилий государства и бизнеса по стимулированию научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, созданию производственных мощностей и подготовке высококвалифицированных кадров. Реализация рассмотренных мероприятий позволит обеспечить технологический суверенитет в критически важных сегментах энергетического сектора.

Углубление энергетической интеграции в рамках Евразийского экономического союза может включать создание общего рынка

[267] Безруких, П. О развитии отечественного производства для малой и возобновляемой энергетики / П. Безруких, А. Темеров // Энергетическая политика. – 2023. – № 5 (183). – С. 68–77.

электроэнергии и газа с гармонизацией технических регламентов, тарифного регулирования и механизмов трансграничной торговли, развитие объединенной энергетической инфраструктуры, включая электрические и газовые interconnectors между национальными энергосистемами, реализацию совместных проектов в области генерации, в том числе строительство трансграничных ГЭС на реках, разделяющих территории государств-членов, а также координацию долгосрочных энергетических стратегий и политики энергетического перехода для обеспечения синергетических эффектов и предотвращения дублирования инвестиций. Расширение энергетического сотрудничества со странами Шанхайской организации сотрудничества и формат БРИКС+ будет способствовать диверсификации энергетических связей, созданию альтернативных механизмов расчетов в национальных валютах, минимизирующих зависимость от долларовой финансовой инфраструктуры, и формированию коалиции стран, отстаивающих принципы справедливого и технологически нейтрального энергетического перехода без дискриминационных торговых мер в отношении производителей углеводородов.

Одним из возможных направлений фундаментальной трансформации экспортной модели могло бы стать достижение к середине XXI века структуры энергетического экспорта, в которой доля традиционных углеводородов сократится с текущих 85–90% до 40–50%, в то время как доля водорода и его производных возрастет до 20–25%, экспорт электроэнергии, производимой из низкоуглеродных источников, составит 10–15%, а экспорт атомных технологий, оборудования для ВИЭ и услуг в области энергетического консалтинга и инжиниринга – 15–20%, что способствовало бы устойчивости экспортных доходов в условиях сокращающегося глобального спроса на ископаемые энергоносители и могло бы позволить России сохранить статус энергетической державы на качественно новой технологической основе.

Развитие малой модульной атомной энергетики (SMR) и микрореакторов мощностью от 1 до 300 МВт(э) для энергоснабжения

удаленных населенных пунктов, промышленных объектов и горнодобывающих предприятий, а также для экспорта в страны, не обладающие инфраструктурой для эксплуатации крупных АЭС, может стать приоритетным направлением развития российской атомной отрасли, обладающей уникальными компетенциями в области реакторов малой мощности, включая опыт эксплуатации плавучей атомной электростанции «Академик Ломоносов» и разработку линейки транспортабельных ядерных энергетических установок различной мощности.

Создание серийного производства SMR с унифицированными модульными конструкциями, обеспечивающими заводское изготовление основных компонентов, сокращение сроков строительства до 18–24 месяцев и снижение удельных капитальных затрат до 4000–5000 USD за кВт установленной мощности, позволит обеспечить конкурентоспособность малых АЭС по сравнению с дизельной генерацией и создать экспортный потенциал на рынках развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, где прогнозируется значительный рост спроса на надежное и низкоуглеродное электроснабжение.

Формирование циркулярной экономики в энергетическом секторе посредством максимизации повторного использования, рециклинга и утилизации материалов и компонентов энергетического оборудования может включать создание инфраструктуры для переработки отработавших солнечных панелей, ветрогенераторов и аккумуляторных батарей с извлечением критических материалов, включая кремний, редкоземельные элементы, литий, кобальт и никель, развитие технологий восстановления и продления срока службы энергетического оборудования, а также внедрение принципов экодизайна при проектировании новых энергетических объектов, обеспечивающих минимизацию воздействия на окружающую среду на протяжении всего жизненного цикла от производства до вывода из эксплуатации.

Достижение технологического лидерства в отдельных перспективных нишах глобального энергетического рынка, включая арктические энергетические технологии, адаптированные к экстремальным климатическим условиям, реакторы на быстрых нейтронах с замкнутым топливным циклом, обеспечивающие многократное использование ядерного топлива и минимизацию радиоактивных отходов, технологии производства синтетических углеводородов из CO_2 и водорода (Power-to-X), а также специализированные решения для энергоснабжения изолированных территорий с суровыми климатическими условиями, может обеспечить России устойчивые конкурентные преимущества и позиции на нишевых рынках с высокой добавленной стоимостью, несмотря на общее сокращение доли в глобальных энергетических потоках.

Реализация Энергетической стратегии Российской Федерации до 2050 года призвана обеспечить согласованность целей энергетической политики с императивами климатической повестки, технологической модернизации и геополитической переориентации, при этом стратегический документ должен включать четко определенные целевые показатели по структуре энергобаланса, уровню декарбонизации различных секторов экономики, объемам экспорта традиционных и новых энергоносителей, развитию энергетической инфраструктуры и технологическому суверенитету, а также механизмы мониторинга реализации стратегии и корректировки приоритетов в зависимости от изменения внешних условий[268].

Создание системы экономических стимулов для инвестиций в низкоуглеродные технологии может включать введение дифференцированного налогообложения в зависимости от углеродной интенсивности производства с предоставлением налоговых кредитов и льгот для проектов, обеспечивающих значительное сокращение выбросов

[268] Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.04.2025 № 908-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

парниковых газов, субсидирование процентных ставок по кредитам на реализацию проектов в области возобновляемой энергетики, энергоэффективности и CCUS, создание специализированных фондов для финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области зеленых технологий с совокупным бюджетом 200–300 миллиардов рублей на период до 2035 года, а также механизмы государственно-частного партнерства для реализации капиталоемких инфраструктурных проектов в области водородной энергетики и систем улавливания углерода.

Развитие национальной системы углеродного регулирования, включающей обязательную отчетность о выбросах парниковых газов для крупных промышленных предприятий, внедрение системы торговли квотами на выбросы с постепенным сокращением совокупного объема доступных квот в соответствии с национальными климатическими обязательствами, создание механизмов верификации и сертификации проектов по сокращению выбросов и поглощению углерода, а также гармонизацию российской системы углеродного регулирования с международными стандартами для обеспечения признания российских углеродных единиц на глобальных рынках, могло бы способствовать формированию экономических стимулов для декарбонизации и повышению конкурентоспособности российской продукции на рынках с углеродными барьерами.

Интенсификация международного энергетического сотрудничества в рамках многосторонних форматов, включая БРИКС, где Россия может продвигать инициативы по созданию международного банка развития энергетической инфраструктуры, механизмов взаимного признания стандартов низкоуглеродной продукции и альтернативных систем расчетов в энергетической торговле, Шанхайскую организацию сотрудничества, в рамках которой возможно развитие трансграничных энергетических проектов и формирование единого энергетического пространства Евразии, а также Евразийский экономический союз, где приоритетом должна стать глубокая энергетическая интеграция с созданием наднациональных регуляторных

институтов и гармонизацией энергетического законодательства, позволит России формировать коалиции единомышленников для противодействия дискриминационным торговым практикам и отстаивания принципов технологической нейтральности в энергетическом переходе[269].

Матрица приоритетов энергетической стратегии России представлена в табл. 28.

Таблица 28 – Матрица приоритетов энергетической стратегии России[270]

Временной горизонт	**Ключевые приоритеты**	**Целевые показатели**
Краткосрочный (2025–2030)	❑ Диверсификация экспорта на Восток ❑ Развитие СПГ ❑ Модернизация НПЗ ❑ Газификация ❑ Цифровизация	❑ Доля Азии в экспорте газа: 60–65% ❑ Производство СПГ: 80–100 млн т/год ❑ Глубина переработки: 88–90% ❑ Уровень газификации: 82–85%
Среднесрочный (2030–2040)	❑ Водородная экономика ❑ Развитие ВИЭ ❑ Внедрение CCUS ❑ Импортозамещение оборудования ❑ Интеграция ЕАЭС	❑ Экспорт H_2: 2–12 млн т/год к 2035 г. (ориентир Концепции 2021 г.) ❑ Мощности ВИЭ: 10–15 ГВт ❑ Улавливание CO_2: 30–50 млн т/год ❑ Доля отечественного оборудования в высокотехнологичных сегментах: 70–80%
Долгосрочный (после 2040)	❑ Трансформация экспортной модели ❑ Малая атомная энергетика ❑ Циркулярная экономика ❑ Технологическое лидерство в нишах	❑ Доля углеводородов в экспорте: 40–50% ❑ Доля H_2: 20–25% ❑ Экспорт SMR: 15–20 ГВт(э) ❑ Углеродная нейтральность: 2060 год

Проведенное исследование стратегического позиционирования Российской Федерации в условиях фундаментальной реконфигурации глобальной энергетической архитектуры позволяет сформулировать следующие **выводы**.

[269] Санеев, Б. Г. Энергетическая составляющая Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы) / Б. Г. Санеев, М. Н. Лопатина // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2014. – Т. 7, № 4. – С. 65–74.

[270] Источник: составлено автором

Во-первых, мировой топливно-энергетический комплекс находится на траектории долгосрочной структурной трансформации, которая имеет не только технологическое, но и ярко выраженное политическое измерение. Сокращение доли ископаемых энергоносителей в глобальном энергобалансе, опережающий рост возобновляемых источников и постепенное формирование рынка водорода создают принципиально иную материальную основу для перераспределения государственной мощи. Контроль над критическими минералами, низкоуглеродными технологиями и цепочками поставок оборудования для ВИЭ становится новым источником структурного влияния, сопоставимым по значимости с обладанием углеводородными запасами в предшествующую эпоху. Перемещение центра тяжести энергопотребления в Азиатско-Тихоокеанский регион закрепляет сдвиг глобального баланса сил в пользу незападных центров, что полностью соответствует логике конкурентной фрагментации глобального энергетического пространства.

Во-вторых, системный анализ положения России демонстрирует двойственный характер ее позиционирования в трансформирующемся энергетическом порядке. С одной стороны, страна сохраняет фундамент ресурсной державы, опирающийся на крупнейшие запасы углеводородов, развитую экспортную инфраструктуру и признанное лидерство в атомных технологиях. С другой стороны, реализация этого потенциала в качестве инструмента политического влияния затрудняется структурными ограничениями – технологическим отставанием в новых энергетических отраслях, зависимостью бюджетной системы от углеводородной ренты и ограниченным доступом к международным финансовым рынкам. Преодоление этих ограничений требует не столько экономических, сколько политико-институциональных решений, направленных на укрепление энергетического суверенитета в его политологическом понимании.

В-третьих, укрепление энергетического суверенитета России в условиях конкурентной фрагментации предполагает реализацию дифференцированного по временным горизонтам подхода. На краткосрочном

этапе в качестве приоритетных могут рассматриваться географическая диверсификация экспорта с закреплением на азиатских рынках, наращивание производства СПГ и модернизация нефтеперерабатывающих мощностей – меры, направленные на снижение асимметричной зависимости от европейского направления. На среднесрочном горизонте особое значение может приобрести формирование экспортно-ориентированной водородной экономики и внедрение технологий улавливания углерода, что потенциально позволит России сохранить доступ к рынкам с ужесточающимся углеродным регулированием и укрепить позиции в формирующемся контуре низкоуглеродной энергетики. В долгосрочной перспективе вероятна фундаментальная трансформация экспортной модели с переходом к преобладанию низкоуглеродных энергоносителей и высокотехнологичной продукции, что могло бы способствовать сохранению статуса энергетической державы на качественно новой технологической основе.

В-четвертых, в качестве возможных направлений институционального укрепления энергетического суверенитета России могут рассматриваться углубление энергетической интеграции в рамках ЕАЭС, расширение сотрудничества в форматах БРИКС и ШОС с акцентом на создание альтернативных механизмов расчетов и ценообразования, а также формирование национальной системы углеродного регулирования, гармонизированной с международными стандартами. Особое значение могло бы приобрести развитие специализированных технологических ниш – малой модульной атомной энергетики, арктических энергетических технологий и решений для изолированных энергосистем, – где Россия способна обеспечить технологическое лидерство и использовать его как инструмент проецирования влияния. Практическое осуществление данных направлений потребует мобилизации финансовых ресурсов и политического консенсуса по выстраиванию альтернативной институциональной архитектуры энергетического сотрудничества, снижающей зависимость от западноцентричных режимов регулирования.

Заключение

Проведенное диссертационное исследование посвящено выявлению политических закономерностей позиционирования мировых энергетических держав в условиях современного геополитического противостояния. Актуальность темы обусловлена фундаментальными сдвигами в глобальной энергетической системе: фрагментацией некогда единого рыночного пространства на конкурирующие нормативно-институциональные контуры, использованием энергетических ресурсов и технологий в качестве инструментов геополитического давления, а также превращением климатической повестки в арену межгосударственного соперничества. Достижение поставленной цели потребовало последовательного решения одиннадцати задач, каждая из которых получила содержательное раскрытие в соответствующих параграфах и главах работы.

Первая задача состояла в критическом анализе классических парадигм теории международных отношений применительно к энергетическому фактору и обосновании необходимости синтетической аналитической рамки. В результате установлено, что энергетический фактор в современных международных отношениях представляет собой многомерное явление, разворачивающееся одновременно в трех плоскостях: как борьба государств за ресурсы и контроль над стратегической инфраструктурой, как институциональное взаимодействие в рамках международных режимов и как нормативно-дискурсивная конкуренция за определение ключевых категорий энергетической политики. Ни одна из классических парадигм в отдельности не обеспечивает целостного охвата всех трех измерений, что обусловило необходимость синтетической аналитической рамки, интегрирующей элементы реалистского, институционального и конструктивистского подходов.

Вторая задача заключалась в концептуализации категорий «энергетическая держава» и «энергетический суверенитет» и разработке типологии энергетических держав. Предложено структурно-политическое

определение энергетической державы, преодолевающее ограниченность количественно-ресурсного подхода: энергетическая держава определяется через способность государства оказывать структурное воздействие на поведение других акторов международной системы и на формирование правил глобального энергетического порядка посредством контроля над ресурсами, инфраструктурой, технологиями или нормами. Разработана типология энергетических держав по доминирующему источнику структурного влияния, включающая четыре типа: ресурсные, инфраструктурные, технологические и нормативные державы. Показано, что одно и то же государство может одновременно обладать признаками нескольких типов, а в условиях геополитического противостояния ведущие акторы реализуют гибридные стратегии, комбинируя инструменты разных типов. Уточнено содержание категории «энергетический суверенитет»: в отличие от традиционных трактовок, отождествляющих суверенитет с автаркией, предложено его понимание как относительной политической способности государства самостоятельно определять параметры национальной энергетической политики и противостоять экстерриториальному применению санкционных и регуляторных режимов.

Третья задача предполагала разработку методологии анализа энергетического миропорядка на основе авторской концепции «конкурентной фрагментации». Критический анализ существующих моделей глобального энергетического порядка – либеральной рыночной, гегемонистской стабильности и упрощенной многополярности – продемонстрировал их ограниченную релевантность. Предложена авторская концепция «конкурентной фрагментации», под которой понимается такое состояние международной энергетической системы, при котором она структурно расслаивается на несколько параллельных нормативно-институциональных и инфраструктурных контуров, каждый из которых функционирует по собственным правилам и конкурирует с другими за право устанавливать универсальные стандарты. Выделены пять эмпирических измерений

конкурентной фрагментации: институциональное, инфраструктурное, валютно-финансовое, нормативно-регуляторное и технологическое. Обосновано применение метода сценарного прогнозирования с временным горизонтом до 2035 г.

Четвертая задача состояла в исследовании сущности и генезиса энергетических центров силы в системе международных отношений. Разработана авторская периодизация, включающая восемь последовательных этапов – от доиндустриального до современного этапа многополярного энергетического мира. Аналитическая схема, интегрирующая технологическое, институциональное и геополитическое измерения, позволила зафиксировать качественную специфику текущего этапа: впервые со времен промышленной революции структура глобального энергопотребления не имеет выраженного доминирования одного энергоносителя, что порождает множественность центров силы и их гибридных стратегий.

Пятая задача заключалась в анализе многополярности как политического проекта и выявлении предпосылок переустройства энергетического миропорядка. Установлено, что формирование многополярной модели мировой энергетики представляет собой не стихийное перераспределение рыночных позиций, а политический проект, закрепленный в доктринальных документах ведущих держав и реализуемый через формирование параллельных институциональных механизмов, переформатирование финансовой инфраструктуры расчетов и целенаправленное оспаривание западноцентричных правил регулирования энергетических рынков. Выделены и систематизированы шесть групп предпосылок – геополитические, экономические, ресурсно-технологические, экологические, институциональные и структурные, – воздействие которых носит асинхронный характер.

Шестая задача предполагала рассмотрение международных институтов энергетической политики как арены геополитического соперничества.

Проведенный анализ выявил феномен «институциональной дивергенции»: западные институты реализуют стратегию нормативной державности, продвигая радикальную декарбонизацию и экстерриториальное применение климатических стандартов; незападные форматы ориентированы на прагматичное сочетание традиционной и возобновляемой энергетики при сохранении суверенитета над ресурсной политикой. Установлено, что фрагментация энергетического управления приобрела новое качество, трансформировавшись из непреднамеренной дисфункции в целенаправленно воспроизводимое состояние. Россия в этих условиях реализует стратегию «форумной политики», переориентируясь с западных институтов на ОПЕК+, БРИКС и ШОС.

Седьмая задача состояла в исследовании транснациональных энергетических корпораций как субъектов внешней политики государств. Разработана классификация ведущих энергетических корпораций по моделям государственного участия и эмпирически подтверждено, что ведущие ТНК имплементируют различные модели державности: Saudi Aramco – ресурсной, CNPC – технологической, ExxonMobil – нормативно-технологической, Equinor – нормативной. На примере российских ТНК выявлена адаптационная модель, сочетающая четыре взаимосвязанных вектора: географическую переориентацию экспорта, дедолларизацию расчетов, технологическое импортозамещение и формирование альтернативных институциональных механизмов сотрудничества.

Восьмая задача заключалась в раскрытии «зеленой» повестки как политического конструкта и выявлении противоречий между декларируемыми целями и реальными интересами. Установлено, что «зеленая» повестка функционирует не как универсальный консенсусный проект, а как политический конструкт, внутренне противоречивый по своей природе. Разрыв между декларируемыми целями декарбонизации и реальной политической практикой носит системный характер и воспроизводится на трех уровнях: макроэкономическом, регуляторном и социально-

политическом. Концептуализирована шестифазная циклическая модель противоречий энергетической политики – от декларации долгосрочных целей через кризис и откат к корректировке стратегий и новым обязательствам. Данные противоречия превращают климатическую повестку в арену геополитического соперничества, где экологическая риторика маскирует борьбу за технологическое лидерство и контроль над цепочками поставок критических минералов.

Девятая задача предполагала анализ санкционного давления на Россию как элемента геополитической стратегии Запада. Выявлено, что санкционное давление, эволюционировавшее от точечных ограничений к системному механизму, привело к структурной трансформации российского ТЭК. Зафиксировано формирование двухскоростной модели адаптации: относительно успешная переориентация нефтяного экспорта на азиатские рынки (81% к 2025 г.) и структурная стагнация газового сектора. Предложена авторская трактовка «санкционного парадокса» применительно к энергетической сфере: ограничительные меры непреднамеренно ускорили дедолларизацию расчетов, переориентацию экспорта и формирование альтернативной институциональной архитектуры.

Десятая задача состояла в оценке трансформации геополитических позиций ключевых акторов в мировом энергетическом пространстве и разработке сценарного прогноза. На основе сравнительного анализа энергетических балансов шести регионов мира за 2020–2025 гг. эмпирически зафиксирована количественная асимметрия глобальной энергетической системы: три центра силы – США, Ближний Восток и Россия – обеспечивают основной экспортный профицит (совокупно +81,0 ЭДж в 2025 г.), тогда как Китай, АТР и ЕС формируют импортный дефицит (совокупно –99,2 ЭДж). Выявлена корреляция между доминирующим источником энергии и типом державности региона. Разработана сценарная рамка с тремя альтернативными траекториями – «Энергетический раскол», «Конкурентное сосуществование» и «Прагматический поворот».

Одиннадцатая задача заключалась в определении перспектив укрепления энергетического суверенитета России в условиях реконфигурации мирового порядка. Установлено, что укрепление энергетического суверенитета требует преодоления структурных ограничений ресурсной державности – технологического отставания в новых отраслях, зависимости бюджета от углеводородной ренты и ограниченного доступа к международным финансовым рынкам. Предложен дифференцированный по временным горизонтам подход: на краткосрочном этапе – географическая диверсификация экспорта и наращивание СПГ-мощностей; на среднесрочном – формирование водородной экономики и внедрение технологий улавливания углерода; в долгосрочной перспективе – трансформация экспортной модели. Выявлено, что ключевым условием сохранения статуса энергетической державы выступает способность конвертировать текущие экспортные доходы в технологическую модернизацию и институциональное укрепление альтернативных механизмов сотрудничества.

Научная новизна диссертационного исследования определяется совокупностью полученных результатов. В теоретико-методологической области: обоснована необходимость синтетической аналитической рамки; предложено структурно-политическое определение энергетической державы и разработана ее типология; введена в научный оборот концепция «конкурентной фрагментации». В области анализа глобальной энергетической архитектуры: разработана восьмиэтапная периодизация генезиса энергетических центров силы; выявлены шесть групп предпосылок многополярности; установлен феномен «институциональной дивергенции». В эмпирической области: разработана классификация энергетических корпораций по моделям государственного участия; концептуализирован системный характер противоречий «зеленой» повестки; предложена авторская трактовка «санкционного парадокса» применительно к энергетической сфере; эмпирически зафиксирована количественная асимметрия глобальной

энергетической системы; разработан дифференцированный по временным горизонтам подход к укреплению энергетического суверенитета России.

Проведенное исследование не исчерпывает всей проблематики, связанной с позиционированием мировых энергетических держав в условиях геополитического противостояния. В качестве перспективных направлений дальнейших исследований могут быть обозначены: углубленный анализ конкуренции за контроль над цепочками поставок критических минералов как самостоятельного измерения геополитического соперничества; сравнительный анализ стратегий выбора институциональных площадок, реализуемых различными государствами; систематизация данных о масштабах и механизмах функционирования «теневого флота»; дальнейшая операционализация сценарной рамки с привлечением методов математического моделирования; исследование социально-политических последствий энергетического перехода в различных регионах мира; а также анализ эволюции нормативной базы энергетического сотрудничества в рамках БРИКС, ШОС и ЕАЭС.

Полученные в диссертации выводы согласуются с приоритетами, закрепленными в действующих стратегических документах Российской Федерации. Формирование многополярного «справедливого и устойчивого мироустройства», диверсификация внешнеэкономических связей и защита от недобросовестной конкуренции со стороны недружественных государств относятся Концепцией внешней политики Российской Федерации к числу ключевых задач страны на международной арене. Предложенный в работе дифференцированный по временным горизонтам подход к укреплению энергетического суверенитета России соотносится с задачами достижения технологического и экономического суверенитета, зафиксированными в актуальных программных документах и посланиях главы государства Федеральному Собранию.

Подводя итог, следует заключить, что современное геополитическое противостояние в энергетической сфере не является временным отклонением

от нормы глобализации, а представляет собой новую системную реальность международных отношений. Проведенное исследование подтвердило исходную гипотезу: фрагментация глобального энергетического пространства ведет к трансформации самого понятия «энергетическая держава» – ключевым критерием становится не обладание ресурсами, а способность контролировать инфраструктуру, технологии и нормы регулирования рынков, а также противостоять санкционному давлению. Исход трансформации мирового энергетического порядка будет определяться не столько ресурсными факторами, сколько политическими решениями ведущих акторов. Для России сохранение статуса энергетической державы сопряжено с преодолением структурных ограничений ресурсной модели и выстраиванием альтернативной институциональной архитектуры сотрудничества, обеспечивающей энергетический суверенитет как способность самостоятельно определять параметры национальной энергетической политики и противостоять внешнему давлению в условиях конкурентной фрагментации.

Список использованных источников

I. Официальные документы

1. Устав Международного агентства по атомной энергии : [утвержден 23 октября 1956 года, вступил в силу 29 июля 1957 года ; по состоянию на 28 декабря 1989 года] // МАГАТЭ : [сайт]. – URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/statute_rus.pdf (дата обращения: 09.09.2026).
2. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата : [принята 9 мая 1992 года] // ООН : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 09.09.2026).
3. Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации : [заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 года] // World Trade Organization : [сайт]. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/04-wto_e.htm (дата обращения: 09.09.2026).
4. Конвенция о ядерной безопасности : [принята в г. Вене 17 июня 1994 года] // МАГАТЭ. – INFCIRC/449. – 5 июля 1994 г. – URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/infcirc449_rus.pdf (дата обращения: 09.09.2026).
5. Договор к Энергетической хартии : [подписан в г. Лиссабоне 17 декабря 1994 года] // Energy Charter Secretariat : [сайт]. – URL: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECT-ru.pdf (дата обращения: 09.09.2026).
6. Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата : [принят в г. Киото 11 декабря 1997 года] // ООН : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения: 09.09.2026).

7. Statute of the International Renewable Energy Agency (IRENA) : [done at Bonn, 26 January 2009 ; entered into force 8 July 2010] // IRENA : [site]. – URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/About-IRENA/Statute/IRENA_Statute.pdf (дата обращения: 09.09.2026).
8. Договор о Евразийском экономическом союзе : [подписан в г. Астане 29 мая 2014 года] : (ред. от 25.05.2023) : (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 09.09.2026).
9. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/1 от 25 сентября 2015 года // ООН : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/70/1 (дата обращения: 09.09.2026).
10. Парижское соглашение : [принято в г. Париже 12 декабря 2015 года] // ООН : [сайт]. – URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 09.09.2026).
11. Результаты первого глобального подведения итогов : решение 1/CMA.5 [«Консенсус ОАЭ»] // Доклад Конференции Сторон, действующей в качестве совещания Сторон Парижского соглашения, о работе ее пятой сессии, состоявшейся в Объединенных Арабских Эмиратах с 30 ноября по 13 декабря 2023 года. Добавление. – FCCC/PA/CMA/2023/16/Add.1. – 2024. – С. 2–26. – URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma2023_16a01R.pdf (дата обращения: 09.09.2026).
12. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Официальный интернет-

портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

13. Об ограничении выбросов парниковых газов : Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ : [принят Государственной думой 1 июня 2021 года : одобрен Советом Федерации 23 июня 2021 года] // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2021. – 2 июля. – № 0001202107020031. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107020031 (дата обращения: 09.09.2026).
14. Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2019 № 216 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).
15. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).
16. Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2023 № 812 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).
17. Об утверждении долгосрочной программы развития производства сжиженного природного газа в Российской Федерации : распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.03.2021 № 640-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).
18. Об утверждении Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации : распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.08.2021 № 2162-р // Официальный интернет-портал

правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

19. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.10.2021 № 3052-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).
20. Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.04.2025 № 908-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).
21. The European Green Deal : Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions : COM(2019) 640 final. – Brussels, 11.12.2019 // EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52019DC0640 (дата обращения: 09.09.2026).
22. 'Fit for 55': delivering the EU's 2030 Climate Target on the way to climate neutrality : Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions : COM(2021) 550 final. – Brussels, 14.7.2021 // EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021DC0550 (дата обращения: 09.09.2026).
23. REPowerEU Plan : Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions : COM(2022) 230 final. – Brussels, 18.5.2022 // EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52022DC0230 (дата обращения: 09.09.2026).

24. Council Regulation (EU) 2022/2367 of 3 December 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. – 2022. – L 311 I. – P. 1–4. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2367/oj/eng (дата обращения: 09.09.2026).
25. Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 establishing a carbon border adjustment mechanism // Official Journal of the European Union. – 2023. – L 130. – P. 52–104. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/956/oj/eng (дата обращения: 09.09.2026).
26. G7 Critical Minerals Action Plan : [adopted at the G7 Leaders' Summit, Kananaskis, 17 June 2025] // Prime Minister of Canada : [site]. – 2025. – 17 June. – URL: https://www.pm.gc.ca/en/news/statements/2025/06/17/g7-critical-minerals-action-plan (дата обращения: 09.09.2026).
27. Паспорт научной специальности 5.5.4. «Международные отношения, глобальные и региональные исследования». – URL: https://fmp.msu.ru/attachments/article/935/02.%20Паспорт%20научной%20специальности%205.5.4.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

II. Литература на русском языке

28. Алиев, Р. А. Изменения в соотношении генерирующих мощностей в странах мира: от ископаемого топлива к альтернативной энергетике / Р. А. Алиев, К. С. Захарчева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. – 2017. – № 2. – С. 8–17. – DOI 10.18384/2310-6646-2017-2-8-17.
29. Алиев, Р. А. На пути к устойчивому энергетическому развитию: сопряжение традиционной и возобновляемой энергетики в энергетической политике Азербайджана / Р. А. Алиев // Вестник МГИМО-Университета. – 2024. – Т. 17, № 3. – С. 41–72. – DOI 10.24833/2071-8160-2024-3-96-41-72.

30. Башмаков, И. А. Прогнозы развития энергетики мира 30 лет спустя: проверка прошлым уроков будущего / И. А. Башмаков // Вопросы экономики. – 2022. – № 5. – С. 51–78. – DOI 10.32609/0042-8736-2022-5-51-78.
31. Башмаков, И. А. Углеродное регулирование в ЕС и российский сырьевой экспорт / И. А. Башмаков // Вопросы экономики. – 2022. – № 1. – С. 90–109. – DOI 10.32609/0042-8736-2022-1-90-109.
32. Безруких, П. О развитии отечественного производства для малой и возобновляемой энергетики / П. Безруких, А. Темеров // Энергетическая политика. – 2023. – № 5 (183). – С. 68–77.
33. Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек ; пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. – Москва : Прогресс-Традиция, 2007. – 459, [1] с. – ISBN 5-89826-286-5.
34. Белогорьев, А. М. Мировой рынок СПГ на пороге избытка предложения / А. М. Белогорьев // Энергетическая политика. – 2025. – № 7 (210). – С. 10–23. – DOI 10.46920/2409-5516_2025_07210_10.
35. Бенашвили, К. А. Экономические перспективы развития российских нефтегазовых проектов в Каспийском регионе : монография / К. А. Бенашвили. – Москва : Издательский дом МГИМО, 2026. – 135, [1] с. – (Диссертации МГИМО). – ISBN 978-5-9228-3208-3. – DOI 10.63861/3208-3.
36. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский ; пер. с англ. О. Уральской. – Москва : АСТ, 2021. – 254 с. – (Мировой порядок). – ISBN 978-5-17-135174-8.
37. Биржевая торговля энергоресурсами: истоки и развитие : монография / под ред. Н. А. Иванова. – Москва : РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, 2022. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-5-91961-459-3.

38. Бойко, А. А. Глобальная энергетика: история и политика : учебник / А. А. Бойко ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Факультет глобальных процессов. – Москва : МАКС Пресс, 2023. – 362 с. – ISBN 978-5-317-07092-2. – DOI 10.29003/m3679.978-5-317-07092-2.
39. Боровский, Ю. В. Политизация мировой энергетики: исторический и современный контекст / Ю. В. Боровский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 45–55. – DOI 10.22363/2313-0660-2025-25-1-45-55.
40. Боровский, Ю. В. Проблема энергетической безопасности в отношениях России с внешним миром: сотрудничество, конкуренция и соперничество (1991–2021 гг.) : специальность 07.00.15 : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Боровский Юрий Викторович ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Москва, 2022. – 535 с.
41. Бяшарова, А. Р. Декарбонизация как глобальный вызов для стран – экспортеров энергоресурсов / А. Р. Бяшарова, А. Е. Зотов // Международная торговля и торговая политика. – 2025. – Т. 11, № 2 (42). – С. 50–61. – DOI 10.21686/2410-7395-2025-2-50-61.
42. Василенко, Е. Итоги 30-й сессии Конференции сторон Рамочной конвенции об изменении климата / Е. Василенко // Российский совет по международным делам. – 2025. – 15 декабря. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/itogi-30-y-sessii-konferentsii-storon-ramochnoy-konventsii-ob-izmenenii-klimata/ (дата обращения: 09.09.2026).
43. Гадзацев, К. В. Вызовы и угрозы энергетической безопасности России в условиях обострения глобальной энергоэкологической проблемы : специальность 23.00.04 : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Гадзацев Кирилл Владимирович ;

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Москва, 2020. – 194 с.

44. Гаман-Голутвина, О. В. Реальность и мифы современной отечественной политической культуры / О. В. Гаман-Голутвина // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 153–159. – DOI 10.17976/jpps/2016.03.12.
45. Гулиев, И. А. Геоэкономические интересы России в мировой энергетике : специальность 5.2.5 : диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Гулиев Игбал Адиль оглы ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Москва, 2025. – 423 с.
46. Гулиев, И. А. Мировая энергетика. Интересы России : монография / И. А. Гулиев. – Москва : Аспект Пресс, 2026. – 170, [1] с. – ISBN 978-5-7567-1411-1.
47. Гурвич, Е. Т. Бюджетные правила: избыточное ограничение или неотъемлемый инструмент бюджетной устойчивости? / Е. Т. Гурвич, И. А. Соколов // Вопросы экономики. – 2016. – № 4. – С. 5–29. – DOI 10.32609/0042-8736-2016-4-5-29.
48. Давтян, В. С. Узел высокого напряжения: «Электроэнергетические войны» на Южном Кавказе / В. С. Давтян // Россия в глобальной политике. – 2025. – Т. 23, № 4. – С. 108–124. – DOI 10.31278/1810-6439-2025-23-4-108-124.
49. Дениз, Д. С. Экономические аспекты энергетической безопасности при внедрении возобновляемых источников энергии в странах БРИКС : специальность 5.2.5 : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Дениз Дарья Сергеевна ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Москва, 2023. – 166 с.

50. Ергин, Д. В поисках энергии: ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики / Д. Ергин ; пер. с англ. И. Евстигнеевой, О. Мацак. – Москва : Альпина Паблишер, 2017. – 718 с. – ISBN 978-5-9614-4379-0.
51. Ергин, Д. Новая карта мира: энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций / Д. Ергин ; пер. с англ. М. Витебского. – Москва : Альпина Паблишер, 2021. – 443, [3] с. – ISBN 978-5-907394-27-8.
52. Жизнин, С. З. Российская энергетическая дипломатия и международная энергетическая безопасность (геополитика и экономика) / С. З. Жизнин // Балтийский регион. – 2010. – № 1. – С. 8–21. – DOI 10.5922/2074-9848-2010-1-2.
53. Жизнин, С. З. Технологические аспекты энергетической дипломатии России / С. З. Жизнин, В. М. Тимохов // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 3 (48). – С. 43–53. – DOI 10.24833/2071-8160-2016-3-48-43-53.
54. Жизнин, С. З. Экономические и геополитические аспекты «Северного потока – 2» / С. З. Жизнин, В. М. Тимохов // Балтийский регион. – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 25–42. – DOI 10.5922/2079-8555-2019-3-2.
55. Жизнин, С. З. Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика / С. З. Жизнин. – Москва : Ист Брук, 2005. – 637, [1] с. – ISBN 5-903000-01-0.
56. Ильин, И. В. Формирующиеся тенденции глобальных политических процессов / И. В. Ильин, О. Г. Леонова // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. – 2023. – № 3. – С. 3–22.
57. Кнобель, А. Ю. Предварительные итоги внешней торговли России в 2025 году / А. Ю. Кнобель, А. С. Фиранчук // Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара. – 2025. – 29 декабря. – URL: https://www.iep.ru/ru/monitoring/predvaritelnye-itogi-vneshney-torgovli-rossii-v-2025-godu.html (дата обращения: 09.09.2026).

58. Конопляник, А. А. Россия на формирующемся евроазиатском энергетическом пространстве: проблемы конкурентоспособности / А. А. Конопляник. – Москва : Nestor Academic Publishers, 2004. – 589, [1] с. – ISBN 5-901074-30-0.
59. Копытин, И. А. Метановое регулирование как фактор конкурентоспособности на рынке СПГ / И. А. Копытин, Н. И. Иллерицкий // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2025. – № 3. – С. 14–24. – DOI 10.20542/afij-2025-3-14-24.
60. Королев, А. С. Проблемы и перспективы развития евразийских транспортных коридоров после 2022 года: роль России / А. С. Королев // Азия и Африка сегодня. – 2025. – № 11. – С. 43–53. – DOI 10.31857/S0321507525110051.
61. Кучун, О. И. Современное состояние и перспективы развития рынка углеводородов: позиции России и Китая / О. И. Кучун, М. А. Балашова // Российско-китайские исследования. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 228–236. – DOI 10.17150/2587-7445.2020.4(3).228-236.
62. Лавров, С. Н. Газовый сектор как фактор международной конкурентоспособности / С. Н. Лавров, А. Г. Симонов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2021. – Т. 29, № 1. – С. 164–172. – DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-1-164-172.
63. Литвинюк, И. И. Россия на биржевом рынке жидких углеводородов / И. И. Литвинюк, И. А. Гулиев // Энергетический вестник. – 2016. – № 1. – С. 87–107. – DOI 10.7256/2453-8892.2016.1.21450.
64. Лобанова, Д. А. Концептуальные подходы к определению понятия силы в международных отношениях / Д. А. Лобанова // Международные процессы. – 2017. – Т. 15, № 2. – С. 77–88.
65. Магомедов, А. К. Энергетический аспект современной российской внешней политики на Ближнем Востоке / А. К. Магомедов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология.

Политология. – 2020. – Т. 20, вып. 1. – С. 75–79. – DOI 10.18500/1818-9601-2020-20-1-75-79.

66. Макаров, В. Л. Влияние антироссийских санкций на российский ТЭК и европейский энергорынок / В. Л. Макаров, М. Ф. Мизинцева, А. Ф. Агеева // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2024. – Т. 26, № 4. – С. 6–21. – DOI 10.15688/ek.jvolsu.2024.4.1.
67. Макаров, И. А. Глобальное изменение климата как вызов мировой экономике и экономической науке / И. А. Макаров // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 17, № 3. – С. 512–532.
68. Мастепанов, А. М. Водородная энергетика России: состояние и перспективы / А. М. Мастепанов // Энергетическая политика. – 2020. – № 12 (154). – С. 54–65. – DOI 10.46920/2409-5516_2020_12154_54.
69. Медведева, А. М. Новые силы в мировой политике / А. М. Медведева // Обозреватель-Observer. – 2025. – № 1. – С. 43–57. – DOI 10.48137/2074-2975_2025_1_43.
70. Мировой энергетический переход: тенденции и риски : материалы конференции / под ред. С. В. Жукова. – Москва : ИМЭМО РАН, 2021. – 115 с. – ISBN 978-5-9535-0593-2. – DOI 10.20542/978-5-9535-0593-2.
71. Митрова, Т. А. Межтопливная конкуренция / Т. А. Митрова, А. А. Галкина // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 17, № 3. – С. 394–413.
72. Моргентау, Г. Система международных отношений. Нации в борьбе за власть / Г. Моргентау ; пер. с англ. – Москва : Родина, 2023. – 526, [1] с. – (Документальный триллер). – ISBN 978-5-00222-227-8.
73. Мосакова, Е. А. Экономическое сотрудничество Российской Федерации со странами БРИКС-5 / Е. А. Мосакова, Е. О. Сукачева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2025. – № 2 (83). – С. 143–158. – DOI 10.54398/1818-510X.2025.83.2.015.

74. Мурашко, М. М. Российская стратегия импортозамещения в ТЭК / М. М. Мурашко // Геоэкономика энергетики. – 2023. – № 2 (22). – С. 18–39. – DOI 10.48137/26870703_2023_22_2_18.
75. Рябова, М. И. Особенности стратегий российских нефтегазовых компаний в условиях энергетического перехода / М. И. Рябова // Вестник МГИМО-Университета. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 219–243. – DOI 10.24833/2071-8160-2023-1-88-219-243.
76. Сайфуллин, М. Р. Норвежская модель управления нефтегазовым комплексом: институциональный дизайн, распределение ренты и стратегическое развитие / М. Р. Сайфуллин, Р. А. Сабитов // Вестник науки. – 2025. – Т. 5, № 6 (87), ч. 2. – С. 227–232.
77. Санеев, Б. Г. Энергетическая составляющая Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы) / Б. Г. Санеев, М. Н. Лопатина // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2014. – Т. 7, № 4. – С. 65–74.
78. СВАМ. Последствия для российской экономики / И. А. Башмаков, В. И. Башмаков, К. Б. Борисов [и др.] ; ЦЭНЭФ-XXI. – Москва, 2021. – URL: https://cenef-xxi.ru/uploads/Cz_ENEF_XXI_CBAM_4c0a2fb4a3.pdf (дата обращения: 09.09.2026).
79. Символическая политика : сборник научных трудов. Вып. 1 : Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / РАН, ИНИОН, Центр социальных научно-информационных исследований, Отдел политической науки ; отв. ред. О. Ю. Малинова. – Москва : ИНИОН РАН, 2012. – 333 с. – (Политология). – ISBN 978-5-248-00639-7.
80. Симонов, К. В. Политические риски для мировой энергетики: от ресурсного национализма до «молекул свободы» и климатического оружия / К. В. Симонов, А. И. Гривач ; отв. ред. И. Тимофеев. – Москва : Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба

«Валдай», 2020. – 24 с. – (Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»). – ISBN 978-5-907318-09-0.

81. Симонов, К. В. Энергетическая сверхдержава 2.0 / К. В. Симонов // Энергетическая политика. – 2024. – № 7 (198). – URL: https://energypolicy.ru/energeticheskaya-sverhderzhava-2-0/neft/2024/17/13/ (дата обращения: 09.09.2026).
82. Симонов, К. В. Энергетическое измерение консерватизма / К. В. Симонов // Власть. – 2023. – Т. 31, № 1. – С. 17–23. – DOI 10.31171/vlast.v31i1.9456.
83. Суриков, Д. О. Международные механизмы углеродного регулирования и их влияние на российскую экономику : специальность 5.2.3 : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Суриков Дмитрий Олегович ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Москва, 2024. – 258 с.
84. Трансформация мировой энергетики: главные тенденции, экзогенные шоки и кризисы, климатическая повестка : сборник статей / под ред. С. В. Жукова. – Москва : ИМЭМО РАН, 2024. – 99 с. – ISBN 978-5-9535-0630-4.
85. Трачук, К. В. Современные исследования проблем энергетической безопасности: теоретические аспекты / К. В. Трачук // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 4 (31). – С. 219–226. – DOI 10.24833/2071-8160-2013-4-31-219-226.
86. Ушкалова, Д. И. Внешняя торговля России: предварительные итоги второго года противостояния санкционному давлению / Д. И. Ушкалова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 6. – С. 43–60. – DOI 10.52180/2073-6487_2023_6_43_60.
87. Хайнацкая, Т. И. Экологический алармизм как политический дискурс / Т. И. Хайнацкая // Южно-российский журнал социальных наук. – 2021. – Т. 22, № 2. – С. 53–73. – DOI 10.31429/26190567-22-2-53-73.
88. Хлопов, О. А. Стратегическое значение минеральных ресурсов для обеспечения национальной безопасности / О. А. Хлопов // Общество:

политика, экономика, право. – 2026. – № 3. – С. 35–41. – DOI 10.24158/pep.2026.3.4.

89. Черненко, Е. Ф. Энергетическая дипломатия : учебник для вузов / Е. Ф. Черненко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2025. – 131 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-13950-1.
90. Эволюция мировых энергетических рынков и ее последствия для России / под ред. А. А. Макарова, Л. М. Григорьева, Т. А. Митровой. – Москва : ИНЭИ РАН ; АЦ при Правительстве РФ, 2015. – 400 с. – ISBN 978-5-91438-019-6.
91. Яковлев, А. И. Нефтяной кризис 1973 г.: взгляд спустя полвека / А. И. Яковлев // Россия и мир: научный диалог. – 2024. – № 2 (12). – С. 197–221. – DOI 10.53658/RW2024-4-2(12)-197-221.

III. Литература на иностранных языках

92. Aalto, P. The new International Energy Charter: Instrumental or incremental progress in governance? / P. Aalto // Energy Research & Social Science. – 2016. – Vol. 11. – P. 92–96. – DOI 10.1016/j.erss.2015.09.006.
93. Austvik, O. G. The Energy Union and security-of-gas supply / O. G. Austvik // Energy Policy. – 2016. – Vol. 96. – P. 372–382. – DOI 10.1016/j.enpol.2016.06.013.
94. Auty, R. M. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis / R. M. Auty. – London ; New York : Routledge, 1993. – ix, 272 p. – ISBN 978-0-415-09482-5.
95. Balmaceda, M. M. Russian Energy Chains: The Remaking of Technopolitics from Siberia to Ukraine to the European Union / M. M. Balmaceda. – New York : Columbia University Press, 2021. – xiv, 421 p. – ISBN 978-0-231-19748-9. – DOI 10.7312/balm19748.
96. Bordoff, J. The Age of Energy Insecurity: How the Fight for Resources Is Upending Geopolitics / J. Bordoff, M. L. O'Sullivan // Foreign Affairs. – 2023. – Vol. 102, No. 3. – P. 104–119.

97. Bouzarovski, S. Energy and Identity: Imagining Russia as a Hydrocarbon Superpower / S. Bouzarovski, M. Bassin // Annals of the Association of American Geographers. – 2011. – Vol. 101, No. 4. – P. 783–794. – DOI 10.1080/00045608.2011.567942.
98. Bradford, A. The Brussels Effect: How the European Union Rules the World / A. Bradford. – New York : Oxford University Press, 2020. – xix, 404 p. – ISBN 978-0-19-008858-3.
99. Bradshaw, M. J. Global Energy Dilemmas: Energy Security, Globalization, and Climate Change / M. J. Bradshaw. – Cambridge : Polity Press, 2014. – xiii, 227 p. – ISBN 978-0-7456-5065-4.
100. Buzan, B. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Wæver, J. de Wilde. – Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 1998. – viii, 239 p. – ISBN 978-1-55587-784-2.
101. Christoffersen, G. The Role of China in Global Energy Governance / G. Christoffersen // China Perspectives. – 2016. – No. 2. – P. 15–24. – DOI 10.4000/chinaperspectives.6968.
102. Colgan, J. D. Petro-Aggression: When Oil Causes War / J. D. Colgan. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – xiv, 312 p. – ISBN 978-1-107-02967-5. – DOI 10.1017/CBO9781139342476.
103. Do, T. N. Reimagining carbon border adjustment mechanisms: A path to climate and development synergy / T. N. Do // Global Transitions. – 2025. – Vol. 7. – P. 144–147. – DOI 10.1016/j.glt.2025.03.003.
104. Drezner, D. W. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations / D. W. Drezner. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1999. – xvi, 342 p. – (Cambridge Studies in International Relations ; 65). – ISBN 978-0-521-64415-0. – DOI 10.1017/CBO9780511549366.
105. Duffield, J. S. Over a Barrel: The Costs of U.S. Foreign Oil Dependence / J. S. Duffield. – Stanford, CA : Stanford Law and Politics, 2008. – xvii, 290 p. – ISBN 978-0-8047-5499-6.

106. Energy and Security: Strategies for a World in Transition / ed. by J. H. Kalicki, D. L. Goldwyn. – 2nd ed. – Washington, D.C. : Woodrow Wilson Center Press ; Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2013. – xxxi, 628 p. – ISBN 978-1-4214-1169-9.
107. Energy Security Challenges for the 21st Century: A Reference Handbook / ed. by G. Luft, A. Korin. – Santa Barbara, CA : Praeger Security International, 2009. – xv, 372 p. – ISBN 978-0-275-99997-1.
108. Energy Security: Economics, Politics, Strategies, and Implications / ed. by C. Pascual, J. Elkind. – Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2010. – viii, 279 p. – ISBN 978-0-8157-6919-4.
109. Esanov, A. Nature's blessing or nature's curse? The political economy of transition in resource-based economies / A. Esanov, M. Raiser, W. Buiter // Energy, Wealth and Governance in the Caucasus and Central Asia : Lessons not learned / ed. by R. M. Auty, I. de Soysa. – London ; New York : Routledge, 2006. – P. 39–56. – ISBN 978-0-415-37206-0.
110. Farrell, H. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion / H. Farrell, A. L. Newman // International Security. – 2019. – Vol. 44, No. 1. – P. 42–79. – DOI 10.1162/isec_a_00351.
111. Fitzgerald, L. From energy firms to communities: Beyond market-centric approaches for just policy impacts / L. Fitzgerald, C. Ó Maonaigh // Energy Policy. – 2026. – Vol. 208. – Art. 114828. – DOI 10.1016/j.enpol.2025.114828.
112. Florini, A. The International Energy Agency in Global Energy Governance / A. Florini // Global Policy. – 2011. – Vol. 2, No. S1. – P. 40–50. – DOI 10.1111/j.1758-5899.2011.00120.x.
113. Formuszewicz, R. The dispute over Nord Stream 2: the stances and the outlook / R. Formuszewicz, Sz. Kardaś, A. Łoskot-Strachota. – Warsaw : Centre for Eastern Studies (OSW), 2021. – 8 p. – (OSW Commentary ; No. 385).
114. Freire-González, J. Energy Efficiency Policies and the Jevons Paradox / J. Freire-González, I. Puig-Ventosa // International Journal of Energy Economics and Policy. – 2015. – Vol. 5, No. 1. – P. 69–79.

115. Garcia Sanchez, G. J. In the Name of Energy Sovereignty / G. J. Garcia Sanchez // Boston College Law Review. – 2022. – Vol. 63, No. 8. – P. 2475–2538.
116. Gilpin, R. War and Change in World Politics / R. Gilpin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – xiv, 272 p. – ISBN 978-0-521-27376-3.
117. Global Energy Governance: The New Rules of the Game / ed. by A. Goldthau, J. M. Witte. – Berlin : Global Public Policy Institute ; Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2010. – xi, 372 p. – ISBN 978-0-8157-0343-3.
118. Goldthau, A. Back to the future or forward to the past? Strengthening markets and rules for effective global energy governance / A. Goldthau, J. M. Witte // International Affairs. – 2009. – Vol. 85, No. 2. – P. 373–390. – DOI 10.1111/j.1468-2346.2009.00798.x.
119. Goldthau, A. The G20 must govern the shift to low-carbon energy / A. Goldthau // Nature. – 2017. – Vol. 546, No. 7657. – P. 203–205. – DOI 10.1038/546203a.
120. Grinschgl, J. A Perfect Storm: The Causes and Consequences of the European Energy Crisis / J. Grinschgl. – Hainburg/Donau : Austria Institut für Europa- und Sicherheitspolitik, 2022. – 4 p. – (AIES Fokus ; 1/2022). – URL: https://www.aies.at/download/2022/AIES-Fokus-2022-01.pdf (дата обращения: 09.09.2026).
121. Grinyaev, S. N. Evolution of Russian Strategic Planning in the Arctic and Enhancing of Integrated Security of the Fuel and Energy Complexes / S. N. Grinyaev, D. A. Medvedev, J. Zafar // International Studies. – 2023. – Vol. 60, No. 4. – P. 417–430. – DOI 10.1177/00208817231210236.
122. Growth in emission transfers via international trade from 1990 to 2008 / G. P. Peters, J. C. Minx, C. L. Weber, O. Edenhofer // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2011. – Vol. 108, No. 21. – P. 8903–8908. – DOI 10.1073/pnas.1006388108.
123. Gunningham, N. Confronting the Challenge of Energy Governance / N. Gunningham // Transnational Environmental Law. – 2012. – Vol. 1, No. 1. – P. 119–135. – DOI 10.1017/S2047102511000124.

124. Helfer, L. R. Regime Shifting: The TRIPs Agreement and New Dynamics of International Intellectual Property Lawmaking / L. R. Helfer // Yale Journal of International Law. – 2004. – Vol. 29. – P. 1–83.
125. Ikenberry, G. J. The Rise of China and the Future of the West: Can the Liberal System Survive? / G. J. Ikenberry // Foreign Affairs. – 2008. – Vol. 87, No. 1. – P. 23–37.
126. International Regimes / ed. by S. D. Krasner. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 1983. – x, 372 p. – ISBN 978-0-8014-9250-1.
127. Karl, T. L. The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States / T. L. Karl. – Berkeley : University of California Press, 1997. – xviii, 342 p. – ISBN 978-0-520-20772-1.
128. Keohane, R. O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy / R. O. Keohane. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1984. – ix, 290 p. – ISBN 978-0-691-07676-8.
129. Keohane, R. O. Power and Interdependence / R. O. Keohane, J. S. Nye. – 4th ed. – Boston : Longman, 2012. – xxxiv, 330 p. – ISBN 978-0-205-08291-9.
130. Klare, M. T. Rising Powers, Shrinking Planet: The New Geopolitics of Energy / M. T. Klare. – New York : Metropolitan Books, 2008. – 339 p. – ISBN 978-0-8050-8064-3.
131. Krane, J. Energy Kingdoms: Oil and Political Survival in the Persian Gulf / J. Krane. – New York : Columbia University Press, 2019. – 224 p. – ISBN 978-0-231-17930-0.
132. Krasner, S. D. Sovereignty: Organized Hypocrisy / S. D. Krasner. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1999. – 264 p. – ISBN 978-0-691-00711-3.
133. Kuteleva, A. Discursive politics of energy and energy paradigms / A. Kuteleva // Kuteleva, A. China's Energy Security and Relations with Petrostates: Oil as an Idea. – London : Routledge, 2021. – P. 8–23. – ISBN 978-1-003-12804-5. – DOI 10.4324/9781003128045-2.

134. Kuzemko, C. The Global Energy Challenge: Environment, Development and Security / C. Kuzemko, M. Keating, A. Goldthau. – [S. l.] : Palgrave Macmillan, 2015. – 264 p. – ISBN 978-1-137-41007-8.
135. Lesage, D. Global Energy Governance in a Multipolar World / D. Lesage, T. Van de Graaf, K. Westphal. – London : Routledge, 2016. – 234 p. – ISBN 978-1-315-58480-5.
136. Luttwak, E. N. The Rise of China vs. the Logic of Strategy / E. N. Luttwak. – Cambridge, MA : Belknap Press of Harvard University Press, 2012. – 310 p. – ISBN 978-0-674-06642-7.
137. Mearsheimer, J. J. The Tragedy of Great Power Politics / J. J. Mearsheimer. – Updated ed. – New York : W. W. Norton & Company, 2014. – xxi, 561 p. – ISBN 978-0-393-34927-6.
138. Mitrova, T. The Geopolitics of Russian Natural Gas / T. Mitrova. – Cambridge, MA : Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, 2014. – URL: https://www.belfercenter.org/publication/geopolitics-russian-natural-gas (дата обращения: 09.09.2026).
139. Model and manage the changing geopolitics of energy / M. Bazilian, M. Bradshaw, A. Goldthau, K. Westphal // Nature. – 2019. – Vol. 569, No. 7754. – P. 29–31. – DOI 10.1038/d41586-019-01312-5.
140. Natorski, M. Securitizing Moves To Nowhere? The Framing of the European Union's Energy Policy / M. Natorski, A. Herranz Surrallés // Journal of Contemporary European Research. – 2008. – Vol. 4, No. 2. – P. 70–89. – DOI 10.30950/jcer.v4i2.88.
141. Natural Gas and Geopolitics: From 1970 to 2040 / ed. by D. G. Victor, A. M. Jaffe, M. H. Hayes. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – xxv, 508 p. – ISBN 978-0-521-86503-6.
142. Nye, J. S. The Future of Power / J. S. Nye. – New York : PublicAffairs, 2011. – xviii, 300 p. – ISBN 978-1-58648-892-5.

143. O'Sullivan, M. L. Windfall: How the New Energy Abundance Upends Global Politics and Strengthens America's Power / M. L. O'Sullivan. – New York : Simon & Schuster, 2017. – xii, 479 p. – ISBN 978-1-5011-0794-8.
144. Oil and Governance: State-Owned Enterprises and the World Energy Supply / ed. by D. G. Victor, D. R. Hults, M. C. Thurber. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – xviii, 1014 p. – ISBN 978-1-107-00442-9. – DOI 10.1017/CBO9780511784057.
145. Overland, I. The geopolitics of renewable energy: Debunking four emerging myths / I. Overland // Energy Research & Social Science. – 2019. – Vol. 49. – P. 36–40. – DOI 10.1016/j.erss.2018.10.018.
146. The Oxford Handbook of Energy Politics / ed. by K. J. Hancock, J. E. Allison. – New York : Oxford University Press, 2021. – xvi, 813 p. – ISBN 978-0-19-086136-0.
147. The Palgrave Handbook of the International Political Economy of Energy / ed. by T. Van de Graaf, B. K. Sovacool, A. Ghosh [et al.]. – London : Palgrave Macmillan, 2016. – xxiii, 743 p. – ISBN 978-1-137-55630-1. – DOI 10.1057/978-1-137-55631-8.
148. Pocock, J. G. A. Political Thought and History: Essays on Theory and Method / J. G. A. Pocock. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 278 p. – ISBN 978-0-521-71406-8.
149. The Political and Economic Challenges of Energy in the Middle East and North Africa / ed. by D. R. Jalilvand, K. Westphal. – Abingdon ; New York : Routledge, 2018. – xv, 286 p. – (Global Governance). – ISBN 978-1-138-70622-4.
150. Quitzow, R. Geoeconomics of the transition to net-zero energy and industrial systems: A framework for analysis / R. Quitzow, Y. Zabanova // Renewable and Sustainable Energy Reviews. – 2025. – Vol. 214. – Art. 115492. – DOI 10.1016/j.rser.2025.115492.

151. Raustiala, K. The Regime Complex for Plant Genetic Resources / K. Raustiala, D. G. Victor // International Organization. – 2004. – Vol. 58, No. 2. – P. 277–309. – DOI 10.1017/S0020818304582036.
152. Raydan, N. A New Energy Order in the UAE and Saudi Arabia / N. Raydan // The Washington Institute for Near East Policy. – 2025. – 19 May. – URL: https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/new-energy-order-uae-and-saudi-arabia (дата обращения: 09.09.2026).
153. Rethinking Energy Geopolitics: Towards a Geopolitical Economy of Global Energy Transformation / C. Kuzemko, M. Blondeel, M. Bradshaw [et al.] // Geopolitics. – 2025. – Vol. 30, No. 2. – P. 531–565. – DOI 10.1080/14650045.2024.2351075.
154. Romanova, T. Russia's political discourse on the EU's energy transition (2014–2019) and its effect on EU-Russia energy relations / T. Romanova // Energy Policy. – 2021. – Vol. 154. – Art. 112309. – DOI 10.1016/j.enpol.2021.112309.
155. Ross, M. L. The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations / M. L. Ross. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 2012. – xxi, 289 p. – ISBN 978-0-691-14545-7.
156. The Routledge Handbook of Energy Security / ed. by B. K. Sovacool. – London ; New York : Routledge, 2011. – xviii, 436 p. – ISBN 978-0-415-59117-1.
157. Sadykova, A. Energy Diplomacy in the Context of the Global Energy Transition / A. Sadykova, K. Sheryazdanova, O. Barnashov // Public Administration and Civil Service. – 2025. – No. 4 (95). – P. 160–168. – DOI 10.52123/1994-2370-2025-1556.
158. Sampson, A. The Seven Sisters: The Great Oil Companies and the World They Made / A. Sampson. – New ed. – Sevenoaks : Coronet Books, 1988. – 368 p. – ISBN 978-0-340-48614-6.
159. Siddi, M. The EU's Energy Union: A Sustainable Path to Energy Security? / M. Siddi // The International Spectator. – 2016. – Vol. 51, No. 1. – P. 131–144. – DOI 10.1080/03932729.2016.1090827.

160. Sil, R. Beyond Paradigms: Analytic Eclecticism in the Study of World Politics / R. Sil, P. J. Katzenstein. – Basingstoke ; New York : Palgrave Macmillan, 2010. – 263 p. – ISBN 978-0-230-20796-7. – DOI 10.1007/978-1-137-01359-0.
161. Skinner, Q. Visions of Politics. Vol. 1 : Regarding Method / Q. Skinner. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – xvi, 209 p. – ISBN 978-0-521-58926-0.
162. Smil, V. Energy Transitions: Global and National Perspectives / V. Smil. – 2nd ed. – Santa Barbara, CA : Praeger, 2017. – xi, 282 p. – ISBN 978-1-4408-5324-1.
163. Stern, J. Asian LNG pricing: evolution or revolution? / J. Stern // Oxford Energy Forum. – 2017. – No. 106. – P. 19–21.
164. Stevens, P. National oil companies and international oil companies in the Middle East: Under the shadow of government and the resource nationalism cycle / P. Stevens // Journal of World Energy Law & Business. – 2008. – Vol. 1, No. 1. – P. 5–30. – DOI 10.1093/jwelb/jwn004.
165. Toke, D. How the IEA is still grossly biased against renewables / D. Toke // WISE International. – 2025. – 26 April. – (Nuclear Monitor ; No. 926). – URL: https://www.wiseinternational.org/how-the-iea-is-still-grossly-biased-against-renewables/ (дата обращения: 09.09.2026).
166. Tunsjø, Ø. The Return of Bipolarity in World Politics: China, the United States, and Geostructural Realism / Ø. Tunsjø. – New York : Columbia University Press, 2018. – 288 p. – ISBN 978-0-231-17654-5.
167. Understanding Energy Security in Central and Eastern Europe: Russia, Transition and National Interest / ed. by W. Ostrowski, E. Butler. – London : Routledge, 2018. – 256 p. – ISBN 978-0-367-43851-7.
168. Van de Graaf, T. Global energy governance: a review and research agenda / T. Van de Graaf, J. Colgan // Palgrave Communications. – 2016. – Vol. 2. – Art. 15047. – DOI 10.1057/palcomms.2015.47.

169. Van de Graaf, T. Global Energy Politics / T. Van de Graaf, B. K. Sovacool. – Cambridge ; Medford, MA : Polity Press, 2020. – xiii, 298 p. – ISBN 978-1-5095-3049-6.
170. Waltz, K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – Long Grove, IL : Waveland Press, 2010. – 251 p. – ISBN 978-1-57766-670-7.
171. Wendt, A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – xv, 429 p. – ISBN 978-0-521-46557-1.
172. Wherry, A. The carbon tax is (nearly) dead. Now what? / A. Wherry // CBC News. – 2025. – 18 January. – URL: https://www.cbc.ca/lite/story/1.7434785 (дата обращения: 09.09.2026).
173. Yergin, D. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power / D. Yergin. – New York : Simon & Schuster, 1991. – xxxii, 877 p. – ISBN 978-0-671-50248-5.

IV. Электронные ресурсы, материалы СМИ, статистические и аналитические материалы

174. БРИКС. Председательство России в 2024 году : официальный сайт. – URL: https://brics-russia2024.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).
175. В России в 2025 году добыча газа из-за очень теплой зимы сократилась на 3% // Интерфакс. – 2026. – 6 февраля. – URL: https://www.interfax.ru/business/1071522 (дата обращения: 09.09.2026).
176. В Тбилиси обсудили интеграцию энергосистем стран Южного Кавказа и Турции // ТАСС. – 2026. – 23 сентября. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/28143937 (дата обращения: 23.09.2026).
177. «Газпром» в 2025 году поставил в Китай газа впервые больше, чем в западном направлении // Интерфакс. – 2026. – 12 января. – URL: https://www.interfax.ru/business/1067252 (дата обращения: 09.09.2026).
178. Дефицит бюджета РФ в 2023 году составил 3,24 трлн рублей, или 1,9% ВВП // Интерфакс. – 2024. – 11 января. – URL: https://www.interfax.ru/business/939771 (дата обращения: 09.09.2026).

179. Дефицит бюджета РФ в 2025 году составил 5,65 трлн рублей, или 2,6% ВВП // Интерфакс. – 2026. – 19 января. – URL: https://www.interfax.ru/business/1068331 (дата обращения: 09.09.2026).
180. Добыча газа в России в 2024 году выросла на 7%, до 685 млрд куб. м // Интерфакс. – 2025. – 5 февраля. – URL: https://www.interfax.ru/business/1006521 (дата обращения: 09.09.2026).
181. ЕС опубликовал решение о введении потолка цен на нефть из России в $60 // ТАСС. – 2022. – 4 декабря. – URL: https://tass.ru/ekonomika/16495575 (дата обращения: 09.09.2026).
182. ЕС принял предварительное соглашение по запрету импорта газа из России // ТАСС. – 2025. – 3 декабря. – URL: https://tass.ru/ekonomika/25800197 (дата обращения: 09.09.2026).
183. Импорт нефти в Китай достиг рекорда в декабре 2025 года // Neftegaz.RU. – 2026. – 15 января. – URL: https://neftegaz.ru/news/Trading/912549-import-nefti-v-kitay-dostig-rekorda-v-dekabre-2025-goda/ (дата обращения: 09.09.2026).
184. Коммерсантъ : [сайт]. – URL: https://www.kommersant.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).
185. ПАО «Газпром» : [сайт]. – URL: https://www.gazprom.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).
186. ПАО «НК «Роснефть» : [сайт]. – URL: https://www.rosneft.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).
187. Рекордные расчеты в нацвалютах удержат рубль крепким на долгое время // Известия. – 2026. – 3 марта. – URL: https://iz.ru/2052227/2026-03-03/rekordnye-raschety-v-natcvaliutakh-uderzhat-rubl-krepkim-na-dolgoe-vremia (дата обращения: 09.09.2026).
188. Российское энергетическое агентство Минэнерго России : [сайт]. – URL: https://rosenergo.gov.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

189. Санкт-Петербургская Международная Товарно-сырьевая Биржа (Петербургская биржа) : [сайт]. – URL: https://spimex.com/ (дата обращения: 09.09.2026).
190. Статистика запасов, добычи и потребления нефти в Гайане // Worldometer. – URL: https://www.worldometers.info/ru/нефть/гайана-нефть/ (дата обращения: 09.09.2026).
191. Статистика запасов, добычи и потребления природного газа в Мозамбике // Worldometer. – URL: https://www.worldometers.info/ru/газ/мозамбик-природный-газ/ (дата обращения: 09.09.2026).
192. Сысоев, И. США атаковали, Иран ответил. Что известно о новом обострении в Ормузском проливе / И. Сысоев // Российская газета. – 2026. – 27 июня. – URL: https://rg.ru/2026/06/27/ssha-i-iran-vpervye-posle-podpisaniia-memoranduma-obmenialis-atakami.html (дата обращения: 09.09.2026).
193. Тренд на дедолларизацию // Компания. – 2026. – 26 января. – URL: https://ko.ru/articles/trend-na-dedollarizatsiyu/ (дата обращения: 09.09.2026).
194. Форум «Глобальный энергетический диалог» // ИМЭМО РАН : [сайт]. – URL: https://www.imemo.ru/activities/global-energy-dialogue (дата обращения: 09.09.2026).
195. Центр энергетических исследований ИМЭМО РАН : [сайт]. – URL: https://www.imemo.ru/energyeconomics/ (дата обращения: 09.09.2026).
196. Шанхайская организация сотрудничества : официальный сайт. – URL: https://rus.sectsco.org/ (дата обращения: 09.09.2026).
197. Annual Report 2025 / Saudi Aramco. – 2026. – URL: https://www.aramco.com/-/media/publications/corporate-reports/reports-and-presentations/2025/fy/saudi-aramco-ara-2025-english.pdf (дата обращения: 09.09.2026).
198. bp Statistical Review of World Energy 2022 / bp. – 2022. – URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-

sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf (дата обращения: 09.09.2026).
199. China continues to dominate rare earths as diversification efforts gain momentum / GlobalData // Mining Technology. – 2026. – 24 March. – URL: https://www.mining-technology.com/analyst-comment/china-dominate-rare-earths/ (дата обращения: 09.09.2026).
200. Electricity production in 2022: coal accounted for a third, wind power for a quarter : Press release No. 090 of 9 March 2023 // Statistisches Bundesamt (Destatis). – 2023. – 9 March. – URL: https://www.destatis.de/EN/Press/2023/03/PE23_090_43312.html (дата обращения: 09.09.2026).
201. Gazprom posts 7% rise in IFRS net profit for 2025 // TASS. – 2026. – 30 April. – URL: https://tass.com/economy/2125111 (дата обращения: 09.09.2026).
202. Global oil supply falls by 10 MMbpd in a historic shock // Inspenet. – 2026. – 21 April. – URL: https://inspenet.com/en/news/global-oil-supply-falls-by-10-mmbpd-in-a-historic-shock/ (дата обращения: 09.09.2026).
203. Guyana project overview // ExxonMobil : [site]. – URL: https://corporate.exxonmobil.com/locations/guyana/guyana-project-overview (дата обращения: 09.09.2026).
204. International Energy Agency (IEA) : [site]. – URL: https://www.iea.org/ (дата обращения: 09.09.2026).
205. International Monetary Fund (IMF) : [site]. – URL: https://www.imf.org/ (дата обращения: 09.09.2026).
206. International Renewable Energy Agency (IRENA) : [site]. – URL: https://www.irena.org/ (дата обращения: 09.09.2026).
207. Investing.com : [сайт]. – URL: https://ru.investing.com/ (дата обращения: 09.09.2026).
208. Major, D. Carney kills consumer carbon tax in first move as prime minister / D. Major // CBC News. – 2025. – 14 March. – URL:

https://www.cbc.ca/news/politics/mark-carney-drops-carbon-tax-1.7484290 (дата обращения: 09.09.2026).

209. Oil Market Report – November 2025 / International Energy Agency. – Paris : IEA, 2025. – 13 November. – URL: https://www.iea.org/reports/oil-market-report-november-2025 (дата обращения: 09.09.2026).
210. Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC) : [site]. – URL: https://www.opec.org/ (дата обращения: 09.09.2026).
211. Raghunandan, V. Flags of inconvenience: 113 vessels flying a false flag transported EUR 4.7 bn Russian oil in first three quarters of 2025 / V. Raghunandan, L. Wickenden // Centre for Research on Energy and Clean Air (CREA). – 2025. – 27 November. – URL: https://energyandcleanair.org/publication/flags-of-inconvenience-113-vessels-flying-a-false-flag-transported-eur-4-7-bn-russian-oil-in-first-three-quarters-of-2025/ (дата обращения: 09.09.2026).
212. Renewable Power Generation Costs in 2024 / International Renewable Energy Agency. – Abu Dhabi : IRENA, 2025. – URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2025/Jul/IRENA_TEC_RPGC_in_2024_2025.pdf (дата обращения: 09.09.2026).
213. Ritchie, H. CO_2 and Greenhouse Gas Emissions / H. Ritchie, P. Rosado, M. Roser // Our World in Data. – 2020. – URL: https://ourworldindata.org/co2-and-greenhouse-gas-emissions (дата обращения: 09.09.2026).
214. Ritchie, H. Energy Mix / H. Ritchie, P. Rosado // Our World in Data. – 2020. – URL: https://ourworldindata.org/energy-mix (дата обращения: 09.09.2026).
215. Rosneft Oil Company Full Year 2025 IFRS Results // Rosneft : [site]. – 2026. – 31 March. – URL: https://rosneft.com/press/releases/item/223842/ (дата обращения: 09.09.2026).
216. Six months into Iran war, Hormuz traffic way down, sailors stranded // Daily Mail. – 2026. – 25 August. – URL: https://www.dailymail.com/wires/afp/article-16077407/Six-months-Iran-war-Hormuz-traffic-way-sailors-stranded.html (дата обращения: 09.09.2026).

217. Statista : [site]. – URL: https://www.statista.com/ (дата обращения: 09.09.2026).
218. Statistical Review of World Energy 2026 / Energy Institute. – 75th ed. – 2026. – URL: https://www.energyinst.org/__data/assets/file/0004/1827616/Statistical-Review-of-World-Energy-PDF-Report.pdf (дата обращения: 09.09.2026).
219. Statistical Review of World Energy 2026 / Energy Institute. – 75th ed. – 2026. – URL: https://www.energyinst.org/statistical-review (дата обращения: 09.09.2026).
220. Taylor, M. Energy Subsidies: Evolution in the Global Energy Transformation to 2050 / M. Taylor. – Abu Dhabi : International Renewable Energy Agency, 2020. – ISBN 978-92-9260-125-6. – URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2020/Apr/IRENA_Energy_subsidies_2020.pdf (дата обращения: 09.09.2026).
221. U.S. Energy Information Administration (EIA) : [site]. – URL: https://www.eia.gov/ (дата обращения: 09.09.2026).
222. Underpriced and Overused: Fossil Fuel Subsidies Data 2025 Update / S. Black, W. Celniak, A. Garcia Huitron [et al.]. – Washington, DC : International Monetary Fund, 2025. – (IMF Working Paper ; WP/25/270). – URL: https://www.imf.org/en/publications/wp/issues/2025/12/20/underpriced-and-overused-fossil-fuel-subsidies-data-2025-update-572729 (дата обращения: 09.09.2026).
223. The United Arab Emirates is quitting OPEC oil cartel after nearly 60 years // NPR. – 2026. – 28 April. – URL: https://www.npr.org/2026/04/28/nx-s1-5802735/uae-leaves-opec-oil (дата обращения: 09.09.2026).
224. World Energy Outlook 2025 / International Energy Agency. – Paris : IEA, 2025. – URL: https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2025 (дата обращения: 09.09.2026).